ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2020 № 18

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – председатель
Е.В. Иванцова (Томск, Россия) – зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь
В.Ю. Апресян (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
А.Д. Жакупова (Кокчетав, Казахстан)
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск, Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац, Австрия)
Л.И. Шелепова (Барнаул, Россия)
Е.А. Юрина (Томск, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk, Russia) – Chairperson
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk, Russia) – Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Valentina Yu. Apresyan (Moscow, Russia)
Nikolai D. Golev (Kemerovo, Russia)
Aygul D. Zhakupova (Kokshetau, Kazakhstan)
Valery M. Mokienko (Saint Petersburg, Russia)
Andrey N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk, Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz, Austria)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul, Russia)
Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)
Ilona Janyšková (Brno, Czech Republic)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт **http://journals.tsu.ru/lex/**

© Томский государственный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Боброва М.В., Колосько Е.В. Проблемы лексикографического описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре (на примере слова *чё*) 5

Гриценко Е.С., Сергеева М.В. Современные тенденции в концептуализации гендера и их отражение в британской толковой лексикографии 22

Лаппо М.А., Малиновская Н.И. Параметризация базы данных узуальных и неузуальных феминитивов 52

Тругларжова О.Г., Корычанкова С. История развития и основные направления исторической лексикографии в компаративном аспекте (на примере исторических словарей чешского и русского языков) 73

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Земичева С.С. От *абарма* до *ящичишка*: разработка лексикографического компонента Томского диалектного корпуса 98

Краснобаева-Чёрная Ж.В. Терминологический банк данных «Классификационные параметры фразеологических единиц» как электронный терминографический продукт: опыт проектирования 117

Никитин О.В. «Словарь Ваш нужен всем»: письма к С.И. Ожегову 1940–1960-х гг. (к 120-летию со дня рождения ученого) 133

Ткачева И.О. Системное описание союзов в толковом словаре: основные проблемы и пути их решения 150

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Воронцов Р.И. «Большой академический словарь русского языка» как зеркало экономических перемен: семантическая динамика слов с корнем *торг-* 167

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Хисамитдинова Ф.Г., Ягафарова Г.Н. Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН как один из центров тюркской лексикографии 181

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Федотова Н.Л., Коваленко Б.Н. Рецензия на книгу: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русская диалектная фразеография: дифференциальные и полные словари / Ред. Х. Вальтер. СПб.–Greifswald: СПбГУ-Universität Greifswald, 2019. 310 с. 199

Сведения об авторах 212

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Bobrova M.V., Kolos'ko E.V. Problems of Lexicographic Description of Dialect and Common Parlance Vocabulary (On the Example of the Word *Chyo*) 5

Gritsenko E.S. Sergeyeva M.V. Current Trends in Gender Conceptualization and Their Reflection in English Learner's Dictionaries 22

Lappo M.A., Malinivskaia N.I. The Parametrization of the Database of Common and Occasional Feminitives 52

Truhlarova O.G., Korycankova S. The History and Main Avenues of Historical Lexicography in the Comparative Aspect (On the Example of Historical Dictionaries of the Russian and Czech Languages) 73

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Zemicheva S.S. From "*Abarmo*" to "*Yashchichishko*": Creating the Lexicographic Component of the Tomsk Dialect Corpus 98

Krasnobaieva-Chernaya Zh.V. The Terminological Data Bank "Classification Parameters of Phraseological Units" as an Electronic Terminographic Product: Design Experience 117

Nikitin O.V. "We All Need Your Dictionary": Letters to Sergey Ozhegov of the 1940s–1960s (To the 120th Anniversary of the Birth of the Scholar) 133

Tkacheva I.O. A Systemic Description of Conjunctions in an Explanatory Dictionary: Main Problems and Their Solutions 150

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Vorontsov R.I. *The Great Academic Dictionary of the Russian Language* as a Reflection of Economic Change: Semantic Dynamics of Words with the Root *Torg-* 167

ACTIVITY OF CENTRES FOR LEXICOGRAPHY

Khisamitdinova F.G., Yagafarova G.N. The Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences as One of the Centers for Turkic Lexicography 181

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Fedotova N.L., Kovalenko B.N. Book Review: Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2019) *Russkaya Dialektnaya Frazeografiya: Differentsial'nye i Polnye Slovari* [Russian Dialect Phraseography: Differential and Complete Dictionaries]. Saint Petersburg; Greifswald: Saint Petersburg State University; Universität Greifswald 199

Information About the Authors in Russian 212

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'374:28
DOI: 10.17223/22274200/18/1

М.В. Боброва, Е.В. Колосько

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДИАЛЕКТНО-ПРОСТОРЕЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ДИАЛЕКТНОМ СЛОВАРЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *ЧЁ*)

Поднимаются проблемы описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре, проиллюстрированные на примере лексемы чё. В их числе отражены вопросы, обусловленные употреблением таких слов в диалектной речи, – в содержательном, формальном и функционально-коммуникативном аспектах, в связи с общими вопросами лексикографической теории. Сделаны выводы о том, что обозначенные проблемы определяют подходы к лексикографическому описанию диалектно-просторечной лексики в диалектных словарях.
Ключевые слова: *диалектология, диалектная лексикография, лексикографическое описание, дискурс, диалектно-просторечная лексика, чё.*

Каждый лексикограф рассчитывает на то, что с приближением к концу проекта вопросы описания слов в данном словаре будут иссякать, и чем дальше, тем проще будет работать с материалами. Но на любом этапе приходится сталкиваться со словами, которые требуют индивидуального подхода и поиска очередных непростых решений. Особенно остро различные вопросы встают при обработке лексики, широкоупотребительной в живой разговорной речи: чем выше частотность использования слова, тем больше у него вариантов и вариаций применения, нуждающихся в квалификации и интерпретации как явления языкового или речевого, узуального или окказионального, закономерного или случайного. В силу спонтанности и эмоциональной окрашенности в обиходной речи варьируются форма слова, ритмико-мелодический рисунок, степень экспрессивности и способы выражения эмоций в высказывании, а вместе с этим и смысловое наполнение текста и отдельных его элементов.

Исследователи неоднократно обращались к проблеме функционально-стилистической атрибуции диалектной лексики, подчеркивали

сосуществование в говорах слов, генетически связанных с разными формами бытования языка. Мы обращаемся к одной из групп диалектных слов, в определении которых опираемся на термин О.И. Блиновой «диалектно-просторечная лексика» (далее ДПС). Под этим термином понимается лексика, используемая в системе диалекта и в просторечии, но не употребляемая в нормированном литературном языке (см. [1. С. 102] и последующие работы). Наш опыт показывает, что отсутствие единых подходов к подобным языковым фактам приводит к несогласованности, непоследовательности и даже противоречивости лексикографических продуктов.

В настоящей статье в качестве примера диалектно-просторечных слов мы привлекли одну из самых сложных в аспекте словарного описания лексему – *чё* (из *что*), которая стала объектом нашей лексикографической работы над «Словарем говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимским словарем)» (М.В. Боброва; см. [АС. Вып. 6]) и над «Словарем русских народных говоров» (далее СРНГ) (Е.В. Колосько; составление статьи осуществляется в настоящее время). Ограниченные рамками журнальной статьи, мы задались целью обозначить на его примере наиболее важные и сложные проблемы описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре. В задачи входило отразить вопросы, обусловленные употреблением таких слов (и слова *чё*) в диалектной речи, – в содержательном, формальном и функционально-коммуникативном аспектах, в связи с общими вопросами лексикографической теории.

Материалом для исследования послужила картотека СРНГ, данные региональных словарей (см. Список сокращений).

Проблемы, с которыми нам пришлось столкнуться при подаче диалектно-просторечных слов в диалектном словаре, объединены в две основные группы: 1) связанные с общими методологическими установками и 2) связанные с принципами описания таких лексем в словарной статье. В рамках указанных групп выделены более частные вопросы.

I. *Обоснование включения ДПС в диалектный словарь.*

1. *Вопрос о корректности включения ДПС в дифференциальный диалектный словарь в связи с их функционально-стилевой принадлежностью.*

Уже на стадии отбора материала для дифференцированного диалектного словаря встает очень острый вопрос о правомерности вклю-

чения в него слов, имеющих «промежуточный» функционально-стилевой статус. Вопрос поставлен давно, но до сих пор он не утратил значимости.

Л.И. Баранникова, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова и другие исследователи регулярно отмечали, в частности, сложность, условность, а иногда невозможность отграничения диалектной лексики от просторечной; ср. мнение редактора СРНГ С.А. Мызникова: «Проведение принципа дифференциального отбора материала оказывается довольно сложным делом, так как не всегда имеются достаточные основания для “разведения” фактов общенародных и территориально ограниченных, диалектных» [2. С. 18]. А вместе с тем, по справедливому замечанию Л.И. Балахоновой, «вопрос о границах между просторечной и диалектной лексикой приобретает особую актуальность в лексикографической практике – при отборе словарных единиц в областные словари» [3. С. 104]. Нельзя не учитывать и позицию первого редактора СРНГ Ф.П. Филина: «Во всех случаях, когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда невозможно определить, является ли слово диалектным или оно распространено повсеместно, вопрос решается в пользу помещения слова в Словаре» [4. Т. 1. С. 6]. И сейчас в СРНГ включаются слова (в том числе диалектная фразеология, терминология, архаизмы, элементы арго), «если они входят в диалектную лексическую систему, имеют в своем распространении локальные ограничения и не известны в литературном языке» [2. С. 18].

О.И. Блиновой был введен термин «диалектно-просторечная лексика», снимающий многие противоречия и несоответствия, освобождающий от необходимости проводить специальные изыскания применительно к каждой конкретной лексеме и узаконивающий статус слов, которые находятся в области пересечения (в «зоне переходности») разных форм бытования национального языка. В настоящее время понятие активно используется диалектологами, но диалектные лексикографы, к большому сожалению, нередко исключают из сферы внимания подобные единицы, несмотря на то, что их материалы, в которых зафиксированы диалектно-просторечные слова, вполне презентативны для разработки этих единиц.

Исконно диалектное слово *чё* в последние десятилетия активно вторгается в речь носителей просторечия и даже разговорной литературной речи. Следствием этого, прежде всего, стала утрата данным

словом статуса собственно диалектного, а далее возник принципиальный вопрос о корректности включения лексемы *чё* в словник современных диалектных словарей, начиная со «Словаря русских народных говоров». В итоге это привело к парадоксальной ситуации, когда один из самых выразительных элементов живой разговорной речи исчез из современного тезауруса: в словари литературного языка это слово попасть не может, а из словарей диалектных оно нередко исключается из-за несоответствия выбранному авторами принципу отбора собственно диалектной (и никакой иной) лексики.

На наш взгляд, такое положение неправомерно в силу того, что ДПС (и слово *чё*) являются органичной частью *системы* территориальных диалектов. И только такой подход – с учетом органичной связи различных идиомов языка – способен обеспечить превращение словаря из «сборника лексико-семантических этюдов» в «сверхтекст» (о последнем понятии см. [5]). Вероятно, в этом направлении лежит будущее отечественной диалектологии и диалектной лексикографии, открывшееся участникам проекта «Лексический атлас русских народных говоров»: «Отказ от прежнего атомистического (в том числе дифференциального) подхода к изучению диалектной лексики, ориентация на системность делает реальной возможность по-новому взглянуть на ономасиологическое и словообразовательное устройство отдельных участков лексический системы языка и проникнуть в тайны языковой картины мира русского народа» [2. С. 20].

Из этого следует вывод о том, что диалектно-просторечные слова должны подаваться в диалектных словарях.

2. *Вопрос о дифференциации речевых вариантов ДПС.*

Вопрос о правомерности включения диалектно-просторечных слов в дифференциальный диалектный словарь непосредственно связан с проблемой вариативности в потоке речи.

В отношении лексемы *чё* очевидно, что в ряде случаев при обработке материалов в действительности мы имеем дело не с лексикализованным, уже самостоятельным вариантом *чё*, а со стяженной формой лексемы *что* в живой, особенно быстрой речи. В первую очередь это справедливо в отношении данных по тем регионам (например, пермскому), в которых речь отличается особенно высоким темпом. В русской разговорной речи и, соответственно, в диалектах наблюдается «проглатывание» звуков, флексий, примеры диерезы согласных [j], [в] в интервокальной позиции, стяжение в глагольных окончаниях

и подобные явления (ср. *человек* [ч’ек], *говорит* [гр’ит], *большое* [бол’шóэ] и [бол’шó], *покупаешь* [покупáэш] и [покупáш], *знает* [знáэт] и [знат], др.), в том числе формы *что* со своего рода дифтонгическими сочетаниями гласных и чистым стяжением звуков (типа [ч’ио́] и [ч’о] из *чего*). На стадии отбора лексики для словаря подобные фиксации нуждаются в особом рассмотрении с учетом разнообразных факторов.

II. *Описание ДПС в словарной статье дифференциального диалектного словаря.*

1. *Вопрос о написании ДПС.*

а) Вопрос о написании заголовочного слова.

Непосредственно при лексикографической работе мы сталкиваемся с проблемами в первой же структурной части словарной статьи – при написании заголовочного слова. В силу нестандартности употребления, которая проистекает из природы территориально и функционально ограниченных слов, возникает вопрос о форме их подачи в словарях. Ср., например, проблему отражения жаргонного слова *кип(е/и)ш* в словарях русского жаргона в период вхождения данного слова в активный лексикон молодежи и усвоения его языковой системой. Так, в словаре Т.Г. Никитиной, в котором отражен молодежный жаргон 1970–1990-х гг., обнаруживаем форму *кипиш* [6. С. 182], в словаре современного жаргона томских студентов, составленном Л.А. Захаровой и А.В. Шуваевой, – *кипеш* [7. С. 67]; В.С. Елистратовым поданы следующие многочисленные варианты слова: *хи́пеж, хи́пес, хи́пеш, хи́пиж, хи́пис, хи́пиш, ки́пеж, хи́беж, хи́бес, хи́беш, хи́биж, хи́бис, хи́биш* [8. С. 514].

Вероятно, эта же причина привела к неоднообразному представлению в словарях и лексемы *чё*. Изначально она писалась с буквой *о* (см. [Опыт. С. 259; Даль. Т. 4. С. 557; Даль, 4-е изд. Т. 4. С. 1355 стб.; Подвысоцкий. С. 189]). Эта традиция, поддерживающая фонетический принцип русской орфографии, была продолжена в словарях XX в., например в [СРГНО. С. 588; СРОГ. С. 290; Элиасов. С. 454; ЯОС. Т. 10. С. 61]; ср. также форму *чось* в [СРГО. Т. 2. С. 278]. В то же время, начиная со словаря Ф.И. Поликарпова [Поликарпов], материалы для которого собирались в 1893 г., многие лексикографы отдают предпочтение фонематическому / морфематическому принципу и написанию с буквой *ё* (см., в частности, [АС. Вып. 6. С. 154–162; ВС. Т. 7. С. 253–258; НОС 2010. С. 1270; Прокошева. С. 408–409; ПССГ.

Т. 4. С. 201; СГССЗ. С. 178; СДГВО. Т. 6. С. 653; СО Доп. Ч. 2. С. 190–191; СПГ. Т. 2. С. 523; СРГА. Т. 4. С. 216; СРГНП. Т. 2. С. 416; СРГС. Т. 5. С. 265; СРГЮП. Вып. 3. С. 341–342; СРДГ. Т. 2. С. 188; СРСГСЧБО. Т. 3. С. 222; СРСГТЯ. Т. 4. С. 129; др.]).

Отражение *диалектно*-просторечных слов вызывает дополнительные вопросы в связи с необходимостью манифестировать в словаре свойственные их природе *диалектные* различия. В случае со словом *чё* это тот факт, что на месте фонемы <ч’> в говорах реализуются разнообразные фонемы или звуки, зависящие от типа говора: [ч’], [ч], [ц], [ц’], [ц’’], [ш], [ш’], [т’] (см. [9. С. 88–94; 10. С. 39–40; 11. С. 62–65]). И естественным будет представить на соответствующем алфавитном месте не только ведущий вариант *чё*, но и фонематические варианты *цё* / *цо* / *чо* / *шо* / *щё* для говоров цокающих / с отвердевшими аффрикатами / с аффрикатами, утратившими затвор.

Но и этим вопросы о написании ДПС в словарях не ограничиваются, поскольку в живой разговорной речи (в первую очередь народной, диалектной) крайне употребительны устойчивые *сочетания* слов, самостоятельных слов с разного рода частицами. Решаемой с большим трудом оказывается, в частности, проблема выбора единообразного написания для сочетаний с *чё* других лексем: *ино, йно, но, ли, ле,* со словообразующими частицами: *-то, -ко, -йто* (из *ето*), *-нидь / -нить, -нибудь / -нинабудь*, их комбинациями: *-то-сь, -ко-сь, -ко-ся, -т-ко, -то-ся*, др. Решение этой проблемы осложнено пересечением разных задач: определения степени лексикализации таких сочетаний, степени их устойчивости, грамматического и лексико-грамматического статуса.

б) Вопрос о написании ДПС в иллюстративных материалах. Известны различные подходы составителей словарей к отображению иллюстративных материалов: для этого может использоваться современная орфография, так называемая упрощенная орфография (с отражением только наиболее ярких фонетических особенностей говоров в вариантах типа *яшшык, испугацця, Валькя* и под.) или же фонетическая транскрипция (с отражением мягкости, ударения и других фонетических особенностей при помощи диакритических знаков). Сложность составляет необходимость выбрать один из этих подходов (и тогда, например, во всех случаях передавать рассматриваемую лексему в написании *чё*) либо отказаться от принципа единообразия и сохранять цитируемые материалы в исходном виде.

2. *Вопрос о лексико-грамматической отнесенности ДПС.*

При указании в статье грамматических помет также возникают проблемы.

Самая главная из них связана с тем, что лексикографами может поразному решаться вопрос о частеречной принадлежности слов живой разговорной речи, которая в силу спонтанности коммуницирования и эмоциональности характеризуется наличием значительного количества отклонений от языковой нормы.

Применительно к слову *чё* можно предложить сравнить факты оценки лексико-грамматической отнесенности общерусского слова *что* в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т. [БАС. Т. 17. Стб. 1114–1133] и диалектно-просторечного *чё* в некоторых диалектных словарях. Так, в БАС выделено три омонима *что*: местоимение, союз, частица. В диалектном словаре Среднего Прииртышья *чё* представлено только как местоимение [СРСГСП. Т. 3. С. 309]; в Вершининском словаре обнаруживается четыре омонима *чё*: местоимение, наречие, союз, частица [ВС. Т. 7. С. 253–258]; в полном Акчимском словаре выделены в самостоятельные словарные статьи четыре омонима *чё*: местоимение, союз, частица, вводное слово [АС. Вып. 6. С. 154–162].

Такое положение является следствием общего состояния современной морфологии, где, в частности, до сих пор теоретически и терминологически не определено положение слов типа *зачем (?), почему (?), сколько (?), несколько* и под., имеющих признаки местоимения и наречия, до сих пор не выработано четких и непротиворечивых критериев квалификации и классификации частиц. Поэтому в разных источниках можно встретить трактовку слов первой группы как «местоимений» / «наречий» / «наречных местоимений» / «местоименных наречий» – в зависимости от того, каким традициям следует автор: «структурно-семантически ориентированных» «Академической грамматики – 50» [12], «Академической грамматики – 70» [13] или же «семантико-ориентированной» «Академической грамматики 80» [14]. В настоящее время может оспариваться положение *-то, -либо, -нибудь, -ка* как словообразовательных (словообразующих) частиц или же как морфем (словообразовательных суффиксов).

Ситуация с квалификацией *чё*, а также его сочетаний с частицами усугубляется тем, что «многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов – союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а сов-

мещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов. Соответственно внутри класса частиц выделяются частицы, совмещающие в себе признаки частиц с признаками названных слов: частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-междометия и частицы-вводные слова» [14. С. 729]. Ср. в высказывании: *Не пойду я к имя! – А чё?* (Киров.), в котором *чё* – это вопросительное местоимение в роли наречия причины, но с наложением функции эмоциональной и побудительной частицы, поскольку в ответе присутствует оттенок недопонимания, удивления, недоумения, а также побуждения к ответу, к истолкованию причин такого заявления.

Проблемы, с которыми сталкиваются современные диалектные лексикографы, отражают состояние современного языкознания – состояние поиска новой лингвистической концепции, которая отражала бы реальные языковые состояния. Поиски эти проходят в условиях, когда была осознана «неабсолютность» объяснительной силы структурно-семантического подхода, а смена научной парадигмы на антропоцентрическую потребовала нового взгляда на отношения в триаде «язык – речь – речевая деятельность». Фактически суть этих проблем сводится к необходимости применить к продуктам живой речевой деятельности «схоластические» «чисто языковые» построения.

Многим современным исследователям выход видится в обращении к теории дискурса, без которого «остается непреодоленным разрыв между описательной грамматикой и речевой деятельностью», «который выводит за пределы идеальной системы, отражает поиск путей к постижению языка в его речевой деятельности, в практической реальности, органическая связь дискурсивного анализа с возможностями корпусной лингвистики, с когнитивным и функциональным направлениями связывается с надеждой на то, что анализ дискурса поможет значительно расширить *изучение реального языкового существования,* которое сегодня уже находит отражение во множестве конкретных исследований» [15. С. 7, 10]. Этот подход, как никакой другой, отвечает задачам деятельности лексикографа, поскольку «дискурсивный анализ сосредоточен *на содержательной стороне речи в аспекте решения социальных задач* с поиском средств ее выражения» [15. С. 8].

3. *Вопрос о семантизации ДПС.*

Будучи лексикографами, мы выступаем безусловными сторонниками идеи «дискурсивного функционирования слова», что «проявляется в трансформации функциональной позиции в функциональные

семы (фиксируемые лексикографическими пометами стилистического содержания) и далее – в семы сигнификативного типа (входящие в словарную дефиницию)» [16. С. 116]. Иными словами, контекст (в широком понимании термина) первичен по отношению к реализуемым в нем смыслам, которые далее находят отражение в традиционном словаре, где сведения о языковых состояниях передаются в информативно-понятийном ключе.

При этом в любом речевом произведении следует различать два типа процессов – речемыслительные и языкотворческие (см. об этом работу Л.Н. Засориной [17]), что реализуется в «синхронно-функциональном плане типовой первичности контекста и дискурса» и «генетико-диахронном плане временной первичности дискурса по отношению к семантике» [16. С. 115–116]. Каждое конкретное речевое высказывание, с одной стороны, является продуктом опыта речевых практик в данном коллективе, транслирующим семантемы (существующие «в языковой памяти определенные коммуникативно значимые дискретные семантические единицы» [16. С. 114–115]) от микро- до макроуровня, т.е. функционирующие в языковом коллективе на уровне микрогрупп «семья», «соседи», «друзья», а в равной степени – в макрогруппах «представители одной национальности», «носители одной культуры», «граждане одного государства». С другой стороны, эти средства, уже закрепленные в языке, используются в конкретном речевом произведении для выражения «сиюминутных» интенций говорящего, что часто служит толчком для возникновения новых, окказиональных (по крайней мере, до определенного момента) смыслов, способных впоследствии переродиться из индивидуально значимых в коллективно значимые семантемы и закрепиться в языковых состояниях.

а) Вопрос о семантизации ДПС в конкретном контексте.

Одна из сложнейших задач лексикографа – «отделить зерна от плевел», а в данном случае суметь «развести» в контексте факты языковые и факты индивидуальные, случайные. Отсюда большая роль качественной обработки имеющихся в распоряжении составителя словаря иллюстраций из живой речи. Однако приходится признать, что в большинстве своем цитаты, составляющие картотеки словарей, недостаточны для четкой дифференциации конкретных значений, и на этом основании мы выделяем как самостоятельный вопрос об определении семантики (семантизации) слова в конкретном словоупотреблении.

Положение усугубляется недостаточной способностью транскрибированных текстов передавать оттенки ритмико-мелодического рисунка (интонации) высказывания. Ситуация осложняется при различении смысловых вариантов, связанных генетически. Так, например, контекст: *Чё от тепла-то да от добра-то едут в Пермь?* (Красновишер. Перм.) – позволяет выделить в вопросительном местоимении *чё* целевой ЛСВ ‘зачем?’; контекст: *Чё это магазин-от не открывают?* (Красновишер. Перм.) – причинный ЛСВ ‘почему?’. Но как трактовать контексты типа: *Чё вернулся?* Здесь тесно переплетены оба ЛСВ, что уже с трудом поддается лексикографическому описанию. Однако подобные иллюстративные материалы однозначно интересны тем, что позволяют прослеживать пути развития семантики отдельных слов и требуют представления в словаре.

Неизбежным следствием такого положения вещей оказывается то, что при формулировке дефиниции нередко приходится опираться в большей степени не на иллюстративный материал, а на комментарии собирателя.

б) Вопрос о семантизации полисемичных ДПС.

Одним из итогов длительного дискурсивного функционирования слова является «обрастание» им со временем различными семантемами и семами, что приводит к закреплению ряда из них, а значит, к полисемантизации лексем. Особую остроту данный вопрос приобретает в компендиумах типа «Словаря русских народных говоров», где обобщаются данные по разным, частично не пересекающимся языковым группам. Различение лексико-семантических вариантов (далее также ЛСВ) конкретных ДСП представляется особенно значимым, если мы ставим собой задачу не просто отразить в словаре все имеющиеся значения (составить «сборник ЛСВ»), а представить их в системе, отразить векторность в становлении семантики слов в живой народной речи.

Вряд ли кто-то оспорит положение о том, что в силу особенностей употребления (в условиях неподготовленности речи, эмоциональности, усиленной роли контекста и ситуации говорения и др.) диалектно-просторечные слова и словосочетания отличаются повышенной семантической вариативностью в речи, а вслед за этим выраженной полисемичностью в языке. Ярким подтверждением этого является слово *чё*, широко используемое в различных лексических вариантах и смыслах.

Показательно вновь сравнение данных разных словарей. Так, для слова *что* в БАС выделено: 19 лексико-семантических вариантов местоимения, 11 – союза, 10 – частицы (итого 40 ЛСВ). В Вершининском словаре выделены 12 ЛСВ местоимения, два – наречия, три – союза, четыре – частицы (итого 21 ЛСВ). В СРСГСП определены семь ЛСВ местоимения. Наиболее подробно разработана структура словарной статьи *чё* в полном Акчимском словаре, где выделены 19 ЛСВ местоимения, восемь – союза, шесть – частицы, два – вводного слова (итого 35 ЛСВ). По данным картотеки СРНГ поддается описанию не менее 37 ЛСВ слова *чё*.

В таких условиях для диалектного лексикографа очень важна задача представить имеющиеся сведения «сбалансированно»: с одной стороны, суметь отразить всё семантическое и сочетательное богатство лексемы, с другой – удержаться от чрезмерного «дробления» значений.

4. *Вопрос об определении статуса и об описании сочетаний ДПС с другими словами.*

Один из сложных вопросов описания диалектно-просторечных слов – выявление и отражение в дифференциальном диалектном словаре регулярно воспроизводимых сочетаний с ними как в той или иной степени устойчивых. Эту проблему ярко иллюстрируют, в частности, сочетания *чё* с частицами. Выше уже оговаривались сложности выбора верного написания таких сочетаний. Возникновению этих сложностей способствует то, что составители словарей по-разному решают проблему статуса подобных сочетаний. В силу недоказуемости или нерешенности вопроса о том, в какой степени завершен процесс лексикализации комбинаций слов типа *чё(ино), чё(йно), чё(ко), чё(т)(ко), чё(ко)(сь), чё(то)(сь), чё(ко)(ся), чё(то)(ся)* и под., в региональных источниках они подаются то в слитном или дефисном написании в качестве отдельных лексем, то в раздельном написании в качестве сочетаний. Задача составителя сводного «Словаря русских народных говоров» объединить эти данные, четко определяя инварианты.

5. *Вопрос об отражении в словаре функционально-коммуникативного статуса ДПС.*

С нашей точки зрения, логично говорить не только о «дискурсивном функционировании», но и о «дискурсивной функциональности» слова, т.е. о способности слова реализовывать некие функции в условиях определенного дискурса. Ср. размышления К.А. Роговой о под-

ходах к построению современной теории грамматики: «…дис-курсивный анализ позволяет выявлять, помимо синтаксических и семантических, дискурсивные функции грамматических категорий» [15. С. 10].

Для диалектно-просторечных слов дискурсивная функциональность находит выражение в повышенной экспрессивности и эмоциональности, в целом свойственной живой разговорной речи. Это справедливо и для слова *чё* – в рамках обыденного (повседневного, бытового) дискурса. Для сравнения: в художественном дискурсе функция данной лексемы будет, скорее всего, иной: на первое место выйдет маркирование речи персонажа, вероятно не относящегося к высокообразованным слоям общества.

Можно предположить, что именно двойственное положение лексемы *чё*, еще не утратившей оттенка необычности, некоторой «неправильности», способствует особой ее выразительности. Реализация семантики слова *чё* при этом лежит в русле общей тенденции: «…книжное употребление слова ведет к формированию у него функциональной семы возвышенности и далее – мелиоративности, просторечное употребление, напротив, стимулирует формирование негативной семы» [16. С. 116]. Действительно, *чё* редко используется для выражения позитивных эмоций (например, одобрения). В большинстве случаев оно привносит в контекст оттенки недоверия, сомнения, неодобрения, укора, возмущения, пренебрежения, уничижительности и т.д., ср.: *А продавцам чё? Лишь бы обмухлить нашего брата* (Иркут.); *Чё ходишь за мной, волочишься хвостом?* (Низ. Печора); *Дак ето чё она сидит?! Ребёнок плачет, а она всё равно сидит тута!* (Красновишер. Перм.); *Чё ты распустился, панафида чёртова?* (Судж. Курск.).; под. (соответствующая интонации и стилистическая окраска нередко поддерживается негативно окрашенной, даже грубой эмоционально-экспрессивной лексикой).

На наш взгляд, эта особенность диалектно-просторечных слов требует особого подхода к их описанию в словаре. Настоятельно требуется отработать особый инструментарий (стилистические пометы, шаблонные формулировки, комментарии составителя и под.), который позволил бы диалектным лексикографам отобразить и эту сторону жизни ДПС в живой речи.

Таким образом, обозначенные проблемы определяют подходы к лексикографическому описанию диалектно-просторечной лексики в диалектных словарях. Перед составителями региональных словарей, в

том числе перед составителями «Словаря русских народных говоров», стоит важная задача по квалифицированному отбору слов и описанию народной речи в современном ее состоянии, с учетом активных процессов в живой разговорной речи и в языке, с опорой на современную теорию дискурса. Проблемы, которые встают перед лексикографами, требуют особой подготовки фактически во всех сферах современной лингвистической и лексикографической теории. Важно помнить и о высокой ответственности в принятии того или иного решения, которое может привести как к преодолению возникших в процессе написания словарной статьи проблем, так и к возникновению новых.

Представленная систематизация дает представление о том, с какими вопросами сталкиваются в настоящее время составители региональных словарей и СРНГ. Перспективу исследования представляет специальная работа, в которой авторами данной публикации предлагаются конкретные пути решения поставленных проблем лексикографирования применительно к диалектно-просторечному слову *чё*.

Список сокращений

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011; *БАС* – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев, С.Г. Бархударов, В.В. Виноградов [и др.]. М. ; Л., 1950–1965; *ВС* – Вершининский словарь : в 7 т. / гл. ред. О.И. Блинова. Томск, 1998–2002; *Даль* – Даль В.И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1863–1866; *Даль, 4-е изд.* – Даль В.И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1903–1909; *ДПС* – диалектно-просторечное слово; *ЛСВ* – лексико-семантический вариант; *Иркут.* – Иркутская область; *Киров.* – Кировская область; *Красновишер.* – Красновишерский район Пермской области (ныне Пермский край); *Низ. Печора* – Низовая Печора; *НОС 2010* – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников; авт.-сост. А.В. Клевцова и др.; ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова. СПб., 2010; *Опыт* – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852; *Подвысоцкий* – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; *Поликарпов* – Поликарпов Ф.И. Нижнедевицкий словарь. Воронеж, 1913; *Прокошева* – Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002; *ПССГ* – Полный словарь сибирского говора : в 4 т. / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995; *СГССЗ* – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999; *СДГВО* – Словарь донских говоров Волгоградской области : в 6 т. / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград : Издатель, 2006–2009;

СО Доп. – Среднеобский словарь. Дополнение : в 2 ч. / ред. В.В. Палагина. Томск, 1986; *СПГ* – Словарь пермских говоров : в 2 т. / под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002; *СРГА* – Словарь русских говоров Алтая : в 6 т. Барнаул, 1993–1998; *СРГНО* – Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1979; *СРГНП* – Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2005; *СРГО* – Словарь русских говоров Одесщины : в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Карпенко, С. Уэмура. Одесса, 2000–2001; *СРГС* – Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск,1999–2006; *СРГЮП* – Словарь русских говоров Южного Прикамья / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3; *СРДГ* – Словарь русских донских говоров : в 2 т. / отв. ред. В.С. Овчинникова. Ростов, 1975–1976; *СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2018. Вып. 1–51; *СРОГ* – Жидко В.А., Мулкиджанян М.И., Хидещели А.А. Краткий словарь русского островного говора (д. Ульяновка Сигнахского района ГССР). Тбилиси, 1977; *СРСГСП* – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : в 3 т. / под ред. Г.А. Садретдиновой. Томск, 1992–1993; *СРСГСЧБО* – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби : в 3 т. / под ред. В.В. Палагиной. Томск, 1964–1967; *СРСГТЯ* – Дружинина М.Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии : в 4 т. Якутск, 1997–2007; *Судж. Курск.* – Суджанский уезд Курской губернии; *Элиасов* – Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья / отв. ред. Ф.П. Филин. М. : Наука, 1980; *ЯОС* – Ярославский областной словарь : в 10 т. / под ред. Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Литература

1. *Блинова О.И.* Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии / под ред. О.И. Блиновой. Барнаул, 1972. С. 102–109.

2. *Мызников С.А.* Диалектная академическая лексикография и лингвогеография // Филологическая регионалистика. 2011. № 2 (6). С. 15–22.

3. *Балахонова Л.И.* К вопросу о статусе просторечной и диалектной лексики // Вопросы языкознания. 1982. № 3. С. 104–110.

4. *Словарь* русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2018. Вып. 1–51.

5. *Белякова С.М.* Диалектный словарь как вид сверхтекста // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 5–16.

6. *Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х гг. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 587 с.

7. *Захарова Л.А., Шуваева А.В.* Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета). Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. 126 с.

8. *Елистратов В.С.* Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.). М. : Русские словари, 2000. 694 с.

9. *Пожарицкая С.К.* Русская диалектология. М. : Академический проект: Парадигма, 2005. 256 с.

10. *Русская* диалектология / под ред. В.В. Колесова. М. : Высш. шк., 1998. 207 с.

11. *Русская* диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. М. : Академия, 2005. 224 с.

12. *Грамматика* русского языка : в 2 т. / ред. В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов. М., 1953.

13. *Грамматика* современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970. 768 с.

14. *Русская* грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980.

15. *Рогова К.А.* На пути к новой Академической грамматике // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 5–12.

16. *Голев Н.Д.* Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 113–137.

17. *Засорина Л.Н.* О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики : сб. ЛГУ, кафедра структурной и прикладной лингвистики. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. С. 5–26.

Problems of Lexicographic Description of Dialect and Common Parlance Vocabulary (On the Example of the Word *Chyo*)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 5–21.
DOI: 10.17223/22274200/18/1

Maria V. Bobrova, Elena V. Kolos'ko, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru / evkolosko@mail.ru

Keywords: dialectology, dialect lexicography, lexicographic description, discourse, dialect and common parlance vocabulary, "chyo".

The problems of describing dialect and common parlance lexemes in a dialect dictionary are raised in the article. These problems are illustrated by the example of the word *chyo*. The aim of the study was to reflect the issues caused by the use of such words (and the word *chyo* too) in dialect speech in content, formal and functional-communicative aspects, in connection with general issues of lexicographic theory. The material for the study was the card file for the *Dictionary of Russian Folk Dialects*, data from regional dictionaries. The identified problems form two main groups: 1) related to general methodological guidelines (justification for including the dialect and common parlance words in a dialect dictionary) and 2) related to the principles of describing such lexemes in a dictionary entry. Within the first group, particular questions are highlighted: 1) about the correctness of including dialect and common parlance words in a differential dialect dictionary due to their functional and stylistic attribution, 2) about the differentiation of speech variants of dialect and common parlance words. Within the second group, particular questions are highlighted: 1) on the spelling of dialect and common parlance words: a) on the spelling of header words, b) on the spelling of dia-

lect and common parlance words in illustrative material, 2) on the lexico-grammatical attribution of dialect and common parlance words, 3) on the definition of semantics of dialect and common parlance words: a) on the definition of semantics of dialect and common parlance words in a specific context, b) on the definition of semantics of polysemantic dialect and common parlance words, 4) on the determination of the status and description of the combinations of dialect and common parlance words with other words, 5) on the reflection of the functional and communicative status of dialect and common parlance words in a dictionary. It is concluded that the raised problems determine approaches to the lexicographic description of dialect and common parlance vocabulary in dialect dictionaries. Dialect lexicographers should work taking into account active processes in live spoken speech and language, and rely on the modern theory of discourse. The problems lexicographers face require special training in virtually all areas of modern linguistic and lexicographic theory. Lexicographers have a high responsibility in making a decision that can lead to the overcoming of problems that have arisen when writing a dictionary entry, as well as to the emergence of new ones.

References

1. Blinova, O.I. (1972) *Leksika dialekta (s tochki zreniya ee sootnosheniya s formami natsional'nogo yazyka)* [Vocabulary of the dialect (in terms of its relation to the forms of the national language)]. In: Blinova, O.I (ed.) *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoy dialektologii* [Lexical and grammatical problems of Siberian dialectology]. Barnaul: [s.n.].

2. Myznikov, S.A. (2011) *Dialektnaya akademicheskaya leksikografiya i lingvogeografiya* [Academic dialect lexicography and linguogeography]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological regionalistics*. 2 (6). pp. 15–22.

3. Balakhonova, L.I. (1982) *K voprosu o statuse prostorechnoy i dialektnoy leksiki* [To the question of the status of common parlance and dialect lexicon]. *Voprosy yazykoznaniya.* 3. pp. 104–110.

4. Filin, F.P. et al. (eds) (1965–2018) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vols 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

5. Belyakova S.M. (2019) The Dialect Dictionary as a Kind of Supertext. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 15. pp. 5–16. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/15/1

6. Nikitina, T.G. (1998) *Tak govorit molodezh': Slovar' slenga. Po materialam 70–90-kh gg.* [This is what young people say: Dictionary of slang. Based on materials from the '70s and '90s]. St. Petersburg: Folio-Press.

7. Zakharova, L.A. & Shuvaeva, A.V. (2014) *Slovar' molodezhnogo slenga (na materiale leksikona studentov Tomskogo gosudarstvennogo universiteta)* [Dictionary of youth slang (based on the lexicon of Tomsk state University students). Tomsk: Tomsk State University.

8. Elistratov, V.S. (2000) *Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990-kh gg.)* [Dictionary of Russian Argo (materials of the 1980s–1990s)]. Moscow: Russkie slovari.

8. Pozharitskaya, S.K. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Akademicheskiy proekt: Paradigma.

10. Kolesov, V.V. (ed.) (1998) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Vysshaya shkola.

11. Kasatkin, L.L. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Akademiya.

12. Vinogradov, V.V. et al. (eds) (1953) *Grammatika russkogo yazyka: v 2-kh t.* [Grammar of the Russian language: in 2 vols.]. Moscow: [s.n.].

13. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1970) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian standard language]. Moscow: [s.n.].

14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka.

15. Rogova K.A. (2018) *Na puti k novoy Akademicheskoy grammatike* [Towards the new Russian academic grammar]. *Mir russkogo slova – The World of the Russian Word*. 2. pp. 5–12.

16. Golev, N.D. (2019) A Modern Dialect Vocabulary Discourse Dictionary (Based on Runet Materials): An Innovative Lexicographic Project. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 113–137. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/16/7

17. Zasorina, L.N. (1973) O nekotorykh empiricheskikh printsipakh metalingvistiki [On some empirical principles of metalinguistics]. In: *Voprosy metalingvistiki* [Issues of Metalinguistics]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 5–26.

УДК 811.111’374-055
DOI: 10.17223/22274200/18/2

Е.С. Гриценко, М.В. Сергеева

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В БРИТАНСКОЙ ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Рассмотрены особенности репрезентации гендера в британских толковых словарях в связи с изменениями гендерной идеологии и социальными трансформациями. Особое внимание уделено динамике представлений о мужественности и женственности, а также отражению в лексикографических источниках тенденции ухода от традиционной бинарной гендерной системы. Анализ проведен на материале всех структурных компонентов новейших изданий словарей в сопоставлении с лексикографическими источниками более ранних исторических срезов.
Ключевые слова: *английский язык, гендер, лексикография, стереотипы, идентичность, небинарный, гендерно-нейтральный.*

Введение

Лексикографическое исследование гендера началось в 1970-х гг. в трудах зарубежных ученых и в конце 1990-х гг. – в отечественной лингвистике, при этом словари не только выступали в качестве источника (объекта) исследований, но и становились их результатом [1. С. 107–111]. Примером могут служить словари гендерно релевантных языковых единиц [2] и специальные словари гендерных терминов [3]. За рубежом широкое распространение получила практика создания словарей, аккумулирующих продукты феминистского словотворчества [4–7].

В отечественной лингвистике наиболее интенсивно развивалось направление лексикографического анализа, в котором словари использовались как источник гендерно значимой информации и материал для описания социокультурных представлений о мужественности и женственности. К анализу привлекались словари фразеологические и паремиологические, мифологические и лингвострановедческие, словари усилительных сочетаний, ругательств, личных имён, диалектов [8–20]. В работах М.С. Колесниковой на материале лингвострановедческих словарей были сформулированы методологические принципы отбора лексикографического материала для изучения гендера [10, 11].

Наибольший интерес для настоящей работы представляют исследования, где словари выступают в качестве объекта изучения. К ним относятся, например, выполненные в русле феминистской лингвистики работы 1970–1980-х гг., целью которых было выявление и описание лексикографических практик, воспроизводящих андроцентричную картину мира. В частности, на материале словарей разных языков (в основном, европейских) проводился анализ наличия/отсутствия в словнике феминистских неологизмов [21, 22], признаков андроцентризма в дефинициях [23] и гендерной стереотипизации в иллюстративных контекстах [24–29]. В 1980–1990-е гг. ряд зарубежных авторов обратился к анализу лексикографических источников для выявления способов отражения в них новой эгалитарной идеологии [30–33].

Анализ словарей с точки зрения полноты и системности лексикографического описания гендерно значимой информации проводился в работах отечественных лингвистов [9, 10, 18, 34–36], в том числе в диахроническом аспекте [37, 38]. Так, О.А. Васьковой [37] выполнен сравнительный анализ англо-русского словаря А.В. Кунина, а также британских одноязычных фразеологических словарей, изданных в конце 1970-х гг. и в начале XXI в., и разработана методика выявления и устранения несистемности и дефицитности в лексикографическом описании гендера. Диахронический анализ на временном промежутке, охватывающем более полувека, был предпринят в работе М.В. Сергеевой [38] на материале разных изданий одного и того же британского толкового словаря (см. ниже).

Среди исследований англоязычной лексикографии последних лет следует отметить статью Ю. Норри [39], в которой рассматриваются изменения гендерной атрибуции слов на материале пяти британских словарей разных лет издания. Автор анализирует дефиниции широко употребительных слов из разных тематических областей: профессия/род занятий (*actor/actress, nurse, priest, soldier* и др.), черты характера и роли (*adventurer/adventuress, bastard, lover, divorcee, hero* и др.), одежда (*sombrero, swimming suit* и др.). Выявлена четкая тенденция к гендерной нейтрализации в названиях профессий; что касается личностных характеристик, то некоторые из них тяготеют к гендерной нейтрализации, тогда как другие (*divorcee, looker*) чаще атрибутируются женщинам. Данные тенденции связываются с изменениями в гендерной идеологии и социальными трансформациями.

В связи с возросшей ролью корпусов при составлении словарей, перед лексикографами встает вопрос, как представлять информацию,

если те или иные слова употребляются в корпусе преимущественно в контекстах, связанных с одним из полов, или имеют уничижительную окраску. Большинство исследователей склоняется к необходимости реального отображения фактов языка. В частности, М. Рандел считает, что основная задача лексикографа заключается в том, чтобы объяснить значение слов на основе наблюдений за их фактическим использованием, избегая при этом воспроизводства гендерных предрассудков и стереотипов [40].

Во всех вышеназванных работах гендер трактуется как бинарный конструкт, основанный на оппозиции мужественности и женственности. Между тем в современном западном англоязычном социуме и научной среде преобладает мнение, что подобная трактовка упрощает реальное положение дел. Сторонники нового подхода к концептуализации гендера [41. С. 522] отстаивают нецелесообразность противопоставления двух гендерных макрокатегорий как нормы, поскольку это ведет к их дальнейшей поляризации и стигматизации лиц, чье поведение отклоняется от нормативного шаблона. Новые гендерные теории XXI в., прежде всего квир-лингвистика [42], артикулируют либеральные репрезентации гендера, включающие индивидов, которые не относят себя к мужчинам или женщинам [43–46]. Продвигаются новые формы гендерной политкорректности, в основе которых – уход от гетеронормативности и гетеросексуальности (подробнее об этом см. [47]).

Задача данной статьи – выявить, как новые формы концептуализации гендера отражаются в британской толковой лексикографии, и описать особенности репрезентации мужественности и женственности в новейших изданиях словарей в сравнении с изданиями начала XXI в.

Материал и методы исследования

Материал исследования составили пять онлайн-версий авторитетных лексикографических изданий для изучающих английских язык, которые входят в так называемую «Большую пятёрку» толковых словарей (‘the Big Five’) [48. С. 164]: ‘*Oxford Advanced Learner’s Dictionary*’ (далее OALD), ‘*Cambridge Learner’s Dictionary*’ (далее CLD), ‘*Longman Dictionary of Contemporary English*’ (далее LDOCE), ‘*Macmillan English ‘Dictionary for Advanced Learners*’ (далее MEDAL) и ‘*Collins English Dictionary*’ (далее CED) [49–53]. Выбор в качестве объекта для анализа словарей, адресованных изучающим английский

язык, связан с тем, что в них более часто и последовательно, чем в словарях для более широкой аудитории, отражаются с помощью разного рода помет и примечаний особенности значения и употребления слов [38, 54, 55].

Цифровизация дала составителям словарей новые возможности, в частности, возможность расширения словарных статей за счёт фактического совмещения информации к одной и той же входной единице из нескольких лексикографических источников. Так, составители онлайн-версии LDOCE, помимо материалов собственно '*Longman Dictionary of Contemporary English*', используют также данные '*Longman Business Dictionary*', а лексикографы издательства *Collins* включают в микроструктуру онлайн-словаря статьи из '*COBUILD Advanced Learner's Dictionary*', данные '*Collins English Dictionary*' и четвёртого издания '*Webster's New World College Dictionary*' (2010).

Немаловажной чертой современной толковой лексикографии в связи с цифровизацией и развитием онлайн-словарей является также существенное увеличение объёма иллюстративных контекстов (далее ИК) как важнейшего компонента микроструктуры словаря. В частности, за счёт разделов '*Extra Examples*' в десятой редакции OALD представлено значительно больше примеров, способствующих ломке патриархальных стереотипов, по сравнению с изданием 2005 г. То же самое можно сказать и об объёме разнообразных гендерно значимых комментариев.

Возрастает роль корпусов как источника ИК: в составе многих словарных статей CLD, LDOCE и CED присутствуют датированные цитаты из текстов разных авторов и разнообразных источников, в том числе *Wikipedia, the Sun, Times, Christianity Today* и т.д.

Наряду с этим в современной лексикографии наблюдается более демократичный подход к вопросам включения в словарь новых слов Ярким примером стало появление в 2009 г. в словаре MEDAL раздела '*Open Dictionary*', который составители назвали '*crowdsourced dictionary*'. Это означает, что любой пользователь может внести в данный раздел определённую языковую единицу, после чего составители проверяют предложенное слово на наличие в корпусе и впоследствии могут включить его в основной массив словаря. Как показало исследование, многие неологизмы, отражающие изменения в гендерной идеологии, были внесены в словник MEDAL именно по инициативе пользователей.

Отбор анализируемых единиц в рамках настоящего исследования осуществлялся среди заглавных слов словарных статей, дефиниций и иллюстративных контекстов. На уровне словника фиксировалось наличие или отсутствие слов и устойчивых сочетаний, связанных с репрезентацией гендера как (не)бинарного концепта (например, *women's rights, New Man, transgender, gender-fluid* и пр.), после чего проводился анализ дефиниций и ИК данных входных единиц для выявления особенностей репрезентации гендерно значимой информации.

Поиск ИК вёлся также в статьях по лексическим единицам, тематически связанным с вопросами семьи, брака и сексуальных отношений, а также с темой дискриминации, дискуссионности, (не)толерантности и предрассудков. При этом мы исходили из того, что любые ожесточённые дискуссии в социуме неизбежно должны найти своё отражение в лексикографическом дискурсе, а ИК – это тот компонент микроструктуры словаря, который наиболее чутко реагирует на изменения в господствующей идеологии.

К анализу также привлекались гендерно значимые комментарии, являющиеся как компонентом микроструктуры (примечания в составе словарной статьи, например, *Usage* в LDOCE и CED или *Avoiding offence* в MEDAL), так и элементом макроструктуры словаря (например, статья *More about Gender* в OALD). Результаты анализа сопоставлялись с итогами исследования первого (1948) и седьмого (2005) изданий OALD [56, 57], проведенного в диссертации М.В. Сергеевой [38].

Динамика гендерных репрезентаций в англоязычной лексикографии середины XX и начала XXI в.

Системный анализ всех компонентов макро- и микроструктуры толкового словаря с точки зрения отражения в нём гендерной идеологии на материале первого (1948) и седьмого (2005) изданий словаря А.С. Хорнби (ныне OALD) выявил существенную динамику в репрезентации гендера, которая отражает изменения в британском социуме и доминирующем дискурсе [38. С. 154–157].

Лексикографический материал середины XX в., структурированный в соответствии с проявлением в нём базовых черт андроцентризма, продемонстрировал справедливость многих положений феминистской критики языка и позволил установить спектр лексикографических средств, с помощью которых мужественность и женственность

конструируются в русле патриархальной гендерной идеологии. В частности, были выявлены факторы, создающие впечатление незаметности женщин и способствующие изображению статуса женщин как производного от мужского: это употребление *he/man language*, статистическое доминирование дефиниций и контекстов, относящихся к референтам-мужчинам, разнообразные виды асимметрий в предъявлении и описании наименований лица, а также порядок слов, где мужское традиционно предшествует женскому (*men and women, Mr and Mrs Smith*). Даже дефиниции лексем, непосредственно не связанных с семантическими сферами «мужественность/женственность», часто актуализировали патриархальные гендерные стереотипы (*lapdog – a small pet dog, such as a woman might nurse on her lap*), а в контекстах массово эксплуатировались традиционные гендерные представления (*Every woman should learn to cook; A pretty girl usually receives more attention than a plain girl*).

В целом материал лексикографии середины XX в. демонстрирует не только количественный дисбаланс между мужскими и женскими контекстами, но и явную специфику репрезентаций гендера, часто в рамках одной и той же тематической области. Так, изобилию примеров, описывающих плачущих женщин, противостоит всего один мужской контекст, где упоминается плачущий мужчина, который при этом воспроизводит стереотип «мужчины не плачут» (*The news of his friend's death unmanned him for a few minutes and he wept*). Гендерные стереотипы также актуализируются в рамках одной и той же словарной статьи, где мужские и женские контексты иллюстрируют одну и ту же лексему: *brilliant – He is a brilliant scientist // She was wearing brilliant jewels.*

Являясь продуктом эпохи, тот же самый словарь, изданный в начале XXI в., конструирует гендер совершенно иными лексикографическими средствами. Следуя эгалитарной гендерной идеологии, лексикографы полностью отказываются от метагендерных *he* и *man*, ср.:

In English law a man is accounted innocent until he is proved guilty (1948);

In English law a person is accounted innocent until they are proved guilty (2005).

Число наименований и графических изображений мужчин и женщин становится строго сбалансированным, заполняются гендерные лакуны (*bachelor girl, jurywoman, Ms*), намечается изменение традиционного порядка слов (*women and men, girls and boys*). Словарные дефи-

ниции акцентируют конструируемость гендера и его зависимость от культурной традиции (*typical of what is supposed to be socially acceptable for a woman, qualities that some people think are particularly male*).

Изменения касаются и структурирования категорий «мужчина» и «женщина» в иллюстративных контекстах: не остаётся ни одной семантической сферы, которую в седьмом издании словаря можно было бы трактовать как исключительно женскую или мужскую (ср.: *She won 58.8% of the ballot, Her career is the be-all and end-all of her existence; He nestled the baby in his arms, He buried his face in his hands and wept*). Появляются словарные статьи, где сочетание мужских и женских контекстов способствует ломке патриархальных стереотипов, например: *waver – She never wavered in her determination to succeed // His voice wavered with emotion.* Столь радикальные изменения фактически конструируют новую социальную реальность, где образы мужчин и женщин в корне отличаются от своих прототипов из первого издания словаря.

Конструирование мужественности и женственности в современных англоязычных толковых словарях

Анализ новейших изданий пяти британских толковых словарей (OALD, CLD, LDOCE, MEDAL и CED) показал, что, как и в начале XXI в., в современной лексикографии по-прежнему силён мотив ломки патриархальных гендерных стереотипов. В частности, во всех анализируемых источниках представлена масса контекстов, воспроизводящих/формирующих представления о женщине как ведущей активную социальную жизнь, строящей карьеру, доминирующей в семье, противостоящей негативным стереотипам и готовой отстаивать свои права:

She works tirelessly to provide for her family; She was the dominant partner in the relationship; She has not been afraid to challenge popular prejudices; She had to cope with the prejudiced views of the majority of the party; She argued that the law should always be gender-neutral (OALD);

She said that she has not experienced gender bias in the medical profession; She will be remembered as an unrelenting opponent of racial discrimination (CLD);

Like other baby boomers who delayed parenthood, she will spend the next two decades defying contemporary ideas of aging; Her domineering managerial techniques must have prejudiced employees against her still

more; She accused him of sexism; She claimed she'd been the victim of sex discrimination (LDOCE);

The Minister has been attacked by the Right for her reforms (MEDAL).

Усиление социальной роли женщин отражается в увеличении числа контекстов, фиксирующих присутствие женщин в ранее нетипичных для них сферах. Так, если в словаре начала XXI в. женщины-священнослужители упоминались только в одном ИК (*ordination of women priests*), то в современной лексикографии такие примеры не являются редкостью:

Not long ago, the Church of England voted to ordain women priests; The Oxford Diocese overwhelmingly endorsed women priests in a poll last year; A decision on the ordination of women priests will be taken by the General Synod in November (LDOCE).

Помимо этого, словник OALD расширился за счёт фиксации таких сочетаний со словом *women*, как *the ordination of women, Women's Royal Air Force, Women's Royal Army Corps, the Women's Prize for Fiction* и др., что отражает изменения в англоязычном социуме.

Новой чертой в лексикографической репрезентации женственности является существенное расширение в ИК тематической области «борьба за права женщин», что отражает общую турбулентность социальных процессов:

a women's group/movement; There were important changes in the position of women in society; She worked for women's rights; supporting women's rights in the workplace; a women's rights speech (OALD);

January 2017 saw millions of people around the world take to the streets to march for women's rights; He was a well-respected male champion of women's rights; The article discusses the history and major events of the US women's rights movement; She is a leading Zambian women's rights campaigner (CLD);

New laws have been passed to protect women's rights; Women demanded equal rights (LDOCE);

legislation providing equal employment rights for women (MEDAL);

Women's rights groups say that only one in nine attacks is reported; Women's rights have become an important policy with which to woo middle-class voters; Women's rights activists claim, however, that the justice system is so slow that the tougher laws are failing to act as any sort of deterrent; Women's rights activists want to enter a dialogue with the government but are thrown into jail (CED).

Усиление значимости данной семантической сферы подтверждается также включением в словник OALD коллокации *women's rights* (*legal, social and economic rights for women that are equal to those of men*), которая не фиксировалась в макроструктуре седьмого издания словаря, но в данный момент присутствует во всех анализируемых словарях, кроме MEDAL: в LDOCE – как коллокация в составе статьи по существительному *right*, в остальных источниках – в виде заглавных слов словарных статей. В пользу этого утверждения говорит также появление в макроструктуре OALD развёрнутого лингвокультурологического комментария по теме '*Feminism'*, доступ к которому пользователи словаря получают по ссылке *Culture* в составе ряда словарных статей (*feminism, women's liberation* и т.п.). Кроме того, в словнике всех современных изданий, кроме OALD, присутствует сочетание *women's movement*, причём если в LDOCE и MEDAL движение позиционируется именно как борьба женщин за свои права, то CLD и CED не уточняют гендерную принадлежность его сторонников и определяют этот термин как общечеловеческое движение за права женщин, используя в дефиниции классифицирующее имя *people*, ср.:

all the women who are involved in the aim of improving the social, economic, and political position of women and of ending sexual discrimination (LDOCE); *all the women who are working together to make sure that women have the same rights and opportunities as men* (MEDAL);

those people whose social and political aims are to change women's position in society and increase knowledge about women's condition in society (CLD); *You use the women's movement to refer to groups of people and organizations that believe that women should have the same rights and opportunities in society as men* (CED).

Аналогично новой репрезентации женственности, продолжает развиваться образ *New Man*, впервые появившийся в иллюстративных контекстах начала XXI в. Данное сочетание входит в словник всех современных изданий, кроме MEDAL:

a man who shares the work in the home that is traditionally done by women, such as cleaning, cooking and taking care of children. New men are considered sensitive and not aggressive (OALD);

a man who believes that women and men are equal and should be free to do the same things, and who does tasks and shows emotions that were traditionally considered only suitable for women (CLD);

a man who is considered to be very modern because he shares the work of looking after his children, cooking, cleaning the home etc (LDOCE);

a type of modern man who allows the caring side of his nature to show by being supportive and by sharing child care and housework (CED).

Образ мужчины, тонко интерпретирующего чувства окружающих, заботливого отца конструируется в большом количестве иллюстративных примеров в самых разнообразных словарных статьях, например:

fathers who take parental leave; Fathers are allowed a week's paternity leave; a sensitive and caring man; He's depicted as an insecure and sensitive soul; He's a mixture of anger and sensitivity (OALD); *I'm not particularly what you would call a new man, but I do cook, and I iron my own shirts* (CLD); *Dads that are bringing up families single handedly shouldn't be forgotten either; The New Man rejects traditional roles of parenthood and likes to play a part in decision-making; a sensitive and intelligent young man; Paul is too sensitive for this job. Underneath all that macho stuff, he's really a sensitive guy; The New Man rejects traditional roles of parenthood and likes to play a part in decision-making* (LDOCE) и т.п.

Ряд контекстов активно развенчивают гендерные стереотипы (в них, как правило, содержатся формулировки *contrary to popular myth/belief/opinion, it's just a myth* и пр.):

Contrary to popular myth, women are not worse drivers than men; Contrary to popular opinion, many women play video games; The myth persists that men are more intelligent than women; The idea that all women want children is a common fallacy (OALD);

It's a myth that men are better drivers than women (CLD);

the myth of male superiority; It's just a myth that divorced dads don't care about their kids; It is a myth that battered women deserve or want to be beaten (LDOCE);

He has helped to dispel the myth that men do not care about their appearance (MEDAL);

Contrary to the popular myth, women are not reckless spendthrifts (CED).

То, что примеров, способствующих ломке патриархальных стереотипов в OALD 2020 г. стало значительно больше, чем в издании 2005 г., объясняется как изменениями социальной реальности, так и спецификой цифровой лексикографии, поскольку в онлайн-версии словаря в принципе используется больше ИК, чем в печатном издании (за счёт разделов '*Extra Examples'*).

Во всех источниках широко представлена тематическая область «сексизм и необходимость его преодоления». Обращает на себя внимание обилие ИК, констатирующих факт дискриминации по половому признаку, в частности в профессиональной сфере, и позиционирующих это явление как пережиток прошлого (об этом говорят характерные для подобных контекстов формулировки *'still have a strong bias…', 'still a lot of prejudice…', 'still face prejudice/discrimination…'* и проч.). Например:

Some institutions still have a strong bias against women; sexually discriminatory laws; Companies were urged to tackle sexually and racially discriminatory recruitment practices; Women's groups claim that the laws are discriminatory; Sexism is rampant in many institutions (OALD);

Until 1986 most companies would not even allow women to take the exams, but such blatant discrimination is now disappearing; a federal law prohibiting gender and racial bias in employment; Federal law bans discrimination on the basis of gender; The law bars sex discrimination in educational programs (CLD);

It's clear that the company has a bias against women and minorities; Women have the right to sue in cases of gender bias and harassment; The use of discriminatory language can and does disadvantage women and members of ethnic minority groups (LDOCE);

We've been working hard to overcome prejudice against women in politics; We aim to eradicate gender bias from law, economic opportunity, health, and culture; Discrimination on the grounds of sex or race is unlawful (MEDAL);

Bias against women permeates every level of the judicial system; Training for unconscious gender bias may also be required for university councils and leaders who make senior appointments; The abuse of women needs to be treated seriously and sensitively (CED).

Принципиально новым мотивом в ИК является тема реверсивной гендерной дискриминации как социального явления:

The report did not call for positive discrimination but suggested that male, old-school attitudes still prevailed in hospitals; She is totally opposed to positive discrimination in favour of women (LDOCE).

Более явственно, чем в начале XXI в., в макро- и микроструктуре словарей разрабатывается тема гендерно некорректного языкового поведения: в каждом издании присутствуют комментарии, связанные с особенностями так называемого *non-sexist language*, в частности с

употреблением метагендерных местоимений, слова *man* и *-man* в качестве компонента сложных слов, социальных титулов и наименований лица. Хотя содержательно статья '*More about Gender*' в OALD 2020 г. ничем не отличается от её версии в седьмом издании, лексикографы также внесли рекомендации по гендерно корректному языковому употреблению в новую статью '*Feminism*' в рамках перечисления изменений в современном английском языке под воздействием феминистской идеологии. Макроструктура CLD включает целый рад статей аналогичной направленности: *'Sexist language', 'Gender', 'Nouns and gender', 'Man, mankind or people'*. LDOCE, MEDAL и CED включают в микроструктуру словарей примечания о (не)корректности употребления гендерно маркированных или гендерно нейтральных лексем, обычно с пометой '*Usage*'. О возросшей значимости гендерной корректности в языке свидетельствует также факт появления в словнике CED прилагательного *nonsexist*, отсутствовавшего в лексикографии начала XXI в.

Тема гендерной корректности в языке широко представлена в ИК:

We tried to use language which is free from gender bias; nonsexist language in business letters; gender-neutral language (CED); *sexism in language* (LDOCE); *a study of sexism in language, sexist language; The report was redrafted to remove gender-specific language* (OALD).

Контексты CED отображают актуальность и дискуссионность данной темы в современном англоязычном пространстве, касаясь в том числе проблемы местоимений:

Another example of a disputed usage is whether it's permissible to use they as a singular pronoun. Does it matter that the generic and the masculine personal pronouns are spelt and pronounced alike? A similar misunderstanding would occur if the writer opted for her as the singular possessive pronoun. Church is the only place in our culture where we still use male pronouns when we're referring to both genders.

Репрезентация гендерной идентичности и сексуальности

Актуальными для современной лексикографии становятся вопросы гендерной идентичности. Если сочетание *gender identity* не входило в словарь 2005 г. даже как компонент микроструктуры, то в OALD 2020 г., а также в CLD и CED ему посвящены отдельные словарные статьи, при этом практически все дефиниции предполагают возмож-

ность несовпадения гендерной идентичности с биологическим полом индивида:

gender identity – the way somebody considers their own gender (= whether they are male or female), which may be different from their biological sex (*OALD*);

gender identity – a person's feeling of having a particular gender (*CLD*);

gender identity – a person's understanding of having a particular gender, which may or may not correspond with the assumed gender assigned to them at birth (*CED*).

Тема гендерной идентичности актуализируется не только в контекстах, непосредственно иллюстрирующих данную коллокацию (*Different influences may help shape a child's gender identity; There were calls to ban discrimination based on gender identity* (OALD); *For these young people, their gender identities are fluid and have nothing to do with sexual preference* (CLD)), но и в других словарных статьях. Так, пример *'The problem raises wider issues of gender and identity'* из OALD иллюстрирует существительное *issue* (в седьмом издании словаря этот ИК отсутствовал).

Особенно показательным представляется ИК к прилагательному *sensitive* из CLD *'Gender is a very sensitive subject'*, позиционирующий проблемы гендерной идентичности как неоднозначные и требующие тактичного и взвешенного обсуждения. Аналогично проявляется мотив неоднозначности при упоминании вопросов полового воспитания: так, прилагательное *contentious* в MEDAL иллюстрируется примером *'Sex education in schools remains a highly contentious issue'*.

Принципиально новой тематической областью в ИК, по сравнению со словарём начала XXI в., является легализация однополых отношений. Во всех анализируемых словарях присутствует значительное количество контекстов, в которых упоминается актуальность и дискуссионность темы однополых браков в англоязычном социуме, факт их легализации и подвижки в отношении к ним протестантской церкви:

a same-sex relationship; a same-sex partner; legislative debates over gay marriage (OALD); *same-sex marriage* (MEDAL); *same-sex couples* (MEDAL, CED); *Episcopal priests can officiate at same-sex marriages; She's against same-sex marriage* (CLD); *They wish same-sex couples to be recognised as families; Same-sex marriage has been legal in Canada since 2005; same-sex partners; The two men entered into a civil partnership last year; More female civil partnerships were dissolved last year than male;*

The Presbyterian Church is expected to bow to the legal situation of civil partnerships and give its blessing to civil partnership ceremonies (CED).

Значимость данной темы в современном англоязычном пространстве подтверждается появлением в словнике сочетаний *same-sex marriage* (CLD и LDOCE), *civil partner* и *civil partnership/civil union* (во всех пяти изданиях):

same-sex marriage – marriage between two people of the same sex (CLD);

same-sex marriage – a marriage between two men or two women (LDOCE);

civil partner – (in some countries) the person that somebody has a civil partnership with (= a legal relationship between two people of the same sex, with the same legal status as marriage) (OALD);

civil partnership (BrEng) (North American English civil union) (in some countries) a legal relationship between two people, usually of the same sex, with the same legal status as marriage (OALD).

Авторы MEDAL включают в статью по лексеме *partner* примечание '*Avoiding offence*', фактически приравнивающее слово *partner* к сочетанию *civil partner* в американском варианте английского языка: *'In American English, some people only use partner about unmarried people, and many others only use it about gay men or women'.*

Широко представлена в ИК тема открытого признания своей нетрадиционной сексуальной ориентации – '*coming out*':

My best friend came out when she was 18 (OALD) (дефиниция данного ЛСВ в издании 2005 г. не сопровождалось иллюстративными примерами)*;*

That summer, I decided to come out to my parents (LDOCE);

Coming out to her parents was the hardest part (MEDAL);

...the few gay men there who dare to come out; I came out as a lesbian when I was still in my teens (CED).

Не меньшую актуальность в контекстах приобретает тема гомофобии, ее осуждение наравне с расизмом и сексизмом, а также развенчание вызванных гомофобией стереотипов:

deep-rooted prejudice against homosexuals; Anti-gay prejudice was extremely common among people in the army; to prohibit/outlaw/ban discrimination on the basis of race, gender or sexual orientation (OALD); *homophobia in the armed forces; Controversy surrounds the TV show, which many consider to be racist, sexist, and homophobic; It was*

important to dispel the myth that AIDS was a gay disease; a gay rights campaigner (LDOCE).

Подобные контексты часто служат иллюстрацией лексем, тематически связанных с идеями дискуссионности, стереотипов и предрассудков (*controversy, debate, prejudice, myth* и т.п.), а также дискриминации (*discrimination*) и борьбы за свои права (*right*).

Само понятие дискриминации в современной лексикографии приобретает новое измерение. Так, в отличие от лексикографов начала XXI в., составители CLD включают в дефиниции по статьям *discrimination, reverse discrimination* и *discriminatory* слово *sexuality*:

discrimination – treating a person or particular group of people differently, especially in a worse way from the way in which you treat other people, because of their skin colour, sex, sexuality, etc.;

reverse discrimination – the act of giving advantage to those groups in society that are often treated unfairly, usually because of their race, sex, or sexuality;

discriminatory – treating a person or group differently from and usually worse than other people, because of their skin colour, sex, sexuality, etc.

Тема дискриминации по половому признаку и по признаку сексуальной ориентации получила также своё отражение в словнике, где теперь зафиксированы сочетания *sex discrimination* (CLD и LDOCE), *gender bias* (в статье по лексеме *bias* в OALD и отдельной статьёй в остальных словарях), *the Sex Discrimination Act* и *the Equality Act* (OALD):

sex discrimination – treatment of men and women differently, especially unfair treatment of women (CLD);

sex discrimination – treating people unfairly because they are women, or because they are men; when people, especially women, are treated unfairly because of their sex, especially when this stops them getting a job or making progress in their job (LDOCE);

gender bias – unfair differences in the way a person is treated because of their gender (MEDAL);

gender bias – prejudice based on gender (CED);

the Sex Discrimination Act – a British Act of Parliament which became a law in 1975. Under the Act, people of both sexes have the right to equal opportunities in education and employment, and to be paid the same amount for doing the same work. People who break this law, for example

by paying women less than men, can be put on trial and punished in a court of law. It was replaced by the Equality Act of 2010 (OALD);

The Equality Act – a British law of 2010 which requires equal treatment for all people whatever their gender, race, religion, disability, marital status or sexuality (OALD).

Отражение небинарной концептуализации гендера

Во всех анализируемых словарях дефиниции гендера (*gender*) содержат компоненты *male* (мужчина, мужское) и *female* (женщина, женское) и, таким образом, воспроизводят традиционную бинарную структуру гендерного концепта. Вместе с тем в различных компонентах словарных статей и словника представлены элементы новой гендерной идеологии, отражающей характерную для современного западного общества либерализацию представлений о гендере. Речь идет об отказе от гетеронормативности и бинарной концептуализации гендера.

Так, в MEDAL небинарное значение слова *gender* (1a) приводится в словарной статье сразу после традиционного, базирующегося на оппозиции мужского и женского (1):

the roles, behaviours, activities, and characteristics that a particular society considers appropriate for men and women.

1a. a range of identities that do not correspond to traditional divisions into male and female.

В ИК профилируются тема дискриминации гендерных меньшинств и необходимость её преодоления:

Many states still permit discrimination based on gender identity or expression.

The job is open to all applicants regardless of age, race, or gender.

We cater for all abilities, ages and genders.

В OALD небинарное значение лексемы *gender* не регистрируется, однако в пояснении к соответствующей словарной статье дается примечание, что гендер индивида может не вписываться в традиционную дихотомию мужественности и женственности: *The term gender is also used more broadly to mean a range of identities that do not necessarily fit in with the usual division between male and female.* Данное примечание отсутствовало в издании 2005 г.

Дефиниция лексемы *gender* в CLD базируется на бинарной оппозиции (*the state of being male or female*), однако ряд компонентов

словника отражает небинарные представления о гендере и именует нетрадиционные гендерные идентичности, например: *agender – adj. used to describe a person who does not consider that they belong to a particular gender (= sex)*.

Иллюстративные контексты к данному слову конкретизируют его значение (1, 2, 4, 5) и имплицируют социальную уязвимость его референтов (3):

1. I'm non-binary or agender, which means I don't identify with any gender.

2. A person who is agender sees themselves as neither man nor woman, has no gender identity, or no gender to express.

3. We offer help about how to live as an agender person.

4. This study details six themes that arise in the ways nonbinary and agender people describe themselves.

5. *I have been out as an agender, or genderless, person for about a year now*

Наибольшее количество лексических единиц, именующих нетрадиционные гендерные идентичности, регистрирует MEDAL. Некоторые из них вошли в основной словник из раздела *Open Dictionary*, в котором аккумулируются предложения пользователей. Например, в примечании к слову *demi-gender* (*feeling a partial connection to either the male of female gender*) содержится информация, что оно было представлено для включения в MEDAL пользователем из Великобритании в феврале 2019 г.

ИК к данной лексеме раскрывает значение еще одного гендерного неологизма – *bigender*, имплицируя множественность потенциально возможных гендерных идентичностей: *People who are demi-gender are only partially that gender (whatever it is), while people who are bigender fully experience two genders.*

В словнике MEDAL представлены также следующие гендерно релевантные лексемы:

gender-fluid – adj., referring or relating to a person who does not identify as having a fixed gender (not having a fixed gender).

gender incongruent – adj., believing that your true gender is different from the one indicated by your body or the one that has been assigned to you.

gender non-conforming – adj., relating to someone whose appearance or behaviour do not match the ways in which people of their gender are expected to behave (behaving differently from traditional gender roles).

third gender – noun, people who do not identify as male or female but as both, neither, or a combination of the two.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что концептуализация гендера как совокупности представлений о мужественности и женственности не отражает полного спектра гендерных представлений современного англоязычного социума. Уход от бинарной концептуализации гендера закрепляется, в частности, в дефиниции и иллюстративных контекстах прилагательного *non-binary*, которое регистрируется в трех из пяти рассматриваемых словарей.

В CLD небинарность трактуется как возможность комбинации мужского и женского в гендерной идентичности индивида или выход за пределы традиционно понимаемых мужественности и женственности:

Non-binary – having a gender identity (= feeling of being a particular gender) that is not simply male or female.

Some people who are non-binary experience their gender as both male and female, and others experience their gender as neither male nor female.

Non-binary identities have been recognized for millennia by cultures and societies around the world.

В MEDAL гендерно релевантное значение прилагательного *non-binary (relating to someone who does not identify as exclusively male or as exclusively female)* регистрируется как отдельная входная единица с пометой, что слово было представлено в «Открытый словарь» пользователем из Великобритании в январе 2016 г.

В CED прилагательное *non-binary – (of or relating to) a gender that is neither male not female*) – было включено в словарь по представлению пользователя в апреле 2014 г.

Все рассматриваемые словари кроме LDOCE включают словарную статью по гендерной нейтральности:

gender neutral – relating to policies or ideas that seek to avoid or remove obvious distinctions between genders (MEDAL);

gender neutral – 1) applicable to, common to, or suitable for both female and male genders (gender-neutral toys); 2) indicating a word or term that cannot be regarded as referring to one gender only (gender-neutral language) (CED).

Иллюстративные контексты к данной коллокации свидетельствуют о том, что феномен гендерной нейтральности имеет политическое и лингвистическое измерения. В первом случае речь идет о социальных мерах, направленных на учет интересов гендерных меньшинств:

Passport Canada is mulling over changes that would allow Canadians to make their passports gender neutral (MEDAL).

Во втором – об особенностях гендерной политкорректности:

For terms such as policeman or watchman, use instead gender-neutral terms like police officer and guard (CLD);

'They' may be used as a gender-neutral pronoun instead of 'he' or 'she' (OALD).

Упомянутое в последнем примере гендерно нейтральное местоимение *they* (так называемое *singular they*) вошло в речевой обиход в период феминистских языковых реформ наряду с политкорректными *s/he* и *he or she* как альтернатива метагендерному *he* в контекстах, где пол референта не известен говорящему. В современных словарях метагендерное *he* маркируется как устаревшее (*old-fashioned*) и не рекомендуется к употреблению. MEDAL относит его к группе слов, использование которых может быть сочтено оскорбительным ('*Words that may cause offence*'). Исследования показывают, что использование метагендерного *she* и эгалитарных формул *s/he* и *he or she* в настоящее время сокращается, поскольку они не отвечают современным требованиям инклюзивности, тогда как использование *singular they* продолжает расширяться во всех вариантах английского языка [47] за счет предпочтительности его использования по отношению к референтам с нетрадиционной гендерной идентичностью: *The singular use of they, them, and themselves partly solves the problems raised by the lack of a gender-neutral pronoun in English* (MEDAL).

Примечательно, что в 2019 г. гендерно нейтральное *they* было признано словарем Merriam-Webster словом года [58], а MEDAL в октябре 2019 г. зарегистрировал гендерно нейтральное местоимение *Ze/Zie* (*a gender-neutral pronoun that can be used instead of 'she' or 'he'*).

Гендерно нейтральные инновации в MEDAL включают также новую форму официального обращения *Mx* (добавлено в «Открытый словарь» в мае 2015 г.): *a title that can be used instead of Mr., Ms. etc. by people who choose not to declare a gender*. ИК к данному слову подчеркивает его новизну, проявляющуюся, в частности, в неустоявшемся произношении: *I pronounce 'Mx.' as 'Mix' and I admit it is a little peculiar.*

Гендерно нейтральные местоимения и новая форма обращения отражают общую тенденцию к дегендеризации, которая отчасти продолжает тенденцию нейтрализации гендера, отмеченную в ходе ана-

лиза седьмого издания OALD. Однако если увеличение числа гендерно нейтральных иллюстративных контекстов OALD в 2005 г. было способом сгладить преобладание мужских контекстов [38. С. 124–125, 130–131], то в настоящее время дегендеризация направлена на обеспечение требований инклюзивности. Считается, что упоминание женщин и мужчин (а также оппозиции мужское *vs* женское) способствует воспроизводству гетеронормативности и дискриминирует лиц с нетрадиционными гендерными идентичностями.

Отражением упрочившихся позиций квир сообщества и трансгендеризма стало появление в OALD 2020 г. издания отсутствовавших в словаре 2005 г. словарных статей с аббревиатурами *LGBT, LGBTI, LGBTQ,* причём последние две снабжены иллюстративными контекстами: *the LGBTQ community, LGBTI rights*.

Лексема *transgender* представлена во всех пяти рассматриваемых словарях. В OALD 2005 г. она определялось весьма лаконично (*relating to transsexuals and transvestites*). Последнее издание OALD соотносит трансгендерность с небинарными типами гендерной идентичности: *transgender – adj., describing or relating to people whose sense of gender identity does not match their biological sex or does not easily fit in with the usual division between male and female.* ИК к данному слову профилируют социальную проблематику трансгендеризма: *Transgendered persons will also benefit from this change in the law.*

LDOCE акцентирует сексуальную составляющую трансгендерности: *transgender – a general word for people who feel that they belong to the other sex, and not the sex they were born with, and who express this in their sexual behaviour*.

В CED, CLD и MEDAL регистрируется глагол *misgender*:

to use the wrong pronouns or other gender-specific words when referring to or speaking to someone, especially a transgender person (CLD).

to refer to (a person) using a pronoun or title that does not correspond with that person's gender identity (CED).

Поскольку трансгендерные переходы не всегда сопровождаются изменениями внешнего облика индивида, неточности в выборе местоимений имеют место довольно часто, что нашло отражение в одном из ИК: *He often gets misgendered and it bothers him a lot* (CLD).

Проблематичность идентификации гендера по внешним признакам объясняет появление в современном англофонном социуме новой коммуникативной практики – представляться незнакомому человеку,

называя предпочитаемые местоимения (*preferred pronouns*). Это явление получило широкое распространение в межличностной и сетевой коммуникации, а также в академической среде, где студенты имеют возможность указывать предпочитаемые местоимения при регистрации на курс (учебную дисциплину), а профессора приводят их на личных страничках университетских сайтов, в подписи к электронным письмам и т.д.

Об устойчивости данной коммуникативной практики свидетельствует её лексикографическая фиксация: в MEDAL представлены словарная статья *someone's pronouns* и иллюстративные контексты к ней:

A person's pronouns are the pronouns and possessive determiners that they want others to use when referring to them.

My pronouns are they/them/theirs.

the importance of using people's preferred gender pronouns.

Три из пяти рассматриваемых словарей регистрируют также слово *cisgender* для обозначения лиц, чья гендерная идентичность совпадает с биологическим полом:

describing or connected with people whose sense of personal identity and gender is the same as their birth sex (OALD);

used to describe someone who feels that they are the same gender (= sex) as the physical body they were born with: a cisgender woman/man (CLD);

of or relating to a person whose gender identity corresponds to the assumed gender assigned to them at birth (CED).

Гендерные неологизмы с суффиксом *cis- (cisgender, cisman, ciswoman)* призваны устранить немаркированный характер категорий «мужчина» и «женщина» в оппозициях *man vs transman*, *woman vs transwoman* и направлены на деконструкцию гетеросексуальности и гетеронормативности.

Заключение

Анализ особенностей репрезентации гендера в англоязычных лексикографических источниках последних лет издания показал, что мужественность и женственность в значительной степени конструируются в русле ломки патриархальных стереотипов. Во всех компонентах макро- и микроструктуры толковых словарей прослеживается тема гендерной идентичности и легализации однополых отношений, чего не наблюдалось в лексикографии начала XXI в.

Концептуализация гендера как небинарного конструкта фиксируется на уровне дефиниций, иллюстративных контекстов и словарных помет, путем включения в словник гендерно нейтральных местоимений и обращений, а также неологизмов, обозначающих нетрадиционные гендерные идентичности. В иллюстративных контекстах новейших изданий значительно более полно, чем в предыдущем срезе, представлена информация, связанная с гражданским активизмом – борьбой за права женщин и социальными инициативами, направленными на защиту гендерных меньшинств. Лексикографическое отражение получают также новые коммуникативные практики, направленные на дегендеризацию общения и уход от гетеронормативности.

Цифровизация лексикографических практик делает более демократичным процесс включения в словарь новых слов, в том числе гендерных неологизмов. Феномен гендерной политкорректности отражается добавлением в словарные статьи новых примечаний – *'Avoiding offence', 'Usage'*.

Литература

1. *Колесникова М.С.* Лексикографические проблемы новых лингвистических исследований: гендерный аспект // Филологические науки. 2003. № 5. С. 106–114.

2. *Колесников Н.П.* Толковый словарь названий женщин. М. : АСТ, Астрель, 2002. 608 с.

3. *Словарь* гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.

4. *Daly M.* Gyn/Ecology: The Metaethics of Radical Feminism. Boston : Beacon Press, 1978. 484 p.

5. *Daly M.* Webster's First New Intergalactic Wickedary of the English Language. London : Women's Press, 1988. 310 p.

6. *Kramarae C., Treichler P.* A feminist dictionary. London : Pandora Press, 1985. 587 p.

7. *Mills J.* Womanwords: A Vocabulary of Culture and Patriarchal Society. London : Longman, 1989. 291 p.

8. *Кирилина А.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М. : Изд-во ин-та социологии РАН., 1999. 189 с.

9. *Колесникова М.С.* Методологические проблемы лексикографического анализа в гендерных исследованиях // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Второй Междунар. конф., Москва 22–23 ноября 2001 г. М. : МГЛУ, 2002. С. 207–214.

10. *Колесникова М.С.* Диалог культур в лексикографии: феномен лингвострановедческого словаря. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2002. 392 с.

11. *Колесникова М.С.* Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. М. : Рудомино, 2002. С. 22–36.

12. *Ольшанский И.Г.* Лексикографические аспекты гендерных исследований // Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы Третьей международной конференции, Москва 27–28 ноября 2003 г. М. : МГЛУ, 2003. С. 81–82.

13. *Зыкова И.В.* Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002. 27 с.

14. *Красавский Н.А.* Эмотивные обозначения женщины в современном немецком языке // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Второй Междунар. конф., Москва 22–23 ноября 2001 г. М. : МГЛУ, 2002. С. 217–222.

15. *Узенёва Е.С.* Имя собственное у болгар: гендерный аспект // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Второй Междунар. конф., Москва 22–23 ноября 2001 г. М. : МГЛУ, 2002. С. 300–306.

16. *Узенёва Е.С.* Жаргон и представления о женском и мужском поле (на материале современного болгарского языка) // Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы Третьей Междунар. конф., Москва 27–28 ноября 2003 г. М. : МГЛУ, 2003. С. 112–113.

17. *Никольская В.А.* Гендерные асимметрии и стереотипы в английской фразеологии : дис. …канд. филол. наук. Н. Новгород, 2005. 177 с.

18. *Вишнякова Ю.В.* Лингвокультурологическое описание гендера в лексикографии (на материале анализа мифологических персонажей) : дис. …канд. филол. наук. Ярославль, 2006. 212 с.

19. *Толстова М.А.* Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 58–75.

20. *Демешкина Т.А., Толстова М.А.* Гендерная диалектология и словари как её источник // Вопросы лексикографии, 2017. № 12. С. 83–105.

21. *Yaguello M.* Les mots et les femmes: essai d'approche socio-linguistique de la condition feminine. Paris : Payot, 1978. 202 p.

22. *Morris M.* A-mazing grace: notes on Mary Daly's poetics // Intervention. 1982. № 16. P. 70–92.

23. *Pauwels A.* Women Changing Language. Longman: London, New York, 1998. 267 p.

24. *Pusch L.* Sie sah zu ihm auf wie zu einem Gott: Das Duden-Bedeutungswörterbuch als Trivialroman // Weiblichkeit oder Feminismus? Beitrage zur interdisziplinären Frauentagung Konstanz 1983. Weingarten : Drumlin, 1984. S. 57–66.

25. *Gershuny H.L.* Sexist semantics in the dictionary // Etc. 1974. № 31 (2). P. 159–169.

26. *Gershuny H.L.* Sexism in dictionaries and texts: omissions and commissions // Sexism and Language / ed. by A.P. Nilsen, H. Bosmajian, H.L. Gershuny, J.P. Stanley. Urbana, Ill. : National Council of Teachers of English, 1977. P. 143–159.

27. *Hampares K.* Sexism in Spanish Lexicography // Hispania num. 1976. № 59. P. 100–109.

28. *García M.* Lenguaje y discriminasion sexual. Madrid : para el Dialogo Editorial Guadernos, 1977. 358 p.

29. *Brouwer D.* Feminist language policy in Dutch: equality rather than difference // Working Papers on Language, Gender and Sexism. 1991. № 1 (2). P. 73–82.

30. *Cannon G., Robertson S.* Sexism in present-day English: is it diminishing? // Word. 1985. № 36 (1). P. 23–35.

31. *Kramarae C.* Punctuating the dictionary // International Journal of the Sociology of Language. 1992. № 94. P. 135–154.

32. *Hennessy M.* Propagating half a species: gender in learners' dictionaries // Style on the move: proceedings of Style Council 1992 / ed. by Pam H. Peters. North Ryde : Macquarie University, Dictionary Research Centre, 1993. P. 120–132.

33. *Schafroth E.* Berufsbezeichnungen für Frauen in Frankreich – Sprachpolitische Massnahmen und sprachliche Wirklichkeit // Lebende Sprachen. 1993. № 2. P. 64–66.

34. *Попов А.А.* К проблеме отражения гендерного аспекта в лексикографии // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. М. : МГЛУ, 1999. Вып. 446. С. 89–92.

35. *Попов А.А.* Об учёте гендерного аспекта в лексикографическом кодировании // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 93–98.

36. *Мелихова Е.В.* Проблемы лексикографирования конструкта «гендер» в русском языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3 (59). С. 174–179.

37. *Васькова О.А.* Гендер как предмет лексикографического описания (на материале фразеологии) : дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 177 с.

38. *Сергеева М.В.* Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии : дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 182 с.

39. *Norri J.* Gender in dictionary definitions: a comparison of five learner's dictionaries and their different editions // English Studies. 2019. Vol. 100, is. 7.

40. *Rundel M.* What's a Nice Girl like you Doing in a Dictionary like this? // Macmillan Dictionary Blog. 2012. URL: https://www.macmillandictionaryblog.com/whats-a-nice-girl-like-you-doing-in-a-dictionary-like-this (дата обращения: 7.08.2020).

41. *Motschenbacher H., Stegu M.* Queer Linguistic approaches to discourse // Discourse and Society. 2013. № 24 (5). P. 519–535.

42. *Cameron D., Kulick D.* Language and sexuality. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 194 p.

43. *Zimman L., Davis J., Raclaw J.* (eds.). Queer excursions: Retheorizing binaries in language, gender, and sexuality. Oxford : Oxford University Press, 2014. 256 p.

44. *Zimman L.* Gender as stylistic bricolage: Transmasculine voices and the relationship between fundamental frequency and /s/ // Language in Society. 2017. № 46 (3). P. 339–370.

45. *Jones L., Mullany L.* The problematic case of gender-neutral pronouns: A response to "A Modest Proposal" // International Journal of Transgenderism. 2019. № 20 (2–3). P. 337–340.

46. *Paterson L.* British pronoun use, prescription, and processing: Linguistic and social influences affecting 'they' and 'he.' London : Palgrave McMillan, 2014. 192 p.

47. *Грищенко Е.С.* О современных тенденциях в лингвистическом изучении гендера, его концептуализации и репрезентации (на материале английского языка) // Тезисы Четвертой международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». Москва, ММФ, 28–29 ноября 2019 г. М. : Московская международная академия, 2019. С. 23–25.

48. *Béjoint H.* The lexicography of English: from origins to present. Oxford : Oxford University Press, 2010. 458 p.

49. *Oxford* Advanced Learner's Dictionary. 10th ed. 2020. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ (дата обращения: 2.06.2020).

50. *Cambridge* Learner's Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/learner-english/ (дата обращения: 15.06.2020).

51. *Longman* Dictionary of Contemporary English. URL: https://www.ldoceonline.com/ (дата обращения: 28.06.2020.)

52. *Macmillan* English Dictionary for Advanced Learners. URL: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 9.07.2020).

53. Collins English Dictionary. URL: https://www.collinsdictionary.com/dictionnary/english (дата обращения: 18.07.2020).

54. *Landau S.* Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

55. *Svensén B.* A Handbook of Lexicography: The Theory and Practice of Dictionary-Making. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 552 p.

56. *Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H.* The Advanced Learner's Dictionary of Current English. First published 1948. Oxford University Press, 1958. 1528 p.

57. *Oxford* Advanced Learner's Dictionary of Current English / ed. by S. Wehmeier. 7th edi. Oxford University Press, 2005. 1907 p.

58. *Merriam-Webster's* Unabridged Dictionary. URL: https://www.merriam-webster.com/words-at-play/word-of-the-year/quid-pro-quo (дата обращения 15.05.2020).

Current Trends in Gender Conceptualization and Their Reflection in English Learner's Dictionaries

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 22–51.
DOI: 10.17223/22274200/18/2

Elena S. Gritsenko, Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: egritsenko@hse.ru / elena.s.gritsenko@gmail.com
Marina V. Sergeyeva, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: msergeyeva@mail.ru

Keywords: English, gender, lexicography, stereotypes, identity, non-binary, gender-neutral.

The aim of this article is to identify how modern English-language dictionaries reflect the recent shift in the conceptualization and categorization of gender caused by the changes in gender theory, gender ideology and social transformations. The need to ad-

dress this topic is driven by the fact that, in the Anglophone academic discourse and everyday life, the binary structure of the gender is no longer considered the norm and gender-neutral communication practices are gaining in scale. The study focuses on various structural components of entries from the latest editions of five major British dictionaries for EFL students ('the Big Five'): *Oxford Advanced Learner's Dictionary* (OALD), *Cambridge Learner's Dictionary* (CLD), *Longman Dictionary of Contemporary English* (LDOCE), *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* (MEDAL), and *Collins English Dictionary* (CED). To identify the shifts in the recording of gender relevant information, the authors analyzed the headwords of dictionary entries, definitions, illustrative examples, gender relevant usage notes, and non-sexist language guidelines. Illustrative examples were also selected from dictionary entries thematically related to issues of family, marriage and sexual relations, as well as to the topics of discrimination, debate, (in)tolerance, and prejudice. The authors used definitional analysis and semantic interpretation to achieve the aim. The findings were then compared with the results of an earlier study on the construction of gender in the first (1948) and fifth (2005) editions of OALD. The study demonstrates that in modern lexicography deconstruction of gender stereotypes has become even more pronounced than in the dictionaries published at the beginning of the century. Different elements of dictionary entries emphasize such issues as women's rights campaigning and elimination of gender discrimination in all its forms. New types of masculinity are represented in various entry components. The ideas of gender fluidity and same-sex relations have become much more prominent than in the 2000s. Along with recording traditional gender representations, modern dictionaries tend to consistently avoid the implications of heteronormativity and heterosexuality by recognizing multiple gender identities. This tendency is registered in all structural components of the analyzed dictionaries. New types of communicative practices that stem from the changes in gender conceptualization, such as 'preferred pronouns' and others, are reflected in illustrative examples and by the new coinages used as headwords. The major trends affecting the way gender ideology is reflected in modern dictionaries include digitalization of lexicographic practices, increased role of corpora as a source of illustrative examples, and democratization of dictionary making process by registering new coinages, particularly gender relevant ones, submitted by the users.

References

1. Kolesnikova, M.S. (2003) Leksikograficheskie problemy novykh lingvisticheskikh issledovaniy: gendernyy aspekt [Lexicographic problems of new linguistic studies: gender aspect]. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 5. pp. 106–114.

2. Kolesnikov, N.P. (2002) *Tolkovyy slovar' nazvaniy zhenshchin* [Explanatory dictionary of names of women]. Moscow: Astrel'; AST.

3. Denisova, A.A. (ed.) (2002) *Slovar' gendernykh terminov* [Dictionary of gender terms]. Moscow: Informatsiya XXI vek.

4. Daly, M. (1978) *Gyn/Ecology: The Metaethics of Radical Feminism.* Boston: Beacon Press.

5. Daly, M. (1988) *Webster's First New Intergalactic Wickedary of the English Language*. London: Women's Press.

6. Kramarae, C. & Treichler, P. (1985) *A Feminist Dictionary*. London: Pandora Press.

7. Mills, J. (1989) *Womanwords: A Vocabulary of Culture and Patriarchal Society.* London: Longman.

8. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology RAS.

9. Kolesnikova, M.S. (2002) [Methodological problems of lexicographic analysis in gender studies]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the II International Conference. Moscow. 22–23 November 2001. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 207–214. (In Russian).

10. Kolesnikova, M.S. (2002) *Dialog kul'tur v leksikografii: fenomen lingvostranovedcheskogo slovarya* [Dialogue of cultures in lexicography: the phenomenon of a linguacultural dictionary]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.

11. Kolesnikova, M.S. (2002) Leksikograficheskie aspekty sovremennykh gendernykh issledovaniy [Lexicographic aspects of modern gender studies]. In: *Gender kak intriga poznaniya: Gendernye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikatsii* [Gender as the intrigue of cognition: Gender studies in linguistics, literary criticism and communication theory]. Moscow: Rudomino. pp. 22–36.

12. Ol'shanskiy, I.G. (2003) [Lexicographic aspects of gender studies]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the III International Conference. Moscow. 27–28 November 2003. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 81–82.

13. Zykova, I.V. (2002) *Gendernyy komponent v strukture i semantike frazeologicheskikh edinits sovremennogo angliyskogo yazyka* [Gender component in the structure and semantics of phraseological units of modern English]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

14. Krasavskiy, N.A. (2002) [Emotive designations of women in modern German]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the II International Conference. Moscow. 22–23 November 2001. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 217–222. (In Russian).

15. Uzeneva, E.S. (2002) [A proper name in Bulgarian: A gender aspect]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the II International Conference. Moscow. 22–23 November 2001. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 300–306. (In Russian).

16. Uzeneva, E.S. (2003) [Jargon and ideas about the female and male sex (based on the material of the modern Bulgarian language)]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Proceedings of the III International Conference. Moscow. 27–28 November 2003. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 112–113. (In Russian).

17. Nikol'skaya, V.A. (2005) *Gendernye asimmetrii i stereotipy v angliyskoy frazeologii* [Gender asymmetries and stereotypes in English phraseology]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

18. Vishnyakova, Yu.V. (2006) *Lingvokul'turologicheskoe opisanie gendera v leksikografii (na materiale analiza mifologicheskikh personazhey)* [A linguacultural description of gender in lexicography (based on the analysis of mythological characters)]. Philology Cand. Diss. Yaroslavl.

19. Tolstova, M.A. (2016) Gender in traditional culture through a dictionary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (24). pp. 58–75. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/24/7

20. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2017) Gender dialectology and dictionaries as its source. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography.* 12. pp. 83–105. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/5

21. Yaguello, M. (1978) *Les mots et les femmes: essai d'approche socio-linguistique de la condition feminine.* Paris: Payot.

22. Morris, M. (1982) A-mazing grace: notes on Mary Daly's poetics. *Intervention*. 16. pp. 70–92.

23. Pauwels, A. (1998) *Women Changing Language*. London; New York: Longman.

24. Pusch, L. (1984) Sie sah zu ihm auf wie zu einem Gott: Das Duden-Bedeutungswörterbuch als Trivialroman. In: *Weiblichkeit oder Feminismus? Beitrage zur interdisziplinären Frauentagung Konstanz 1983*. Weingarten: Drumlin. pp. 57–66.

25. Gershuny, H.L. (1974) Sexist semantics in the dictionary. *Etc*. 31 (2). pp. 159–169.

26. Gershuny, H.L. (1977) Sexism in dictionaries and texts: omissions and commissions. In: Nilsen, A.P. et al. (eds) *Sexism and Language.* Urbana, Ill.: National Council of Teachers of English. pp. 143–159.

27. Hampares, K. (1976) Sexism in Spanish Lexicography. *Hispania*. 59. pp. 100–109.

28. García, M. (1977) *Lenguaje y discriminacion sexual.* Madrid: para el Dialogo Editorial Guadernos.

29. Brouwer, D. (1991) Feminist language policy in Dutch: equality rather than difference. *Working Papers on Language, Gender and Sexism.* 1 (2). pp. 73–82.

30. Cannon, G. & Robertson, S. (1985) Sexism in present-day English: is it diminishing? *Word*. 36 (1). pp. 23–35.

31. Kramarae, C. (1992) Punctuating the dictionary. *International Journal of the Sociology of Language*. 94. pp. 135–154.

32. Hennessy, M. (1993) Propagating half a species: gender in learners' dictionaries. In: Peters, P.H. (ed.) *Style on the Move: Proceedings of Style Council 1992.* North Ryde: Macquarie University, Dictionary Research Centre, P. 120–132.

33. Schafroth, E. (1993) Berufsbezeichnungen für Frauen in Frankreich – Sprachpolitische Massnahmen und sprachliche Wirklichkeit. *Lebende Sprachen.* 2. pp. 64–66.

34. Popov, A.A. (1999) K probleme otrazheniya gendernogo aspekta v leksikografii [On the problem of reflection of the gender aspect in lexicography]. In: *Gendernyy faktor v yazyke i kommunikatsii* [Gender factor in language and communication]. Moscow: Moscow State Linguistic University. 446. pp. 89–92.

35. Popov, A.A. (2000) Ob uchete gendernogo aspekta v leksikograficheskom kodirovanii [Taking into account the gender aspect in lexicographic coding]. In: Kirilina, A.V. *Gender kak intriga poznaniya* [Gender as the intrigue of cognition]. Moscow: Moscow State Linguistic University. pp. 93–98.

36. Melikhova, E.V. (2008) Problems in Lexicography of Gender Construct in the Russian Language. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. 3 (59). pp. 174–179. (In Russian).

37. Vas'kova, O.A. (2006) *Gender kak predmet leksikograficheskogo opisaniya (na materiale frazeologii)* [Gender as an object of lexicographic description (based on phraseology)]. Philology Cand. Diss. Moscow.

38. Sergeeva, M.V. (2007) *Dinamika gendernykh reprezentatsiy v britanskoy tolkovoy leksikografii* [Dynamics of gender representations in British lexicography]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

39. Norri, J. (2019) Gender in dictionary definitions: a comparison of five learner's dictionaries and their different editions. *English Studies*. 100 (7).

40. Rundel, M. (2012) *What's a Nice Girl like you Doing in a Dictionary like this?* Macmillan Dictionary Blog. [Online] Available from: https://www.macmillandictionaryblog.com/whats-a-nice-girl-like-you-doing-in-a-dictionary-like-this. (Accessed: 07.08.2020).

41. Motschenbacher, H. & Stegu, M. (2013) Queer Linguistic approaches to discourse. *Discourse and Society*. 24 (5). pp. 519–535.

42. Cameron, D. & Kulick, D. (2003) *Language and Sexuality*. Cambridge: Cambridge University Press.

43. Zimman, L., Davis, J. & Raclaw, J. (eds) (2014) *Queer Excursions: Retheorizing Binaries in Language, Gender, and Sexuality*. Oxford: Oxford University Press.

44. Zimman, L. (2017) Gender as stylistic bricolage: Transmasculine voices and the relationship between fundamental frequency and /s/. *Language in Society*. 46 (3). pp. 339–370.

45. Jones, L. & Mullany, L. (2019) The problematic case of gender-neutral pronouns: A response to "A Modest Proposal". *International Journal of Transgenderism*. 20 (2-3). pp. 337–340.

46. Paterson, L. (2014) *British Pronoun Use, Prescription, and Processing: Linguistic and Social Influences Affecting 'They' and 'He'*. London: Palgrave McMillan.

47. Gritsenko, E.S. (2019) [On current trends in the linguistic study of gender, its conceptualization and representation (based on the English language)]. *Gender: yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [Gender: language, culture, communication]. Abstracts of the IV International Conference. Moscow. 28–29 November 2019. Moscow: Moscow International Academy. pp. 23–25. (In Russian).

48. Béjoint, H. (2010) *The Lexicography of English: From Origins to Present*. Oxford: Oxford University Press.

49. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (2020) 10th ed. [Online] Available from: https://www.oxford-learnersdictionaries.com/definition/english/. (Accessed: 02.06.2020).

50. *Cambridge Learner's Dictionary*. [Online] Available from: https://dictionary.cambridge.org/dic-tionary/learner-english/. (Accessed: 15.06.2020).

51. *Longman Dictionary of Contemporary English.* [Online] Available from: https://www.ldoce-online.com/. (Accessed: 28.06.2020.)

52. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.* [Online] Available from: https://www.mac-millandictionary.com/. (Accessed: 09.07.2020).

53. *Collins English Dictionary.* [Online] Available from: https://www.collinsdic-tionary.com/diction-nary/english. (Accessed: 18.07.2020).

54. Landau, S. (2001) *Dictionaries: The Art and Craft of Lexicography*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

55. Svensén, B. (2009) *A Handbook of Lexicography: The Theory and Practice of Dictionary-Making*. Cambridge: Cambridge University Press.

56. Hornby, A.S., Gatenby, E.V. & Wakefield, H. (1958) *The Advanced Learner's Dictionary of Current English.* First published in 1948. Oxford University Press.

57. Wehmeier, S. (ed.) (2005) *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. 7th ed. Oxford University Press.

58. *Merriam-Webster's Unabridged Dictionary.* [Online] Available from: https://www.merriam-webster.com/words-at-play/word-of-the-year/quid-pro-quo. (Accessed: 15.05.2020).

УДК 81’373.23+81’374
DOI: 10.17223/22274200/18/3

М.А. Лаппо, Н.И. Малиновская

ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ БАЗЫ ДАННЫХ УЗУАЛЬНЫХ И НЕУЗУАЛЬНЫХ ФЕМИНИТИВОВ

Анализируется специфика лексикографической интерпретации группы слов со значением женскости в динамическом и семантико-прагматическом аспектах. Определяется необходимость создания корпуса узуальных и неузуальных феминитивов как словаря активного типа. Описываются такие параметры лексикографического закрепления данной группы слов, как фиксация в традиционных словарях, денотативная и коннотативные зоны в структуре лексического значения, сфера функционирования, наличие синонимов и вариантов.
Ключевые слова: *лексикография, база данных, словарь активного типа, феминитив, гендерная лингвистика, язык и речь, прагматика, семантика.*

В настоящем исследовании анализируется опыт составления словарей нового типа – электронных лексикографических баз данных на примере корпуса узуальных и неузуальных феминитивов в речи носителей современного русского языка. Данная база является расширением «Базы данных прагматически маркированной лексики» [1] и уточнением некоторых ее параметров относительно соответствующего тематического фрагмента словаря. Теоретической основой нашей работы является представление об интегральном характере лексического значения (Г.Н. Скляревская) [2]. Выбор электронной формы фиксации словарных сведений определяется и задачами создания словарей активного типа, и высоким уровнем подвижности феминитивов в русскоязычном художественном, публицистическом и разговорном дискурсе, а сама база может послужить моделью для разработки других участков языковой системы.

Электронные лексикографические базы данных – это одновременно и новая среда существования словаря, и разновидность словаря активного типа, в задачи которого входит, по мнению Ю.Д. Апресяна, помещение «в полном и упорядоченном виде» информации о слове, динамике его лексических значений, грамматике и прагматике употребления, его «лексическом мире», т.е. синонимах, антонимах, вариантах и т.п. [3. С. 6–7]. Принципы электронной базы как словаря ак-

тивного типа, структура словарной статьи и система помет были описаны Е.Г. Басалаевой [4], Е.Ю. Булыгиной и Т.А. Трипольской [5]. Ориентиром для лексикографического описания могут послужить феминитивы со значением отношения к сфере деятельности (*командирша, училка*), так и другие близкие к ним лексемы – эмотивы, слова общего рода (например, *неженка, цаца*), представленные в базе данных «Прагматически маркированная лексика русского языка». Ключевым принципом указанной базы является синтез традиций отечественной лексикографии (четкое зоновое деление словарной статьи) и развернутой фиксации таких прагматических зон лексического значения, как эмоциональная оценка, идеологический, гендерный, возрастной, социально-статусный, национально-культурный компоненты. Феминитивы в традиционном понимании – это те лексемы, гендерный компонент которых относится к денотативному макрокомпоненту лексического значения.

В нашей работе также учитывался опыт создания и анализа других словарных баз данных: базы метафорической терминологии Н.А. Мишанкиной и Ж.А. Рожневой, делающих акцент на функциональном моделировании языка [6]; словарно-стилистической характеристики в базе данных Е.В. Пурицкой и Д.И. Панкова, моделирующих «справочный отдел» стилистических помет [7]; базы данных отрицательно-оценочной лексики К.С. Кочергиной, также видящей решение проблемы разнородности систем стилистических помет в создании специализированной базы данных [8].

Поиск параметров рассматриваемой базы данных обусловлен необходимостью фиксации подвижной и зависимой от контекста прагматической зоны, осмыслением специфики функционирования отдельных групп лексики русского языка. В последние годы русисты неоднократно отмечали всплеск инновационной деятельности в области наименований лиц женского пола, что связывали с активизацией феминистского движения в России [9–11]. На материале инноваций и их широкого обсуждения в СМИ, блогосфере, разговорной речи предоставляется редкая возможность непосредственного наблюдения над столкновением языка и речи как неразрывных сущностей одного феномена (обзор современных теорий о соотношении категорий языка, речи, речевой деятельности см. в работе А.А. Залевской [12]). Становится очевидным, что именно экстралингвистические факторы являются важнейшими в динамических процессах языка: если бы

действовала только логика самого языка (закон экономии, к примеру), то, наоборот, в нем не появлялись бы новые единицы. Возникшие многочисленные дискуссии также иллюстрируют одну из популярных теорий происхождения языка – теорию социального договора. Сторонники новоявленных феминитивов призывают не только пользоваться ими, но и генерировать в своей речи, игнорируя их негативные коннотации или кажущуюся нелепость; сторонники консервативной точки зрения призывают не пользоваться феминитивами, в том числе и традиционными, обращая внимание на семантическую особенность слов мужского рода (они называют лицо по отношению к виду деятельности, а не полу[1]) и привлекая, в частности, авторитет М. Цветаевой и А. Ахматовой, не признававших номинацию *поэтесса* по отношению к себе.

На наш взгляд, в отношении тематической группы феминитивов, обозначающих сферу деятельности лица женского пола, следует описать такие параметры лексикографического закрепления, как факт фиксации в традиционных словарях, наличие лексико-семантических вариантов у лексемы (моно- или полисемант), структуру лексического значения (денотативная и коннотативные зоны), маркеры актуализации коннотативных компонентов, например элементы контекста, оценочный «шлейф» суффикса, используемый при словообразовании, и (или) способы их нейтрализации, стилистические сферы функционирования единицы, наличие синонимов, словообразовательных и других вариантов. Поиск в базе данных может осуществляться по любому из указанных параметров. Поясним указанные параметры.

1. Фиксация в традиционных толковых словарях. Факт присутствия лексемы в толковом словаре русского языка означает ее закрепленный характер в узусе. Помимо этой очевидной констатации обращение к словарям демонстрирует как отечественные лексикографические традиции, так и особенности семантики феминитивов и их лингвистической интерпретации.

В.В. Виноградов указывал, что «в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т.е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице,

[1] С исторической точки зрения, это также приписанное свойство семантики, поскольку изначально названия практически всех профессий были мужскими, женских вариантов не существовало, так как обычай не позволял женщине заниматься мужскими делами.

отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека. <…> в категории мужского рода **ярче** (выделено нами. – *М.Л., Н.М.*) выражена идея пола, чем лица» [13. С. 62]. Аналогично в «Русской грамматике» 1980 г. отмечается, что «слова мужского рода **прежде всего** (выделено нами. – *М.Л., Н.М.*) заключают в себе общее понятие о человеке, обозначают его социальную или профессиональную принадлежность независимо от пола» [14. С. 465]. Иначе говоря, идея пола в данных словах также есть, однако она выражена не столь значительно, сколько идея лица, в отличие от слов женского рода. Развивая эту мысль, можно сказать, что в словах разных тематических групп отмечается различное соотношение семантики лица и пола. Так, в наименованиях лиц по национальности в русском языке гораздо ярче проявляется сема ‘пол’, в связи с чем не встает вопрос, как называть женщину – *русской* или *русским*, *татаркой* или *татарином*, *бурятку* или *бурятом*, поскольку возможны лишь первые варианты, что закреплено лексикографической традицией. В «Словаре современного литературного языка» под редакцией В.И. Чернышёва [15] даются все три лексемы как самостоятельные единицы языка: слово со значением мужского пола по национальному признаку (*армянин, китаец, турок*), слово со значением женского пола по национальному признаку (*армянка, китаянка, турчанка*), общее наименование национальности (*армяне, китайцы, турки*). Подробнее об этом см. в статье [16].

Лексикографические исследования показывают, что традиционные толковые словари также непоследовательно отражали наименования лиц женского пола в целом или отдельные компоненты их лексических значений. Так, О.П. Ермакова отмечает, что значение ‘вдова/дочь того, кто назван производящей основой’ у слов типа *генеральша, капитанша, дворничиха, рыбачка, морячка, докторша*, хотя оно и регулярно встречается в разговорной и художественной речи, в словарях практически не дается. Лишь слово *офицерша* дается в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова в значении ‘жена или вдова офицера’, а слово *мельничиха* в Большом и Малом академических словарях – как ‘жена или дочь мельника’ [17. С. 78]. В статье В.А. Ефремова предпринимается анализ номинаций лиц мужского пола и их эквивалентов женского рода, зафиксированных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Исследование выявило «ряд устойчивых гендерных стереотипов и гендерных асимметрий, обусловленных патриархатной структурой

русского общества и андроцентричностью общественного сознания» [18. С. 45]. Единственное послабление, как пишет В.А. Ефремов, «представляют номинации творческих профессий, для которых Даль фиксирует номинации обоих родов: *актер* и *актриса*, *художник* и *художница*, *писатель* и *писательница*» [Там же. С. 44].

Наблюдения над современными лексикографическими источниками дают схожие результаты. В поле нашего внимания попали толковые словари русского языка, наиболее востребованные в современных лингвистических исследованиях [19–23]. В целом сохраняется тенденция либо игнорирования, либо фиксации лексемы со значением лица женского пола не как самостоятельной словарной единицы, а как деривата существительного мужского рода, например:

Читатѐль, -я; *м.* 1. Тот, кто читает, кто занят чтением каких-л. произведений, к кому обращены произведения письменности. 2. Посетитель общественной библиотеки, читальни. < *Читательница*, -ы; *ж.* (БТСРЯ).

Наиболее последовательно отражает подобные единицы «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова. Так, самостоятельными словарными статьями снабжены лексемы *аббатиса, акушерка, аптекарша, буфетчица, директриса, докторша, поэтесса* и др. В то же время многозначное слово *машинистка*, зафиксированное в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и «Современном толковом словаре русского языка» Т.В. Ефремовой в виде отдельной статьи, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова получает только опосредованную интерпретацию (через слово *машинист*). Если допустить логику отбора лексем для самостоятельной фиксации (частотные и стилистически окрашенные), остается неясным, почему БТСРЯ фиксирует нейтральное и редкое для русского языка слово *аббатиса*:

Аббатѝса, -ы; *ж.* [лат. abbatissa]. В католической церкви: настоятельница женского монастыря.

В статусе дериватов в указанных словарях даны слова *актриса, диссидентка, журналистка, монахиня, поэтесса, ученица, учительница, художница,* например:

Актёр, -а; м. [фр. acteur]. 1. Профессиональный исполнитель ролей в театре и кино. < *Актриса*, -ы; *ж. Актёрка*, -и; мн. род. -рок, дат. -ркам (БТСРЯ).

Актёр, -а, м. 1. Исполнитель ролей в театре и кино. || ж. *актриса*, -ы (ТСОШ).

Слово *директриса* выделено всеми рассматриваемыми словарями, например:

Директри́са I ж. разг. Женщина директор (НСРЯ).

Директри́са, -ы; *ж.* [франц. directrice] 1. *Разг.* к Директор. 2. В России до 1917 г.: начальница женского учебного заведения (БТСРЯ).

Директри́са, -ы, ж. Начальница женского учебного заведения в дореволюционной России и женщина-директор (разг.) (ТСОШ).

Директри́са, -ы, ж. 1. Начальница женского учебного заведения в дореволюционной России. 2. Разг. Женск. к директор [Франц. directrice] (МАС).

Неоднозначна стилистическая интерпретация лексемы *врачиха*:

Врачи́ха ж. ***разг.-сниж.*** Женщина-врач (НСРЯ).

Врач, -а; *м.* Специалист с высшим медицинским образованием, занимающийся лечебно-профилактической деятельностью. < Врачиха, -и; *ж.* ***Разг.*** (БТСРЯ).

Врачи́ха, -и, ж. ***Прост.*** Женщина-врач (МАС).

И, наконец, неоднозначна грамматическая интерпретация лексемы *фотомодель*:

Фотомоде́ль, -и; ***м.*** *и* ***ж.*** Натурщица (натурщик), позирующая (позирующий) фотографу (БТСРЯ).

Фотомоде́ль, -и, ж. Натурщица, позирующая фотографу. Мужчина-фотомодель (ТСОШ).

Указанный разнобой в интерпретации денотативного и прагматического макрокомпонента значений как традиционных, так и новых слов могла бы решить электронная база.

2. Способ образования, словообразовательные варианты и (или) синонимы. Интерес к данному параметру лингвистического описания обусловлен всплеском множественной словообразовательной активности в рамках указанной тематической группы слов, что, во-первых, ставит вопрос об узуальном или окказиональном статусе вариантов, а во-вторых, их стилистической и эмотивно-оценочной характеристике.

Было выявлено, что окказиональное словопроизводство коснулось преимущественно тематической группы слов, обозначающих вид деятельности*:* слова *философиня, авторка, министресса, докторка, лингвистка* встают в один ряд с традиционными лексемами *учительница, студентка, поэтесса, директорша, врачиха.* Среди способов образования коррелятов описаны словообразовательные – суффик-

сальные (*блогерка*) или сложные (*девочки-дипломаты*) дериваты; в статье В.К. Солтыс приводятся примеры одного графического способа актуализации пола, гендергэпа, т.е. нижнего подчеркивания, отделяющего часть слова с грамматическими показателями рода от основной: *необходимость быть силь_ной, долж_на сделать* и т.п. [10. С. 132].

Следует отметить также, что языковая асимметрия (лакуны, непоследовательность в употреблении феминитивов, стилистическая разношерстность) в целом противоречит языковой интуиции носителей языка. Если за фактами детской речи признать, вслед за С.Н. Цейтлин [24], проявление внутриязыковой логики, то придется признать и логичность, естественность фиксируемого сейчас наплыва нелепых и неблагозвучных феминитивов. Наблюдение за речью детей демонстрирует активный процесс создания и использования наименований для указания пола человека и животного. Так, в «Объяснительном словаре детских инноваций» Т.А. Гридиной [25] нами было найдено около 50 окказиональных употреблений, свидетельствующих о стремлении детей заполнить лакуны как в своем лексическом запасе, так и, возможно, языковом. Все детские инновации данной тематической направленности можно разделить на несколько групп:

1) прямое словообразование с неузуальными суффиксами (*попиха, продавица, волчиха, врачительница, колдуниха, клоуниха, хомячка, хохочиха*);

2) прямое словообразование в случае отсутствия деривата-феминитива (*шоферка, охранистка, президентка, псица, водителка, глухарка, жучка, бараниха, баранка, конька, снегирка, снеговиха*);

3) прямое словообразование в случае отсутствия исходной базы – существительного мужского рода (*сварщица супов, укольщица, университетница*);

4) обратное словообразование, в данном случае образование слов со значением ‘человек мужского пола или самец’ (*пантер, подруг, свинец, гиен, жадин, овец, грязнуль, солнц, сонь*);

5) суффиксальное образование слов со значением ‘человек мужского пола или самец как пары для слова женского рода’ (*курек, лошатец*);

6) различные приемы семантических инноваций (например, использование слова *школьница* в значении ‘лицо женского пола, работающее в школе’).

Мы видим, что дети используют самые разнообразные способы ликвидации речевой или узуальной асимметрии. Данная стратегия

демонстрирует идею о том, что детские инновации практически всегда правильнее «взрослой речи», если под правильностью, как пишет С.Н. Цейтлин, «понимать соответствие глубинным законам языка)», поскольку «ребенок не виноват, что в языке не соблюдается строгая логика» [24. С. 15].

Другим случаем речевых колебаний и непоследовательности, отмечаемых в русистике, является использование слов разных словообразовательных типов для обозначения лица женского пола по сфере деятельности [9, 10]. Наибольшей вариативности в современном дискурсе подверглись корреляты женского пола *доктора, врача, блогера*: *докторша – докторица – докторка – докторесса – докториня* и др.; *врачиха – врачица – врачесса – врачиня – врачебка – врачь* (последний вариант образован по закрепленной грамматико-орфографической аналогии *туш – тушь*); *блогерка – блогерша – блогересса – блогиня – блогеркиня – блогерица*. Длина ряда в 5 или 6 дублетов свидетельствует об актуальности именно этих профессий: о поиске авторами хороших врачей определенного пола, о стремительном вхождении блогерства в практику коммуникации. Сами же колебания, наличие в речи разных словообразовательных вариантов свидетельствуют о неудовлетворенности говорящих существующими узуальными или неузуальными вариантами, о считываемости у них оценочных коннотаций, о поиске лучшего слова. Данное явление можно отнести к случаям, названным М.В. Ляпон «блужданием» вокруг денотата в поисках адекватной формы [26. С. 24].

Очевидно, что одним из популярных претендентов на эту роль оказываются дериваты с суффиксом -К-. Так, в выборке из 433 слов в базе данных О.В. Золтнер, Д.С. Горностаевой феминитивы с суффиксом -К- составляют более 60% [9. С. 972]. Дериваты с этим суффиксом в речи либо регулярно вытесняют узуальные стилистически окрашенные лексемы – *докторка* (ср. *докторша*), *авторка* (ср. *авторша*), *организаторка* (*организаторша*), либо вводят соответствующие корреляты – *юристка, блогерка, эйблистка, психотерапевтка, фотографка*, либо даже заменяют нейтральные лексемы – *поэтка* (вместо *поэтесса*). Представляется, в данном случае пользователи языка ищут прежде всего нейтральный, стилистически не окрашенный вариант, не отягощенный оценочной «памятью» суффикса. Так, в русском языке уже имеется серия нейтральных лексем с суффиксом -К- (*журналистка, студентка, магистрантка, докторантка*), что может объяснять его популярность в инновационной деятельности.

3. Структура семемы. Большинство современных инноваций-феминитивов являются однозначными. Номинация женщины относится к ее профессии, специальности (*докториня, психотерапевтка, психолингвистка*), роду занятий, интересов (*блогерка, геймерша*) или особенностей поведения (*сексистка*). Но, к примеру, не закрепленная в узусе лексема *фантастка* представляет собой полисемант, обозначая как ‘писательницу, разрабатывающую в своих произведениях фантастические сюжеты’, и как и ‘жену писателя-фантаста’. См. контекст, актуализирующий второй лексико-семантический вариант:

А вот писательницы-фантасты именно из-за профессионального сленга вынуждены отказаться от того, чтобы называться ***фантастками****: в литературной тусовке девяностых слово приклеилось к жёнам фантастов* (из речи блогера).

4. Структура лексического значения. Как узуальные, так и окказиональные употребления феминитивов в речи взрослых носителей языка отражают тонкую и подвижную материю прагматического компонента значения. Эти скрытые компоненты выявляются в ходе дискурсивного анализа. Особое внимание здесь стоит уделить маркерам актуализации коннотативных компонентов и способам их нейтрализации. См., например, следующий фрагмент интервью:

Я Настя, мне 27 лет, много лет проработала ***журналистом****, а сейчас* ***я пресс-секретарь*** *антикоррупционного центра «Transparency International Россия». <…> Моя страница про гендер начиналась как кладовка для ссылок. Периодически я туда пишу сама, и, кроме этого, у нас получилась прикольная коллаборация с сайтом TheQuestion. У них много гендерных тем на сайте, и теперь* ***я там куратор****, поэтому часто приглашаю туда своих знакомых, друзей или* ***подписчиц****, чтобы люди получили наиболее грамотные ответы. <…> Мне бы хотелось делегировать часть работы по ведению Facebook-страницы, найти ещё одну* ***модераторку****, чтобы обновлять контент системно* [27].

Мы видим, что интервьюируемая в речи о себе избегает номинаций женского рода. И если *пресс-секретарша, кураторка* как неузуальные существительные могут вызывать нежелательные ассоциации, то лексема *журналистка* является нормативной, традиционной и стилистически нейтральной. Говоря же о других, автор легко применяет и нейтральное традиционное *подписчицы*, и неузуальное *модераторка*. Объяснение подобной дифференциации (речь о себе или речь о других) видится нам в том, что говорящий не считает нужным использовать номинации жен-

ского рода как дублирующие сему женскости (пол был обозначен фразой *я Настя*). Номинации *подписчицы* и *модераторка* в данном случае экономят языковые усилия, потому что одновременно обозначают и сферу деятельности, и пол описываемого лица (говорящий ищет *модератора женского пола*). Анализируемый фрагмент является и примером утверждения О.В. Золтнер, Д.С. Горностаевой того, что «стилистическая окраска (*феминитивов*. – *М.Л., Н.М.*) именно в феминистском дискурсе является нейтральной» [9. С. 974]. Таким образом, то, что часто описывается как колебания, непоследовательность в выборе феминитивов, здесь, наоборот, отражает строгую логику экономии речевых усилий.

5. Сфера функционирования. Сферой функционирования данных слов являются средства массовой информации, сетевая коммуникация, популярные интернет-ресурсы (см., например, онлайн-ресурс «Феминизатор – генератор феминитивов» [28]) или детская речь. В журналистских материалах также можно отметить интерес к так называемым феминитивам (или феминативам): увеличилось как количество слов, образованных по соответствующим словообразовательным моделям в речи авторов, так и количество журналистских материалов научно-популярного характера, анализирующих этот феномен. Лингвистические комментарии ученых в них часто имеют сдержанно-скептический тон: «*Авторка* звучит смешно. <…> Может быть, лучше дать языку развиваться самому, потому что в каком-то смысле он мудрее нас и всё равно будет отражать то состояние мира, в котором мы находимся. Собственно говоря, это-то и есть самое интересное!» [29]; «В любом случае язык эволюционирует. Что-то, безусловно, из новомодных феминитивов останется, но абсолютно точно, что далеко-далеко не все из того, что предлагают феминистки. Ибо никто и не будет специально заучивать вторые и третьи формы названий профессий, если уже и без того есть “профессор” или “адвокат”. Язык так же ленив, как и люди» [30]; «Обсуждение проблемы феминативов в том виде, в каком оно представлено в СМИ, – это погружение в бессмысленные диспуты. <…> Мне как лингвисту (не лингвистке!), изучающему историю русского языка, явление видится малоинтересным, так как за ним пока что стоят не действительные изменения в языке, а отдельные факты речи» [31].

В современной художественной литературе отражаются указанные выше семантико-прагматические тенденции. Окказиональ-

ные/потенциальные лексемы, как правило, передают ироничное, насмешливое отношение к персонажу, если не сопровождаются особым комментарием. См. фрагмент романа Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» (2016 г.):

Педагогиня *призывала учеников к тишине и предупреждала, чтобы все приготовились, потому что выходить через остановку, еще она окликала особо буйных, беспокоясь, что особо буйные уже вышли где-нибудь не там, где она планировала. За время поездки шальные дети успели уже вычудить несколько номеров: единожды школьник успел сказать «жопа» на весь вагон, и, как бы ни ругалась* ***педагогиня****, остальные дети одобрительно улыбались; успел один из школьников уже предложить своим одноклассницам выйти к вертикальному поручню и воспользоваться им как шестом для стриптиза, на что* ***педагогиня*** *заметила, что школьник уже повторяется в своих шутках* [32].

В данном фрагменте выбор слова педагогиня, трижды использованного в рамках одного абзаца, не случаен. Лексема *педагогиня*, сохраняющая в своем значении «шлейф суффикса» -ИН(я) (ср. *богиня, княгиня*), передает невозмутимое отношение учительницы к аномальному поведению ее учеников в общественном транспорте. Диссонанс поддерживается сочетанием данного слова с глаголом *заметила*, т.е. всего лишь «сделала какое-л. наблюдение; подметила» (по МАС).

Рассмотрим модель словарной статьи в базе данных феминитивов на примере статьи *ПОЭТКА*.

1. ***Фиксация в традиционных толковых словарях.*** Лексема является узуальной, отмечена в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: **Поэтка** [по], -и, ж. (разг. редк.). То же, что поэтесса. *Я не люблю восторженных девиц… иная же – помилуй бог – поэтка.* Тургенев (ТСУ).

2. ***Способ образования, словообразовательные варианты и (или) синонимы.***

Способ образования: прямое словообразование, суффиксальный способ, лексема *поэтка* образована от основы слова *поэт* при помощи суффикса -К-, имеющим словообразовательное значение ‘лицо женского пола, женский коррелят того, кто назван в производящей основе’; суффикс стилистически нейтральный (ср. слова *студентка* и под.). С точки зрения истории русского языка, является так называемым неодериватом (словом, которое воспринимается современными

носителями языка как недавно созданное, но таким не является); отдельные носители русского языка считают его заимствованным из польского[1].

Словообразовательные варианты и (или) синонимы: *поэтесса, женщина-поэт, поэт, поетка.*

3. *Структура семемы*. Лексема *поэтка* в русском языке имеет один лексико-семантический вариант: ‘поэтесса, лицо женского пола, создающая поэтические произведения’.

4. *Структура лексического значения*. Денотативная зона значения может быть расширена в контексте за счет вариативной семы ‘плохой, слабый поэт’. Прагматический макрокомпонент включает в себя различные идеологические и эмотивно-оценочные микрокомпоненты. К идеологическим компонентам относятся ‘искусственно созданное, новое слово, следовательно, обозначает нечто несуществующее’, ‘говорящий так выражает принадлежность к феминисткам’, ‘польское слово’ (польская поэтесса, поэтесса по-польски)’:

Я одинаково хорошо отношусь к словам «поэтесса» или «поэт» и плохо – к «поэтка». Мне не нравится создание ***искусственных*** *феминитивов, потому что здесь работает некое магическое мышление, не делающее различий между означающим и означаемым, между грамматической категорией рода и биологической категорией пола* (Егения Риц, из интервью); *Мне важно использовать феминитивы, потому что феминитивы делают женщин видимыми на уровне языка. Я называю себя поэтессой, мне нравится и слово «поэтка», но у «поэтки» в некотором смысле чистая* ***политическая история*** *и коннотации, а слово «поэтесса» часто используется с пренебрежительным оттенком* (Оксана Васякина, из интервью); *На «поэтку» обижусь в большей степени, чем на «поэтессу» – если дело происходит* ***не в Польше****. Даже не столько обижусь: «поэтесса» поднимает строго женские проблемы, я же «игрушка развивающая» и ровно поэтому чувствую себя вне гендерной профессиональной номинации* (Дарья Суховей, из интервью).

[1] Действительно, польские толковые словари отмечают лексему poetka: «женская форма от поэт в 1 зн.» [33]. В то же время следует иметь в виду, что между этими лексическими единицами имеются существенные семантические различия. О методике установления культурной специфичности заимствований из польского языка см. статью Д.О. Добровольского и А.А. Уразбековой [34].

Спектр эмоциональных оценок довольно широк – от одобрительной до уничижительной, а именно:

– одобрительно: *Я предпочитаю называть себя поэтессой,* ***симпатично мне*** *и слово «поэтка». Считаю использование и создание феминитивов важной практикой,* ***необходимой для повышения видимости и статуса женщин в профессиональной сфере*** (Лиза Неклесса, из интервью); *На мой взгляд, женщины могут осознавать себя как ценность и отказываться от мужской точки зрения на самих себя, которую невольно используют в своем творчестве. И да, конечно,* ***мне гораздо больше по душе обозначения*** *«поэтесса» и «поэтка», чем «поэт»* (Анна Голубкова, из интервью); *Когда-то у тебя спросили, как тебя лучше называть – «поэтом» или «поэтессой», и ты ответила, что* ***тебе больше подходит*** *польское слово «поэтка»* (Петр Мицнер, из радиопередачи);

– с недоумением, удивлением: ***Мне не близко*** *использование феминитивов, потому что* ***я не понимаю необходимости заострения гендерной принадлежности****, когда речь идет о творческих и профессиональных идентификациях* (Алла Горбунова, из интервью);

– насмешливо, иронично: *Когда меня в 7 классе школьные* ***гопники дразнили «поэтка», это было менее обидно****, чем ехидное шипение «поэтесса» со стороны одноклассниц. Мы же с подругой предпочитали друг друга гордо именовать «поэт» и «композитор»* (Наталья Романова, из интервью); *Воспоминанья – осенняя ветка… Пожелтелые листья так жутко шуршат… Ах, разве я женщина? Я только поэтка, Как меня назвал Ваш* ***насмешливый*** *брат* (Н.Г. Львова. Почему я со страхом жду от Вас признания... (1913) [35];

– неодобрительно: *Я предпочитаю называть поэтов обоего пола поэтами, но принимаю и любые самоназвания – «поэтесса», «поэтка» и «авторка»,* ***как теперь любят называть себя феминистки. И вообще как угодно.*** *«Поэтесса» – французское слово, а можно было бы взять немецкое – «дихтерин». Мне самой безразлично, как называют меня.* ***Мое предпочтение основано на том, что профессия, ремесло, призвание не имеют пола.*** *Можно, конечно, сказать «архитекторка», «реставраторка», «композиторка», «математичка» (математикесса?), «физичка», «философиня», «прозаичка» – но это, все же и пока что, по крайней мере –* ***насилие над языком****. «Художница» и «писательница» прижились, но и* ***в этом я не вижу***

***смысла**, поскольку мы имеем дело с произведениями, а не с лицами авторов* (Татьяна Щербина, из интервью);

– уничижительно: *Так вот, об одной «поэтке», как типичной представительнице **множества «божьей избранности» – до такой степени, что, доросшая до себя, она уже не знает: куда и зачем идёт**. <…> Её, **которая «совсем наоборот»**, критикуют недоросшие. **Поетка** парирует – иногда с использованием обсценной лексики (это, возможно, наследственное, что очевидно из **её программного стихо** (не -а на конце?), приведённого ниже). <…> А поэтка – **с полусферами в декольте и оттопыренным мизинчиком** (что свойственно, правда, московским купчикам, но не коренным петербуржцам, т. б. – поэтам)* (Др Серёжа. Поэтки... Рассуждизмы и пароксизмы [36]).

Маркеры актуализации коннотативных компонентов и способы их нейтрализации. Лексема *поэтка* в речи нагружается самыми разнообразными эмотивно-оценочными смыслами, в связи с этим говорящий, как правило, считает необходимым пояснить свой выбор, отношение к этому слову (*симпатично мне слово, по душе обозначения, предпочтение основано, больше подходит, не понимаю необходимости*). Нейтральный контекст демонстрирует отсутствие дополнительных коннотаций или потенциальные позитивные смыслы (как в заголовке книги «Поэтка. Книга о памяти. Наталья Горбаневская»). Выражение негативных коннотаций сопровождается использованием эмотивно-оценочной лексики и высказываний, лексемами со значением негативной оценки и эмоции (*насилие над языком, менее обидно, насмешливый, с полусферами в декольте и оттопыренным мизинчиком, множества «божьей избранности»*). Особым средством выражения уничижительных смыслов является помещение рассматриваемой лексемы в контекст с нарочито искаженными фонетическими или грамматическими вариантами (*стихо, поетка*).

5. *Сфера функционирования*. Художественная речь, публицистика.

Подведем итоги. Группа слов со значением лица женского пола по отношению к виду деятельности характеризуется в современном русском языке активным развитием как за счет появления новых лексем и неодеривации, так и за счет динамических процессов в сфере их семантики. Носители языка при использовании феминитивов более свободно, чем при употреблении слов других тематических групп, нагружают их самыми разнообразными эмотивно-оценочными смыслами (от нейтральных или одобрительных до резко уничижительных,

приписывают полярные правила их применения (от «использовать обязательно» до «полностью отказаться»). Интерес лингвистов к особенностям функционирования данных слов связан как с традиционными и сложно разрешимыми вопросами теории языка (соотношение языка и речи, теории происхождения языка), так и с новейшими практическими потребностями (создание лексикографических баз данных).

Создание электронной базы данных узуальных и окказиональных феминитивов способно решить задачу фиксации прагматической зоны лексического значения слова, послужить образцом в лексикографическом закреплении слов других тематических групп, имеющих подвижные и полярные коннотации. При наполнении указанной базы следует применять уже используемые в «Базе данных прагматически маркированной лексики» параметры закрепления лексем: факт фиксации в традиционных толковых словарях, наличие лексико-семантических вариантов у лексемы, денотативная и прагматическая зоны значения, контексты, в которых эти смыслы реализуются, система прагматических помет. Помимо этого, в словарную статью необходимо включить параметры способа словообразования, словообразовательных вариантов и сферы их функционирования, поскольку феминитивы, так легко генерируемые в разговорной, публицистической речи, довольно часто сохраняют коннотации значений аффиксов, в отличие от фактов детской речи. Перспективами изучения лексикографирования феминитивов являются особенности отражения возрастного, социально-статусного, национально-культурного компонентов их значения.

Литература

1. *База* данных прагматически маркированной лексики / рук. проекта Т.А. Трипольская (дата обращения: 15.01.2020).

2. *Скляревская Г.Н.* К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. СПб. : Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. С. 6–13.

3. *Апресян Ю.Д.* Об Активном словаре русского языка // Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. С. 5–36.

4. *Басалаева Е.Г.* Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 112–125. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09

5. *Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* База данных «Прагматически маркированная лексика русского языка»: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 70–85. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06

6. *Мишанкина Н.А., Рожнева Ж.А.* База данных русской метафорической терминологии: модель описания термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 34–43. DOI: 10.17223/15617793/441/5

7. *Пурицкая Е.В., Панков Д.И.* Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23–43. DOI: 10.17223/22274200/13/2

8. *Кочергина К.С.* Лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики: концепция, структура, наполнение // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 29–40. DOI: 10.17223/15617793/446/4

9. *Золтнер О.В., Горностаева Д.С.* Нейтрализация коннотаций феминитивов в современном феминистском дискурсе (на материале социальной сети «Инстаграм») // Молодёжь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.Ф. Ящук. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2019. С. 970–975.

10. *Солтыс В.К.* Графические способы выражения гендерной принадлежности в русскоязычной блогосфере // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура : сб. ст. : в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. М. : РУДН, 2019. Т. 2. С. 130–135.

11. *Беркутова В.В.* Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.

12. *Залевская А.А.* Ф. де Соссюр и некоторые проблемы психолингвистики // Theoretical and practical problems of language tools transformation in the context of the accelerated development of public relations: Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the CXVIII International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philology / chief editor V.V. Pavlov. London : IASHE, 2016. P. 44–46.

13. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / отв. ред. Г.А. Золотова. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 720 с.

14. *Русская* грамматика : в т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 788 с.

15. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

16. *Лаппо М.А.* Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 186–200. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15

17. *Ермакова О.П.* Где затерялись вдова с дочерью? // Русская речь. 2019. № 6. С. 73–81. DOI: 10.31857/S013161170007626-7

18. *Ефремов В.А.* Словообразовательные гендерные асимметрии в словаре В.И. Даля // Лексикология. Лексикография и корпусная лингвистика : сб. науч. ст. Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 40–46.

19. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000 (БТСРЯ). 156 с.

20. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000 (НСРЯ).

21. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988 (МАС).

22. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М. : [б. и.], 1997 (ТСОШ).

23. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ИДДК, 2003. 1 эл. опт. диск (CD-ROM) (ТСУ).

24. *Цейтлин С.Н.* Онтолингвистика в пути // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 12–22.

25. *Гридина Т.А.* Объяснительный словарь детских инноваций. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012.

26. *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. / ред. Ю.С. Степанов, Е.А. Земская, А.М. Молдован. М. : Ин-т РЯ РАН, 1995. С. 260–276.

27. *Носков С.* Гнев может послужить отличным топливом. URL: https://http://www.furfur.me/furfur/freedom/freedom/217913-sm-fem?full_name=&uid=249849755&provider=vkontakte&zzz=1 (дата обращения: 15.01.2020).

28. Феминизатор слов. URL: http://feminism-russia.ru/feminizator/ (дата обращения: 15.01.2020).

29. *Тмур А.* Феминитивы. Интервью с Максимом Кронгаузом. URL: https://tass.ru/lyudi-i-veschi/6820376 (дата обращения: 15.01.2020).

30. *Дмитриев С.* Филолог Валерий Ефремов о феминитивах: «Язык так же ленив, как и люди». URL: http://www.rfi.fr/ru/rossiya/20190307-filolog-valerii-efremov-o-feminitivakh-yazyk-tak-zhe-leniv-kak-i-lyudi (дата обращения: 15.01.2020).

31. *Перова А.* Автор vs Авторка. Почему для феминитивов не настало время. Комментарий О. Зуевой. URL: http://5k.kyky.org/places/avtor-vs-avtorka-pochemu-dlya-feminitivov-ne-nastalo-vremya (дата обращения: 15.01.2020).

32. *Сальников А.* Петровы в гриппе и вокруг него. М. : АСТ, 2018. 461 с.

33. *Doroszewski W.* Słownik języka polskiego. T. I–XI. Warszawa, 1958–1969. URL: http://www.sjpd.pwn.pl (дата обращения: 15.01.2020).

34. *Добровольский Д.О., Уразбекова А.А.* О семантических различиях между польскими и русскими лексическими единицами, происходящими из одного источника (*lekcja* vs. *лекция*: к вопросу о культурной специфичности) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 210–224. DOI: 10.17223/18137083/71/17

35. Национальный корпус русского языка. URL: http://feminism-russia.ru/feminizator/ (дата обращения: 15.01.2020).

36. Проза.ру. URL: http://proza.ru (дата обращения: 15.01.2020).

The Parametrization of the Database of Common and Occasional Feminitives
Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 52–72.
DOI: 10.17223/22274200/18/3

Marina A. Lappo, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: marine.lappo@yandex.ru
Natalia I. Malinivskaia, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: 2975995dcn@rambler.ru
Keywords: lexicography, database, active type dictionary, feminitive, gender linguistics, language and speech, pragmatics, semantics.

This study analyzes the experience of compiling a new type of dictionaries – electronic lexicographic databases on the basis of the corpus of common and occasional feminitives (feminine-gendered words) in the speech of modern native Russian language speakers. The theoretical basis of the work is the idea of the integral nature of the lexical meaning (G.N. Sklyarevskaya). The material was taken from the traditional explanatory dictionaries of the Russian language, the Russian National Corpus, the Pragmatically Marked Vocabulary of the Russian Language database, the *Explanatory Dictionary of Children's Innovations* by T.A. Gridina, and media materials. The database of common and occasional feminitives is an extension of the Pragmatically Marked Vocabulary of the Russian Language database (http://spml.ipmip.nspu.ru). The key principle of this database is the synthesis of the Russian lexicographic traditions (a clear zonal division of the dictionary entry) and the detailed fixation of such pragmatic zones of lexical meaning as emotional evaluation, ideological, gender, age, social status, national and cultural components. The analysis of the specifics of the lexicographic interpretation of a group of words with the meaning of femininity in the dynamic and semantic-pragmatic aspects makes it possible to clarify some parameters of this database in relation to the corresponding thematic fragment of the dictionary. Thus, it has been established that the thematic group of feminitives that designate the sphere of activity of a female person is characterized by active development both due to the appearance of new lexemes and neoderivation, and due to dynamic processes in the sphere of their semantics. Native speakers, when using feminitives more freely than when using words from other thematic groups, load them with a wide variety of emotive and evaluative meanings (from neutral or approving to sharply derogatory meanings), attribute polar rules for their application (from "must use" to "completely refuse"). Lexicographic studies have shown that traditional explanatory dictionaries also inconsistently reflect the names of female persons in general or individual components of their lexical meanings. The above said makes it necessary to create a special database of common and occasional feminitives, which can solve the problem of fixing the pragmatic zone of the lexical meaning of the word, serve as a model in the lexicographic consolidation of the words of other thematic groups with moving and polar connotations. This article argues that in relation to the thematic group of feminitives, indicating the field of activity of a female person, such parameters of lexicographic fixation should be used as the fact of fixation in traditional dictionaries, the presence of lexical-semantic variants of the word, the denotative and connotative zone of the lexical meaning, the connotative markers of actualization of components and/or methods of their neutralization, the stylistic scope of the unit, the presence of derivational and other variants.

References

1. Novosibirsk State Pedagogical University. (2020) *Baza dannykh pragmaticheski markirovannoy leksiki* [Database of pragmatically labeled vocabulary]. [Online] Available from: http://spml.ipmip.nspu.ru/. (Accessed: 15.01.2020).

2. Sklyarevskaya, G.N. (1997) K voprosu o pragmaticheskoy informatsii v tolkovom slovare: vozmozhny li pragmaticheskie pomety? [On the pragmatic information in an explanatory dictionary: are pragmatic labels possible?]. In: *Lingvisticheskaya pragmatika v slovare* [Linguistic pragmatics in the dictionary]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS. pp. 6–13.

3. Apresyan, Yu.D. (2014) Ob Aktivnom slovare russkogo yazyka [About the Active Dictionary of the Russian Language]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [The Active Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 5–36.

4. Basalaeva, E.G. (2016) The Pragmatic Component and Ways of Its Semantization in the Electronic Database. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 112–125. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.09

5. Bulygina, E.Yu. & Tripol'skaya, T.A. (2016) A Database of Pragmatically Marked Lexical Items of the Russian Language: The Content, Principles of Description, and Possibility of Using. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 70–85. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06

6. Mishankina, N.A. & Rozhneva, Zh.A. (2019) The database of Russian metaphorical terminology: a term description model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 441. pp. 34–43. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/441/5

7. Puritskaya, E.V. & Pankov, D.I. (2018) The lexicon of the modern Russian language: describing normative and stylistic characteristics in the dictionary database. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 23–43. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/13/2

8. Kochergina, K.S. (2019) Linguistic database of negative evaluative lexis: concept, structure, content. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 29–40. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/4

9. Zoltner, O.V. & Gornostaeva, D.S. (2019) Neytralizatsiya konnotatsiy feminitivov v sovremennom feministskom diskurse (na materiale sotsial'noy seti "Instagram") [Neutralization of the connotations of feminitives in modern feminist discourse (based on the social network Instagram)]. In: Yashchuk, T.F. (ed.) *Molodezh' tret'ego tysyacheletiya* [Youth of the third millennium]. Omsk: Omsk State University. pp. 970–975.

10. Soltys, V.K. (2019) Graficheskie sposoby vyrazheniya gendernoy prinadlezhnosti v russkoyazychnoy blogosfere [Graphic ways of expressing gender identity in the Russian-language blogosphere]. In: Dolzhikova, A.V. & Barabash, V.V. (eds) *Yazyk i rech' v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: sb.*

statey: v 2 t. [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture: collection of articles: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: RUDN University. pp. 130–135.

11. Berkutova, V.V. (2019) Feminativy v russkom yazyke: lingvisticheskiy aspekt [Feminatives in Russian: the linguistic aspect]. *Filologicheskiy aspekt*. 1 (45). pp. 7–26.

12. Zalevskaya, A.A. (2016) [F. de Saussure and some problems of psycholinguistics]. *Theoretical and practical problems of language tools transformation in the context of the accelerated development of public relations.* Peer-reviewed materials digest (collective monograph) published following the results of the CXVIII International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in Philology. London: IASHE. pp. 44–46. (In Russian).

13. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (A grammatical doctrine of the word)]. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.

14. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

15. Chernyshyov, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

16. Lappo, M.A. (2016) The Structure of the Pragmatic Macrocomponent of Meaning (With the Main Focus on Words Denoting Nationality). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 186–200. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15

17. Ermakova, O.P. (2019) Where Daughter and Widow Are Hidden? *Russkaya rech'*. 6. pp. 73–81. (In Russian). DOI: 10.31857/S013161170007626-7

18. Efremov, V.A. (2013) Slovoobrazovatel'nye gendernye asimmetrii v slovare V.I. Dalya [Derivative gender asymmetries in V.I. Dahl's dictionary]. In: Zakharov, V.P. & Priemysheva, M.N. (eds) *Leksikologiya. Leksikografiya i korpusnaya lingvistika* [Lexicology. Lexicography and corpus linguistics]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 40–46.

19. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

20. Efremova, T.V. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language: Explanatory and word-formation]. Moscow: Russkiy yazyk,

21. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

22. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (eds) (1997) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeol. vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological units. expressions]. 4th ed. Moscow: ITI Tekhnologii.

23. Ushakov, D.N. (ed.) (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: IDDK.

24. Tseytlin, S.N. (2018) Ontolinguistics in Process. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia*: *Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 189. pp. 12–22.

25. Gridina, T.A. (2012) *Ob"yasnitel'nyy slovar' detskikh innovatsiy* [Explanatory Dictionary of Children's Innovation]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

26. Lyapon, M.V. (1995) Yazykovaya lichnost': poisk dominanty [Language personality: search for a dominant]. In: Stepanov, Yu.S., Zemskaya, E.A. & Moldovan, A.M. (eds) *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost'* [Language – system. Language – text. Language – ability]. Moscow: Institute of the Russian Language RAS. pp. 260–276.

27. Noskov, S. (2016) *Gnev mozhet posluzhit' otlichnym toplivom* [Anger can serve as an excellent fuel]. [Online] Available from: http://www.furfur.me/furfur/freedom/freedom/217913-sm-fem?full_name=&uid=249849755&provider=vkontakte&zzz=1. (Accessed: 15.01.2020).

28. Feminism-russia.ru. (2020) *Feminizator slov* [Word feminizer]. [Online] Available from: http://feminism-russia.ru/feminizator/. (Accessed: 15.01.2020).

29. Tmur, A. (2018) *Feminitivy. Interv'yu s Maksimom Krongauzom* [Feminitives. Interview with Maxim Krongauz]. [Online] Available from: https://tass.ru/lyudi-i-veschi/6820376. (Accessed: 15.01.2020).

30. Dmitriev, S. (2019) *Filolog Valeriy Efremov o feminitivakh: "Yazyk tak zhe leniv, kak i lyudi"* [Philologist Valery Efremov on feminitives: "Language is as lazy as people"]. [Online] Available from: http://www.rfi.fr/ru/rossiya/20190307-filolog-valerii-efremov-o-feminitivakh-yazyk-tak-zhe-leniv-kak-i-lyudi. (Accessed: 15.01.2020).

31. Perova, A. (2016) *Avtor vs Avtorka. Pochemu dlya feminitivov ne nastalo vremya. Kommentariy O. Zuevoy* [Avtor vs Avtorka. Why the time has not come for feminitives. Commentary by O. Zueva]. [Online] Available from: http://5k.kyky.org/places/avtor-vs-avtorka-pochemu-dlya-feminitivov-ne-nastalo-vremya. (Accessed: 15.01.2020).

32. Sal'nikov, A. (2018) *Petrovy v grippe i vokrug nego* [The Petrovs in and around the flu]. Moscow: AST.

33. Doroszewski, W. (1958–1969) *Słownik języka polskiego*. T. I–XI. [Online] Available from: http://www.sjpd.pwn.pl. (Accessed: 15.01.2020).

34. Dobrovol'skiy, D.O. & Urazbekova, A.A. (2020) Semantic Differences Between Polish and Russian Lexical Units Originating From the Same Source (Lekcja vs Lektsiya: On Cultural Specificity). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 210–224. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/71/17

35. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: http://feminism-russia.ru/feminizator/. (Accessed: 15.01.2020).

36. *Proza.ru.* [Online] Available from: http://proza.ru. (Accessed: 15.01.2020).

УДК 81
DOI: 10.17223/22274200/18/4

О.Г. Тругларжова, С. Корычанкова

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ В КОМПАРАТИВНОМ АСПЕКТЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ ЧЕШСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Рассматриваются вопросы исторической лексикографии и определены перспективы ее дальнейшего развития в современной богемистике и русистике. Представлен хронологический обзор важнейших словарей чешского и русского языков, проанализирована методика их составления, описаны основные подходы к изучению лексических единиц. В результате компаративного анализа выявлены основные отличия чешской и русской исторической лексикографии, обусловленные политико-географическими и историко-культурными факторами.
Ключевые слова: *историческая лексикография, диахрония, русистика, богемистика, славистика, компаративный анализ.*

Историческая лексикография представляет собой сравнительно новое направление в лингвистике, которое начинает формироваться в конце XIX в., активно развивается на протяжении XX–XXI вв. Относительная новизна данной научной области обусловила неоднозначность ее терминосистемы. Так, в рамках этой дисциплины, с одной стороны, может изучаться история составления словарей определенного языка на всем протяжении его развития, с другой – история составления словарей, включающих слова, используемые в древних памятниках.

В лингвистической традиции историческая лексикография развивается в нескольких аспектах – синхроническом и диахроническом, которые, в свою очередь, делятся на исторический и этимологический (см., например: [1. С. 200–204; 2. С. 101, 222, 318]).

Размытым и неоднозначным представляется одно из ключевых понятий данной дисциплины – исторический словарь. В лингвистике существует несколько определений данного понятия. Во-первых, под этим термином понимаются такие словари, в которых «дается история слов на протяжении описываемой эпохи развития данного языка» [3. С. 160]. Во-вторых, к рассматриваемому типу словарей относят

«словари, в которых объясняются слова, употребляющиеся в памятниках письменности данного языка, отдаленных от его современного состояния» [3. С. 160].

По мнению Л.В. Щербы, «историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» [4. С. 300]. Примечательно, что, как отмечал сам Щерба, такого словаря в русистике еще нет, и необходимо разработать методику его составления.

В нашей статье мы сосредоточим свое внимание на словарях, опирающихся на древние реалии и слова, которые были использованы в старочешских и древнерусских памятниках письменности. Цель данной статьи – проследить становление чешской и русской исторической лексикографии, а также провести сравнительный анализ исторических словарей названных языков и выявить их особенности.

Компаративный анализ будет проведен по нескольким важнейшим, на наш взгляд, лексикографическим параметрам: время создания словаря, круг источников, охват словника, структура словарной статьи, способ подачи лексического значения слова.

Прежде чем перейти к непосредственному сопоставлению исторических словарей выбранных языков, рассмотрим предпосылки формирования чешской и русской исторической лексикографии. Становлению данных научных дисциплин предшествовал длительный процесс изучения словарного состава указанных славянских языков, а также попытки классификации лексического фонда. Здесь следует подчеркнуть, что в чешском языке существенную роль сыграли культурно-исторические факторы формирования чешской нации: возросший интерес к особенностям чешского языка, к выявлению его отличительных черт от немецкого языка. Таким запросам вполне отвечают исторические словари, позволяющие проследить пути развития языка.

Обратимся сначала к обзору чешской исторической лексикографии. Первой попыткой создания исторического словаря является малый по объему словарь так называемой Хроники Далимила[1] [5], кото-

[1] Kronika tak řečeného Dalimila (první staročeská rýmovaná kronika počátku 14. století).

рый был создан П. Йешином из Бездезца спустя три века после написания хроники[1].

Словарные статьи 323 лексем расположены в двух столбцах, заголовочное слово вынесено в начало строчки, словарная статья оформлена в самостоятельный абзац. Отдельные части озаглавлены по алфавиту маюскульной буквой, однако слова в каждой части расположены не по алфавиту, а по месту упоминания слов в тексте хроники. Сам автор словаря объясняет необходимость его создания древностью исконного текста, в котором используются слова, вышедшие из употребления, непонятные носителю языка того времени.

П. Йешин проявил себя не только как скрупулезный редактор, но также как искусный языковед. Значение старочешских слов он толкует посредством синонимов или описания. У некоторых единиц автор приводит примеры полисемии вместе с мотивационными связями и изменениями в семантике лексемы. Необходимо, однако, отметить, что труд Йешина оказался по политико-историческим причинам надолго забытым.

Рассмотренный выше словарь использовался в качестве материала для исторических изысканий, основанных на изучении древних текстов, так как без понимания старочешских слов невозможно было понять сам памятник. История и языкознание в то время были одной научной областью (см. подробнее: [6. С. 200–202]).

Целью критического анализа древних текстов является стремление раскрыть исторические соответствия и факты на основе письменных документов. Историки эпохи просвещения исследуют старинные рукописи, и в ходе подобных поисков в чешских и латинских текстах обнаруживаются старочешские слова, определение семантики которых стало основной причиной продолжения историографических исследований.

Историко-лексикографические изыскания прослеживаются и в трудах Ф. Палацкого[2]. По мнению ученого, письменные памятники

---

[1] Pavel Ješín z Bezdězce (издатель, дворянин, воспитатель, гуманист, умер после 1632 г.). Kronyka stará kláštera Boleslavského // Vejtah slov některých nesrozumitelnějších a poněkud i z užívání vyšlých, jichž se v této kronyce užívá, vedlé abecedy spolu i s výkladem položený. Praha : Daniel Karel z Karlsperku, 1620.

[2] František Palacký (14.06.1798, Hodslavice – 26.05.1876, Praha-Nové Město). Историк, политик, представитель чешского национального возрождения, первый редактор «Журнала Общества Патриотического музея в Чехии».

необходимо изучать не только в содержательном, но и в языковом плане. Подобный анализ, по словам Палацкого, помогает раскрыть первоначальное значение, утраченное многими лексемами. Благодаря этому можно понять образ жизни предков [7. С. 177].

Так, например, статья «Příspěvky ku glossarium řeči české» [7] нацелена на определение семантики слов, которые чаще всего встречаются в старочешских текстах, но могли вызвать у современников Палацкого затруднения в понимании. Более пятидесяти лексических единиц, представленных в статье, были отобраны ученым из различных сфер деятельности. Заголовочные слова приводятся в современном на тот период варианте, иногда дается латинский или немецкий перевод. Следует отметить, что основой словарной статьи является определение источника и подробное толкование выбраных слов исторических документов XV–XVI вв.

Посредством составления словаря Палацкий стремился реализовать свою идею слияния двух областей знаний – историографии и исторической лексикографии [7. С. 176].

Этому же направлению развития глоссариев чешского языка соответствует научный труд В. Брандла[1] – «Glosarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes». К своей работе над глоссарием он подходит с чисто научной точки зрения. По его мнению, важно, чтобы любой глоссарий включал этимологию и историю слова, которые опираются на научные источники [8. С. VIII].

Свой словарь Брандл раздлелил на три части: чешскую, латинскую и немецкую. Ключевой является чешская часть, которая насчитывает более трех тысяч выражений, встречающихся в чешских, латинских и немецких исторических текстах с древних времен до XVII в. Как отмечает М. Гомолкова, данный словарь относится к смешанному типу словаря, в котором совмещаются энциклопедический и этимологический подходы. Содержанием словаря являются по большей части терминологические выражения именного характера (названия платежей, юридических актов, социального положения лиц и т.д.), а также глаголы, обозначающие правовые процедуры [6. С. 207–208].

Таким образом, ко второй половине XIX в. в чешской лексикографии выкристализовывается методика составления словаря историче-

[1] Vincenc Brandl (05.04.1834, Staré Brno – 26.12.1901, Brno). Моравский областной архивариус, редактор, историк, видный общественный чешско-моравский деятель.

ского типа. Первым словарем подобного жанра можно считать «Старочешский словарь» Я. Гебауера[1] [9]. Сам Гебауер в предисловии к словарю объясняет мотивы создания словаря, причем данный труд базируется на историко-грамматической основе и исследовании большого количества языкового материала старочешских источников.

Словарь Гебауера

Время создания. Гебауер начал готовить рукопись к изданию в феврале 1899 г., к печати словарь был передан в июле 1900 г. С 1901 г. издавались отдельные тетради словаря, в 1903 г. опубликован первый том (A–J). Второй том словаря (K–N) был издан только в 1916 г., который после смерти Гебауера подготовил к печати Э. Сметанка[2].

Круг источников. Словарь включает более 400 источников. Список всех источников можно найти в начале первого тома после введения [9. С. IX–XXIX].

Охват словника. В словарь, по Гебауеру, должны войти все чешские слова, которые находятся в литературных исторических памятниках с самых древних времен до кодификации чешского литературного языка. Другими словами, лексемы из памятников до середины XIV в., почти всех памятников конца XIV в. и всех ключевых памятников XV – начала XVI в. [Там же. С. IV].

Структура словарной статьи. В предисловии сам автор описывает структуру словарной статьи. Заголовочное слово выступает в форме, предполагаемой для XIII в. Приводится грамматическая характеристика: у имен существительных указывается род и форма родительного падежа единственного числа, у глаголов – вид и окончание 1-го и 2-го лица единственного числа. Далее дается частеречная характеристика заголовочного слова. В словаре также приводится краткая этимологическая справка, включающая иногда праславянский и старославянский варианты.

Составитель «Старочешского словаря» опирается на богатый иллюстративный материал.

---

[1] Jan Gebauer (08.10.1838, Úbislavice – 25.05.1907, Praha).

[2] Emil Smetánka (14.10.1875, Horní Krupá u Havlíčkova Brodu – 06.01.1949, Praha).

Принцип подачи лексического значения слова. Гебауер использовал несколько способов семантизации, иногда два или три способа одновременно. К старочешскому слову приводится его эквивалент в современном чешском и (или) толкование значения на современном чешском языке. Часто используется перевод с немецкого языка, реже с латинского языка. У заимствованных слов, кроме пометы, отмечающей язык-источник, приводится исконное слово.

В некоторых случаях значение слова толкуется посредством словообразовательной характеристики (уменьшительно-ласкательные слова и др).

«Словарь старочешского языка»

Ученик Я. Гебауера – Ф. Шимек – издал «Словарь старочешского языка» [10]. После введения, в котором автор излагает основные принципы анализа старочешских лексем, Шимек представляет краткий обзор основных различий между старочешским языком и современным чешским языком[1].

Время создания. Словарь был подготовлен в короткие сроки, так как на протяжении всей своей научной деятельности автор собирал материал для лексикографического труда. Предисловие к «Словарю» датируется 1945 г., а сам словарь вышел в 1947 г.

Круг источников. Материал для словаря, почерпнутый из словников к уже изданным словарям и из существующих глоссариев к старочешским текстам, автор дополнил собственными выписками из письменных памятников. В отличие от предшественников, Шимек при составлении словаря не ограничивался источниками, написанными только до 1500 г.

Охват словника. Словник словаря включает более 10 900 единиц, которые часто встречаются в старочешских памятниках, но практически исчезли из современного языка или их значение, написание или морфологическая характеристика отличаются от современного языка. Шимек приводит и такие лексические единицы, которые формально не отличаются от своего современного эквивалента, однако изменения коснулись их семантической характеристики.

Словарь охватывает все буквы чешского алфавита, в свое время данный словарь являлся единственным комплексным словарем старо-

[1] Stručný přehled hlavních rozdílů staré češtiny od nové.

чешского языка и служил справочным пособием при чтении старочешских текстов.

Структура словарной статьи. Заголовочные слова приводятся в том же виде, как и в старочешском письменном памятнике. Если лексема претерпела различные исторические трансформации, то в словарной статье фиксируются также ее варианты. Пометой обозначена часть речи, у глаголов указывается вид. У заимствованных слов приводится язык-источник.

Принцип подачи лексического значения слова. Семантика слова представлена в форме одного или нескольких эквивалентов в современном чешском языке, в ограниченных случаях дается описание значения лексемы.

Историческая лексикография второй половины XX в. характеризуется интенсивной работой, проводимой Институтом чешского языка, который с 1952 г. под руководством Б. Гавранека[1] становится частью Чехословацкой академии наук. Одной из основных целей Института была разработка нового словаря старочешского языка.

Необходимо подчеркнуть, что окончательную концепцию словаря определил И. Немец, который с 1967 г. руководил Институтом чешского языка (см. подробнее [11. С. 245]).

«Старочешский словарь»

Время создания. Первая часть словаря вышла в 1968 г., в том же году вышел отдельный том «Úvodní stati, soupis pramenů a zkratek» [12]. В течение 40 лет вышло 26 тетрадей, составляющих четыре тома.

Однако уже в 1970-е гг. стало ясно, что создание словаря такого масштаба нереально и неперспективно. В 1980-е гг. была предпринята попытка сократить словарь и сжать словарные статьи, что привело к разрушению последовательного издания отдельных частей.

В 2004 г. работа над словарем прекратилась [13].

Круг источников. В качестве источников послужили старочешские тексты XIII–XV вв. Вместе с тем для составителей словаря ключевым стал принцип разделения всех памятников на шесть хронологических периодов: A – памятники до 1300 г., B – до 1350 г., C – до 1380 г., D – до 1410 г., E – до 1450 г., F – до 1500 г.

[1] Bohuslav Havránek (30.01.1893, Praha – 02.03.1978, Praha).

По замыслу авторов, каждое заголовочное слово должно быть проиллюстрировано примерами употребления в текстах всех шести периодов. [14. С. 179].

Список памятников приводится в первой части словаря. У каждого источника указывается время создания, дается его краткая характеристика. Помимо этого часто приводится ссылка на латинский либо немецкий эквивалент, на научную литературу о данном источнике или другая дополнительная информация.

Охват словника. Данный исторический словарь охватывает словарный запас старочешского языка с ранних письменных памятников конца XIII в. и до конца XV в.

Авторы «Старочешского словаря» стремились передать словарный запас в его развитии, зафиксировать изменения семантики и формы лексических единиц в период с XIII по XV в.

Структура словарной статьи. Заголовочное слово приводится в форме, известной к 1300 г. За этим словом и его возможными вариантами дается морфологическая характеристика, в которой акцентируются отклонения от нормы. Указывается также информация об образовании слова, приводятся однокоренные слова, которые отсылают к мотивационной основе и этимологической и структурной характеристике.

Важным для составителей словаря было показать хронологическое развитие лексем. Потому, как уже было указано выше, авторы стремились ко всем заголовочным словам привести как минимум по одному контексту из каждого из шести хронологических периодов (A–F).

Принцип подачи лексического значения слова. Семантика слова представлена в форме описания значения и в форме эквивалента в современном чешском языке.

В словаре предпринята попытка как можно более четкого определения лексически значимой единицы и разграничения ее семантики.

Одним из самых важных подходов является точная формулировка лексического значения, при котором используется, например, критерий сочетаемости единицы с другими словами в рамках данного контекста. Так определяются, с одной стороны, грамматические, с другой – фразеологические сочетания слов [11. С. 246].

«Старочешский словарь» представляет собой исторический словарь, фиксирующий изменения словарного запаса с конца XIII до конца XV в. Его также можно считать переводным словарем, так как в нем

сопоставляются старочешские слова и их эквиваленты в современном чешском языке. В то же время «Старочешский словарь» является толковым словарем, так как дополняет перевод лексических единиц описанием старочешских реалий там, где это необходимо [11. С. 249].

В 1970-е гг. преподаватели философского факультета Карлова университета в Праге посчитали необходимым составить практический словарь, который бы соответствовал требованиям обучения богемистов в вузах и их работе со старочешскими источниками. В результате возник *Malý staročeský slovník* [15] – «Малый старочешский словарь», представляющий собой однотомный учебный словарь.

«Малый старочешский словарь»

Время создания. Данный словарь был опубликован в 1978 г., авторами стали Я. Белич, А. Камиш и К. Кучера. «Малый старочешский словарь» является вторым словарем старочешского языка, охватывающим все буквы алфавита.

Лексический материал взят из разных источников, среди которых словарь Гебауера и «Старочешский словарь», а также картотеки этих словарей и их черновые рукописи. «Малый старочешский словарь» можно считать продолжением словаря Шимека, однако количество словарных статей и концепция их обработки в обоих лексикографических трудах отличаются.

Круг источников. Словарь включает примеры из памятников письменности, созданных не позднее конца XV в.

Охват словника. Словник представлен 18 572 словарными статьями и большим количеством ссылок на другие источники. На первых страницах словаря описываются основные правила обработки лексического материала. Словарь включает неполный лексический состав старочешского языка. В словник вошли прежде всего те лексемы, которые в современном чешском языке либо изменили свое значение, либо утратились в ходе развития языка.

Слова приводятся выборочно, например, не встречаются научные термины (медицинские, юридические и пр.). Наоборот, в словник включены слова, используемые в литературе, предназначенной для широкого круга читателей (поэтические и прозаические тексты, путевые заметки и др.).

Структура словарной статьи. Кратко указывается морфологическая характеристика заголовочного слова. Составители словаря уде-

ляют внимание словообразовательным дублетам. В случае изменения значения или формы слова словообразовательнаые дублеты выделяются в самостоятельную словарную статью.

Принцип подачи лексического значения слова. Толкование слов производится двумя способами: посредством перевода на современный чешский язык или посредством описания значения. Авторами словаря иногда в качестве примера употребления лексемы приводятся цитаты из старочешских памятников.

Чешская историческая лексикография на протяжении своего развития занималась поиском пути для описания старочешского словарного запаса, руководствуясь западными образцами с целью показать полноту и красоту чешского языка. В настоящее время исследования старочешского языка не прекратились, а приобрели форму дигитализации словарного запаса. Коллективом лексикографов под руководством М. Вайдовой (2005–2019 гг.), а с 2019 г. Ш. Шимека из отделения развития языка Института чешского языка Академии наук составляется одноязычный толковый «Электронный словарь старочешского языка» [16].

«Электронный словарь старочешского языка»

Круг источников. Словарь базируется на картотеке Отделения истории языка Академии наук и является электронным дополнением «Старочешского словаря» (1968–2008).

Охват словника. Данный лексикографический труд включает словарный запас от начала существования чешского языка до конца XV в. В части, посвященной лексемам на A–M, приводятся все слова, которые использованы в старочешских памятниках, т.е. в него были включены и лексемы из словаря Гебауера и «Малого старочешского словаря».

В части, составленной из заголовочных слов на při- – Ž, толкуются только те лексические единицы, которые не были включены в «Малый старочешский словарь». А лексемы, которые были лексикографически обработаны только в «Малом старочешском словаре», с 2017 г. также начали вносить в «Электоронный словарь».

Иноязычные слова представлены выборочно, основным критерием является включение таких единиц в систему старочешского языка в плане фонологическом, морфологическом и синтаксическом.

Структура словарной статьи. Авторы «Электронного словаря» опираются на структурный подход. С формальной и содержательной точки зрения редакторы соблюдают принципы «Старочешского словаря»: слово воспринимается как структурная система, отличающаяся

формальной и семантической характеристикой. Таким образом, в словарной статье отмечается внутренняя семантическая структура лексемы, предполагаемые изменения на протяжении ее употребления и прослеживается история формального плана слова с учетом отношений к другим лексическим единицам словарного запаса.

Словарная статья состоит из заголовочного слова, его морфологической характеристики, с учетом словообразовательной мотивации. Все лексемы снабжены пометой, указывающей на их частеречную характеристику. Кроме того, у существительных приводится окончание родительного падежа единственного числа, у глаголов – окончание 1-го и 3-го лица единственного числа настоящего времени и помета вида глагола. Для мотивированных слов приводится их мотивирующее слово или слово, близлежащее по структуре образования (например, предполагаемая прачешская, иноязычная основа и пр.).

Выделяются также устойчивые словосочетания и фраземы. В конце словарной статьи приводится информация о синонимах или дается комментарий к семантике единицы с ссылкой на источники, в которых слово используется.

Принцип подачи лексического значения слова. Значение старочешских лексических единиц объясняется при помощи современного чешского эквивалента или путем толкования значения. Составной частью семантической характеристики слова является информация о синтаксической или семантической сочетаемости. В кавычках приводятся старочешские слова, посредством которых может толковаться значение заголовочного слова. Отдельные значения заголовочных слов проиллюстрированы примерами из старочешских источников.

В настоящее время исследования в области исторической лексикографии направлены на использование информационных технологий и корпусной лингвистики. Ученые Отделения истории языка Академии наук разработали интернет-приложение «Vokabulář webový» [17], цель которого – предоставить всем желающим информацию об историческом развитии чешского языка, в первую очередь словарного запаса. На сайте доступны словари в электронном виде, например «Электронный словарь старочешского языка», «Старочешский словарь» и др. Словарные статьи вокабуляра содержат источники, служащие для изучения истории чешского языка, в виде текста, картинок и звуковых записей. Данное приложение постоянно обновляется за счет грантовой поддержки Министерства образования Чешской Республики.

Применение новых технологий позволяет работать с языковым материалом на совершенно ином уровне. Так, например, кроме традиционного алфавитного перечня, компьютерные программы позволяют применить тематический принцип подачи контекстов. Интернет-платформы предоставляют информацию в интерактивной форме (текст, аудиозапись, картинка).

Новый взгляд на изучение лексического состава языка принесла также корпусная лингвистика. Создание Чешского национального корпуса [18], составной частью которого является и диахронный подкорпус, в значительной мере содействовало развитию лексикографии и богемистики.

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. наблюдается переосмысление словарной практики: использование информационных технологий в области исторической лексикографии позволяет задействовать обширные базы данных, применять новые подходы к подаче словарного материала, предоставляет доступ к словарям широкой публике.

Мы рассмотрели становление исторической лексикографии в богемистике, обратимся теперь к формированию данной научной дисциплины в русистике.

Интерес к слову в диахроническом аспекте в русской науке наблюдается уже в XIII в. К этому периоду относятся первые притекстовые словари, которые можно считать предшественниками словарей исторического типа. Подобные словари комментировали и разъясняли лексемы и фразеологизмы, которые могли быть не понятны современному читателю. Объяснения незнакомых слов, как правило, приводились «в конце книг в виде списков слов без какого-либо порядка с необходимыми комментариями» [19. С. 18].

Такие словари, однако, нельзя считать историческими, так как в них толковались лишь слова, встречающиеся в данном конкретном тексте, хотя принцип разъяснения архаичной лексики впоследствии станет одной из характерных черт исторического словаря.

Еще одним типом словарей, оказавших существенное влияние на становление исторической лексикографии, являются азбуковники[1] и

[1] Как указано в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, азбуковником «обозначаются известного рода энциклопедические словари XVII в., которые взяли свое начало от словарей смешанного лексически-энциклопедического характера, появившихся уже в очень раннюю эпоху русской литературы» [20].

лексиконы, в которых толковались иноязычные слова. Сопоставление лексем из нескольких языков привлекло внимание к этимологическим связям таких единиц, что в дальнейшем стало одним из специфических признаков словаря исторического жанра.

В качестве примера приведем один из древнейших азбуковников, считающийся также первым русским словарем, дошедшим до нас. Это так называемый первый Новгородский азбуковник, помещенный в Новгородской Кормчей книге 1282 г. Азбуковник назван автором «Речь Жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разум и в Евангелиях и Апостолах, и в Псалтыри и Паремии и в прочих книгах» (см. подробнее: [21. С. 18]). В раннем варианте фиксируется 174 слова, в позднейших списках количество увеличилось до 344 слов. Отметим, что основное количество известных на данный момент азбуковников «относится к XVII веку, а ряд сводов датируется XVIII, XIX и даже началом XX века» [21. С. 153].

Что касается лексиконов, то словари назывались данным термином в России с XVIII в. и до середины XIX в. Обозначение «словарь» начинает употребляться лишь с конца XVIII в. (см. подробнее: [3. С. 213]). Лексиконы создавались на протяжении XVII–XVIII вв.: первый словарь, содержащий в своем названии это обозначение, – «Лексикон славенороссской и имен толкование» – был написан Памвой Берындой в 1627 г. [22]. Данный труд представляет собой двуязычный переводной словарь, в который вошло около 7 тыс. слов, преимущественно церковнославянского языка с переводом и объяснением их на украинском литературном языке начала XVII в.

Свидетельством формирования русской лексикографии можно считать наметившуюся в XVI–XVII вв. традицию алфавитной организации материала. Такое расположение словарных статей «способствовало утрате связей с определенными текстами, устранению «подсобности» [23. С. 39].

В XVIII в. интерес к описанию лексики возрастает, возникают словари разных жанров: «Номенклатор на русском, латинском и немецком языке» [24], «Словарь русских суеверий» [25], «Словарь Академии Российской» [26].

Изучение лексики русского языка в диахронном ракурсе продолжается и в XIX в. Именно в этот период создаются первые историко-терминологические словари, например «Опыт словаря древних славянских слов и речений» А. Петрова [27].

Все возрастающий интерес к словарному составу русского языка в историческом ключе, исследование древних письменных памятников способствовали тому, что во второй половине XIX в. «трудами этнографов, историков, археологов исторические словари утвердились как самостоятельный жанр, связанный с древними реалиями и опирающийся на памятники письменности» [19. С. 203].

Одним из первых опытов русской исторический лексикографии являются «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» [28] И.И. Срезневского, которого можно считать основателем жанра исторической лексикографии в русистике.

Словарь И.И. Срезневского

Время создания. С 1850-х гг. И.И. Срезневский со своими учениками начинает работать над составлением словарей к древнерусским летописям. Эти труды легли в основу «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Словарь, изданный уже после смерти Срезневского, вышел в трех томах в 1893–1903 гг., Дополнение к нему – в 1912 г.

Круг источников. «Материалы для словаря древнерусского языка» представляют собой корпус контекстов из 2 700 памятников письменности – это почти все известные древнерусские письменные источники с XI по XIV вв., а также ряд более поздних текстов (памятники XV–XVI вв.), известных на тот период.

Охват словника. Словарь отражает словарный состав русского языка на протяжении XI–XVI вв. и включает разнообразную по происхождению лексику (древнерусскую и старославянскую).

Структура словарной статьи. К заголовочному слову приводится перевод на латинский и русский язык XIX в. Переводом на древнегреческий язык сопровождаются те слова, у которых можно указать, «что именно это слово было в том подлиннике, с которого сделан перевод на древнерусский или старославянский язык» [28. С. VII]. В конце статей приводятся соответствия лексем в других языках.

К каждому лексическому значению заголовочного слова подобраны примеры из письменных источников, приводимых в хронологическом порядке, что в некоторой степени позволяет проследить диахронические изменения парадигматики и семантики слова на обильном иллюстративном материале.

Одним из недостатков словаря является отсутствие грамматических и стилистических помет.

Принцип подачи лексического значения слова. Лексемы объясняются посредством перевода на латинский язык, эквивалент на русском языке XIX в. приводится лишь у части заголовочных слов.

Следующей важной вехой в развитии русской исторической лексикографии является XX в. Именно в этот период происходит становление и утверждение исторической лексикографии в качестве самостоятельной дисциплины, которая направлена на решение таких научных проблем, как периодизация русского языка, создание исторической лексикологии и исторического словообразования и т.д.

Постепенно, однако, понимание функции исторического словаря в частности и исторической лексикографии в целом трансформируется. Во второй половине XX в. одной из приоритетных задач исторической лексикографии стало выявление последовательных этапов развития слова. На первый план выходит диахронический аспект: исторический словарь начинает пониматься как проект, ориентированный на описание языка в установленных исторических рамках, на обнаружение диахронических изменений в парадигматике и семантике слова. Одним из таких исторических словарей является «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [29].

«Словарь русского языка XI–XVII вв.»

Время создания. Работа над картотекой словаря была начата в 1920 гг. А.И. Соболевским, а затем продолжена Б.А. Лариным.

Первый том был опубликован в 1975 г., издание словаря продолжается до сих пор. Редакторами в разное время были С.Г. Бархударов, Г.А. Богатова, Д.Н. Шмелёв, Ф.П. Филин и др.

Круг источников. Словарь базируется на картотеке выписок из разнообразных письменных источников XI–XVII вв. Первоначально составители картотеки для словаря ориентировались на источники, прежде всего, периода XV–XVII вв., так как материал XI–XIV вв. богато представлен в «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского. В последующие этапы работы над словарем выборка иллюстративного материала производилась сплошным и выборочным методом расписывания памятников как раннего (XI–XIV вв.), так и более позднего периода (XV–XVII вв.).

Охват словника. В словаре представлена вся лексика картотеки, т.е. словарный состав русского языка XI–XVII вв. Стоит отметить, что

«словарь вводит в научный оборот 2/3 новой лексики по сравнению с материалами И.И. Срезневского, так как статистические подсчеты показывают, что до 57% материалов картотеки древнерусского словаря, не представленных в словаре И.И. Срезневского, относится к XVI–XVII вв.» [19. С. 206].

Структура словарной статьи. В словарной статье приводятся все установленные значения слова, прямые и переносные. В конце словарной статьи на многозначное слово приводятся фразеологические сочетания. Заголовочные слова, за исключением глаголов, снабжены грамматическими пометами, указывающими на частеречную характеристику основного слова и в соответствии с ней на морфологические признаки, например род, формы степеней сравнения, разряд и пр. Примеры употребления каждого значения слова обычно проиллюстрированы двумя контекстами, как правило, из источников раннего и позднего периода.

Принцип подачи лексического значения слова. Словарь русского языка XI–XVII вв. рассматривается как двуязычный, переводно-толковый. Толкование слова производится посредством перевода на современный русский язык, т.е. подбором современных синонимических соответствий, или, если такой перевод невозможен, посредством объяснения, описательного толкования на современном русском языке. В словаре также применяется принцип соотносительного или отсылочного определения у заголовочных слов, являющихся производными и относящихся, например, к разряду уменьшительных, ласкательных существительных, имен существительных женского рода, образованных от названий лиц мужского пола. и т.п.

Следующим словарем, который крайне важен для развития исторической лексикографии, является «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» [30].

«Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)»

Время создания. Работа над составлением картотеки словаря началась в 1957 г. под руководством Р.И. Аванесова.

Первый том словаря был опубликован в 1988 г. под редакцией Р.И. Аванесова, а позже И.С. Улуханова, В. Б. Крысько. Издание словаря продолжается.

Круг источников. Словарь создается на базе обширной картотеки, включающей порядка двух миллионов карточек с цитатами из во-

сточнославянских источников XI–XIV вв., в первую очередь оригинальных либо переработанных на Руси. Корпус письменных памятников состоит, прежде всего, из древнерусских летописей, житий, грамот (в том числе и берестяных), поучений, надписей на предметах быта, юридических документов.

Охват словника. Объем словаря составляет 30 тыс. слов, треть из которых отсутствует в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, а также в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». Другой отличительной чертой рассматриваемого словаря является то, что картотека «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» базируется на сплошном цитировании текстов, в то время как картотеки словаря И.И. Срезневского и «Словаря русского языка XI–XVII вв.» создаются по принципу выборочной расписки источников. Таким образом, «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» охватывает все встретившиеся в источниках слова – самостоятельные и служебные, за исключением личных и географических имен собственных и их производных.

Структура словарной статьи. Заголовочное слово дается в той форме и орфографии, которые отражают фонемный и морфемный состав слова в древнейший из периодов, охваченных словарем. Словарная статья включает указание на количество употреблений заголовочного слова в картотеке, опорные формы (например, для имен существительных – родительный падеж, для глаголов – 1-е и 3-е лицо единственного числа настоящего времени), грамматические пометы (частеречная квалификация слова) и толкование слова средствами современного русского языка. Помимо этого, в словарной статье могут быть приведены греческие или латинские параллели к заголовочному слову, если это слово является заимствованием из соответствующего языка. Приводятся также фразеологические сочетания, которые указываются в словарной статье у каждого слова, вошедшего во фразеологизм.

Указываются также переносные значения, при этом значения приводятся в том порядке, который исходя из картотечного материала представляется диахроническим. Иллюстративный материал приводится к каждому значению слова и к каждому фразеологическому сочетанию. Цитаты располагаются в хронологическом порядке с учетом первой фиксации слова в источниках.

Принцип подачи лексического значения слова. Толкование слова производится путем перевода на современный русский язык или путем объяснения, описательного толкования на современном русском языке. В словаре также используются сопоставительные или отсылочные пометы.

Еще одним из словарей, которые ориентированы на определенный исторический период, является «Словарь русского языка XVIII в.» [31].

«Словарь русского языка XVIII в.»

Время создания. Картотека для словаря создавалась с 1960 г. по инициативе Г.П. Блока, в 1961 г. работу возглавили Ю.С. Сорокин и Л.Л. Кутилина.

Публикация словаря началась в 1984 г. под редакцией Ю.С. Сорокина, а затем З.М. Петровой; издание продолжается.

Круг источников. Словник базируется на картотеке, состоящей из более чем двух миллионов карточек-цитат из разнообразных источников XVIII в.: «Письма и бумаги Петра I», «Путешествие из Петербурга в Москву» А. И. Радищева, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Зерцало естествозрительное» и пр. Для выборки привлекались также документы, журналы, газеты, обработанные и черновые тексты произведний писателей XVIII в.

Охват словника. Предполагаемый объем словаря составит более 100 тыс. слов. В словаре будет представлен синхронный срез русского языка, хронологические рамки которого охватывают период 1690–1810-е гг. Как пишут сами составители, «петровская эпоха еще теснейшим образом связана со старорусским языком; язык так называемого карамзинского периода (последняя четверть XVIII в.) уже вплотную примыкает к языку «пушкинской поры», а следовательно, настоящий словарь «является посредствующим звеном между СлРЯ XI–XVII вв., где описывается древнерусская и старорусская лексика, и ССРЛЯ (в 17 томах)» [31. Т. 1. С. 4].

Структура словарной статьи. В структуру словарной статьи входят указание частотности употребления слова (*единичное, редко, часто* и др.), морфологическая характеристика (приводятся опорные формы), синтаксические особенности (например, у глаголов отмечается сильное и слабое управление). Приводится изменение стилистической характеристики слова с помощью помет.

В рамках одной словарной статьи рассматриваются производные слова, образованные по регулярным деривационным моделям. Подобный принцип частичного гнездования позволяет судить о словообразовательных процессах русского языка XVIII в.

Еще одной особенностью словаря является указание на акцентологическую парадигму слова. Весьма подробно представлена и этимологическая характеристика слова, у заимствованных слов приводятся соответствия из языка-источника. Богатый иллюстративный материал расположен в хронологической последовательности.

Принцип подачи лексического значения слова. Значение слова приводится посредством толкования либо через синонимы.

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется динамичным развитием исторической лексикографии. Возникают словари, фокусирующиеся на узкоспециализированной сфере (хронологически, территориально, стилистически и пр.), например «Лексика и фразеология «Моления Даниила Заточника» [32], «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [33].

Подъему русской исторической лексикографии способствовали информационные технологии. Это и электронные методы обработки данных, упростивших работу лексикографов, и появление новых подходов к представлению иллюстративного материала. Новые технологии, применяемые в лексикографии, обеспечили создание обширных баз данных, позволивших соединить картотеки различных словарей, что значительно облегчило работу с материалом для лингвистов, историков, этнографов.

Развитие практики создания языковых корпусов дало новое направление и русской исторической лексикографии. В частности, в Национальном корпусе русского языка [34] представлен диахронный подкорпус, содержащий цитаты из древних памятников письменности.

Таким образом, рубеж веков является новым этапом формирования русской исторической лексикографии. Информационные технологии обусловили возникновение инновационных подходов к словарному материалу, новой методики составления словаря и презентации словаря как такого (на смену бумажной версии приходит интерактивный формат словарей).

Итак, в данной статье рассмотрено развитие исторической лексикографии в богемистике и русистике и представлены ключевые этапы становления данной научной дисциплины:

– XVII–XVIII вв. – интерес к словарному составу языка, возникновение предшественников исторических словарей;

– XIX в. – перемещение внимания ученых на задачи описания слов в диахронии; создание первых исторических словарей;

– XX в. – закрепление исторической лексикографии в системе лингвистических наук; разработка методики составления исторического словаря; активное создание словарей исторического типа;

– конец XX в. – начало XXI в. – изменение концепции и формы исторического словаря; интенсивное применение информационных технологий при составлении словарей.

Несмотря на выявленные общие характерные черты русской и чешской исторической лексикографии, наблюдаются и некоторые отличия, обусловленные как политико-географическими, так и историко-культурными факторами. К таким специфическим особенностям, характеризующим чешскую историческую лексикографию, можно отнести пристальный интерес к истории языка уже на ранних этапах становления лингвистической науки, а также стремление следовать западноевропейским образцам. В связи с тем, что идея создания исторического словаря обычно принадлежала энтузиастам, не получившим государственной поддержки, их усилия не увенчивались успехом. Большинство исторических словарей чешского языка до сих пор не изданы в полном объеме. Лишь два словаря («Словарь старочешского языка» Ф. Шимека и «Малый старочешский словарь») опубликованы полностью. Работа над другими словарями или приостановлена, или окончательно прекращена. Словари, которые охватывают все буквы алфавита, не в полной мере отвечают научным требованиям, так как они предназначены, в первую очередь, для учебно-практических целей.

Интенсивное развитие русской исторической лексикографии, в отличие от чешской, наблюдается в XX в., в особенности после 1970-х гг. В этот период начинают издаваться важнейшие для исторической русистики словари – «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)». Усиленная работа продолжается и над созданием словарей, ориентированных либо на определенный период развития русского языка («Словарь русского языка XVIII в.»), либо на более узкую тематическую сферу («Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»).

Следует также отметить, что работа лексикографов обеих стран в настоящее время опирается на современные технологии: создание интерактивных вариантов бумажных словарей, компьютерная обработка данных, введение диахронных подкорпусов в национальные корпусы, открытый доступ к разработанному материалу не только для научных работников, но и для широкого круга пользователей.

Литература

1. *Zgusta L.* et al. Manual of Lexicography. Praha : Academia, Czechoslovak Academy of Sciences ; The Hague, Paris : Mouton, Series Maior, 1971. Vol. 39. 360 p.

2. *Čermák F.* (eds.). Jazyk a jazykověda: přehled a slovníky. Vydání 4, doplněné. Praha: Karolinum, 2011. 380 s.

3. *Русский* язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. 703 с.

4. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 265–304.

5. *Daňhelka J. et al.* Staročeská kronika tak řečeného Dalimila: vydání textu a veškerého textového materiálu. Praha : Academia, 1988. 612 S.

6. *Homolková M.* Historická lexikografie // Pleskalová J. et al. Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky. Praha : Academia, 2007. 683 S.

7. *Palacký F.* Příspěvky ku glossarium řeči české // Sbirka spisůw drobnych z oboru řeči a literatury české, krásowědy, historie a politiky. Díl 1., část I, IV. Praha : Tisk Jindřicha Mercyho, 1871. S. 176–188.

8. *Brandl V.* Glosarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes. Brno : C. Winiker, 1876. 475 S.

9. *Gebauer J.* Slovník staročeský. Díl I. A-J. Praha: Česká grafická společnost Unie, 1903. 674 S.

10. *Šimek F.* Slovníček staré češtiny. Matice česká. Praha : Orbis, 1947. 235 S.

11. *Pečírková J.* Staročeský slovník začíná vycházet // Naše řeč, ročník. 1969. T. 52, číslo 4. S. 245–249.

12. *Staročeský* slovník. Úvodní stati, soupis pramenů a zkratek. Praha : Academia, 1968. 130 S.

13. *Staročeský* slovník. Praha : Academia, 1968–2004. Sešity 1–26.

14. *Tyl Z.* Práce na staročeském slovníku // Naše řeč, ročník. 1965. T. 48, číslo 3. S. 176–182.

15. *Bělič J., Kamiš A., Kučera K.* Malý staročeský slovník. Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1979. 707 S.

16. *Elektronický* slovník staré češtiny. URL: https://vokabular.ujc.cas.cz/informace.aspx?t=ESSC&o=slovniky.

17. *Vokabulář* webový. URL: http://vokabular.ujc.cas.cz.

18. *Чешский* национальный корпус. URL: https://www.korpus.cz/.

19. *Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка. М. : Наука, 2008. 431 с.

20. *Энциклопедический* словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/.

21. *Коваленко К.И.* О некоторых приемах лексикографической работы составителей азбуковников Московской Руси // Славянская историческая лексикология и лексикография (выпуск 1). СПб. : Инс-т лингвистических исследований РАН, 2018. С. 153–159.

22. *Берында П.* Лексикон славенороссской и имен толкование. Киев : Типография Кутеинского монастыря, 1653. 328 с.

23. *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М. : Наука, 1984. 255 с.

24. *Копиевский И.* Номенклатор на русском, латинском и немецком языке. Амстердам : Типография Яна Тессинга, 1700.

25. *Чулков М.Д.* Словарь русских суеверий. СПб. : Типография Шнора, 1782.

26. *Словарь* Академии Российской / Иноходцев П.Б., Разумовский С.Я., Лепехин И.И. [и др.]. СПб. : Императорская Академия наук, 1789–1794. Ч. 1–6.

27. *Петров А.* Опыт словаря древних славянских слов и речений. М. : В типографии Лазаревых Института восточных языков, 1831. 8 с. + 38 с.

28. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1: А–К. СПб. : Типография императорской Академии наук, 1893. IX с. + 1420 стб. + 49 с.

29. *Словарь* русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов [и др.]. М. : Наука, 1975–2015. Вып. 1–30. Издание продолжается.

30. *Словарь* древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988–2015. Издание продолжается.

31. *Словарь* русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л. : Наука, 1984–1991. СПб. : Наука, 1992–2015. Вып. 1–21. Издание продолжается.

32. *Лексика* и фразеология «Моления Даниила Заточника» / Богородский Б.Л., Герд А.С., Иссерлин Е.М. [и др.]. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 232 с.

33. *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О.С. Мжельской [и др.]. СПб. : Наука, 2004–2019. Вып. 1–8. Издание продолжается.

34. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/help-old_rus.html.

The History and Main Avenues of Historical Lexicography in the Comparative Aspect (On the Example of Historical Dictionaries of the Russian and Czech Languages)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 73–97.
DOI: 10.17223/22274200/18/4

Oxana G. Truhlarova, Simona Korycankova, Masaryk University (Brno, Czech Republic). E-mail: ushakova@ped.muni.cz / korycankova@ped.muni.cz

Keywords: lexicography, dictionary, vocabulary, diachrony, Russian studies, Czech studies, Slavic studies, comparative analysis.

The aim of the present article is to trace the establishment of the Russian and Czech historical lexicography and conduct a comparative study of the features of historical dictionaries of these languages. Historical dictionaries of the Czech and Russian lan-

guages served as the subject matter of the study. The dictionaries are reviewed chronologically and analyzed according to several lexicographical criteria: time of creation, pool of sources, extent of vocabulary, entry structure, manner of representation of a word's lexical meaning. Historical lexicography is distinguished by a certain terminological vagueness and ambiguity. Thus, the term "historical dictionary" can mean, on the one hand, a lexicographical study that represents the history of words in the course of a certain epoch in a language's evolution. On the other hand, dictionaries that explain the meaning of words used in ancient writings can also be termed historical. Such ambiguity signifies that the subject of historical lexicography has not received sufficient attention, either in regards to individual languages, or the Slavic lexicography as a whole. This study has isolated the following stages in the development of the Czech and Russian historical lexicography: (1) 17th–18th centuries – scientific study of vocabulary gives rise to predecessors of historical dictionaries (wordlists, lexicons), (2) 19th century – descriptions of vocabulary stress diachronic changes, giving rise to the first historical dictionaries, (3) 20th century – historical lexicography joins linguistics as a distinct branch of scientific study. A methodology for the compilation of historical dictionaries is developed, many new historical dictionaries are compiled that encompass the entire span of a language's history, as well as only certain formative stages of the Russian or Czech language. (4) Late 20th – early 21st centuries – conceptual changes to the editorial approach to the structure and compilation of historical dictionaries, the relevance of publishing the dictionaries in the printed form is debated. The introduction of IT into the linguistic science has enabled an expansion of the dictionary database. The practice of creating language corpora has given historical lexicography a new direction and made the material accessible to a wide circle of users. The following can be counted among the distinctive features of the Czech and Russian historical lexicography: a keen interest in the history of language on the part of Czech researchers at even the early stages of the linguistic science, adherence to Western European examples by Czech lexicographers, most historical dictionaries of the Czech language have never been published in full because the work on them has either been suspended or discontinued altogether. In the Russian historical lexicography, on the other hand, there is an intense ongoing effort to create new dictionaries.

References

1. Zgusta, L. et al. (1971) *Manual of Lexicography*. Prague: Academia, Czechoslovak Academy of Sciences; The Hague, Paris: Mouton, Series Maior, Vol. 39.

2. Čermák, F. (ed.) (2011) *Jazyk a jazykověda: přehled a slovníky*. Vydání 4, doplněné. Praha: Karolinum.

3. Karaulov, Yu.N. (ed.) (1997) *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya: Drofa.

4. Shcherba, L.V. (1974) Opyt obshchey teorii leksikografii [Experience of the general theory of lexicography]. In: Zinder, L.R. & Matusevich, M.I. (eds) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka. pp. 265–304.

5. Daňhelka, J. et al. (1988) *Staročeská kronika tak řečeného Dalimila: vydání textu a veškerého textového materiálu*. Praha: Academia.

6. Homolková, M. (2007) Historická lexikografie. In: Pleskalová, J. et al. *Kapitoly z dějin české jazykovědné bohemistiky.* Praha: Academia.

7. Palacký, F. (1871) Příspěvky ku glossarium řeči české. In: *Sbirka spisův drobnych z oboru řeči a literatury české, krásowědy, historie a politiky.* Díl 1., část I, IV. Praha: Tisk Jindřicha Mercyho. pp. 176–188.

8. Brandl, V. (1876) *Glosarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes*. Brno: C. Winiker.

9. Gebauer, J. (1903) *Slovník staročeský*. Díl I. A-J. Praha: Česká grafická společnost Unie.

10. Šimek, F. (1947) *Slovníček staré češtiny*. *Matice česká*. Praha: Orbis.

11. Pečírková, J. (1969) Staročeský slovník začíná vycházet. *Naše řeč, ročník*. 52 (4). s. 245–249.

12. Havránek, B. (ed.) (1968) *Staročeský slovník. Úvodní stati, soupis pramenů a zkratek*. Praha: Academia.

13. Havránek, B. (ed.) (1968–2004) *Staročeský slovník.* Sešity 1–26. Praha: Academia.

14. Tyl, Z. (1965) Práce na staročeském slovníku. *Naše řeč, ročník*. 48 (3). s. 176–182.

15. Bělič, J., Kamiš, A. & Kučera, K. (1979) *Malý staročeský slovník.* Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

16. *Elektronický slovník staré češtiny*. [Online] Available from: https://vokabular.ujc.cas.cz/ informace.aspx?t=ESSC&o=slovniky.

17. *Vokabulář webový.* [Online] Available from: http://vokabular.ujc.cas.cz.

18. *Czech National Corpus*. [Online] Available from: https://www.korpus.cz/.

19. Dubichinskiy, V.V. (2008) *Leksikografiya russkogo yazyka* [Lexicography of the Russian language]. Moscow: Nauka.

20. *The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. [Online] Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/.

21. Kovalenko, K.I. (2018) O nekotorykh priemakh leksikograficheskoy raboty sostaviteley azbukovnikov Moskovskoy Rusi [On some methods of lexicographic work of the compilers of the alphabet books of Moscow Rus]. In: Generalova, E.V., Kalinovskaya, V.N. & Malysheva, I.A. (eds) *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Slavic historical lexicology and lexicography]. Vol. 1. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS. pp. 153–159.

22. Berynda, P. (1653) *Leksikon slavenorosskoy i imen tolkovanie* [Slavonic lexicon and interpretation of names]. Kyiv: Tipografiya Kuteinskogo monastyrya.

23. Bogatova, G.A. (1984) *Istoriya slova kak ob"ekt russkoy istoricheskoy leksikografii* [The history of the word as an object of Russian historical lexicography]. Moscow: Nauka.

24. Kopievskiy, I. (1700) *Nomenklator na russkom, latinskom i nemetskom yazyke* [Nomenclator in Russian, Latin and German]. Amsterdam: Tipografiya Yana Tessinga.

25. Chulkov, M.D. (1782) *Slovar' russkikh sueveriy* [Dictionary of Russian superstitions]. St. Petersburg: Tipografiya Shnora.

26. Inokhodtsev, P.B. et al. (1789–1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Parts 1–6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

27. Petrov, A. (1831) *Opyt slovarya drevnikh slavyanskikh slov i recheniy* [Experience of the dictionary of ancient Slavic words and phrases]. Moscow: V tipografii Lazarevykh Instituta vostochnykh yazykov.

28. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

29. Barkhudarov, S.G. et al. (eds) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vols 1–30. Moscow: Nauka.

30. Avanesov, R.I. (ed.) (1988–2015) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries): in 10 volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.

31. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1984–2015) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vols 1–21. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

32. Bogorodskiy, B.L. et al. (1981) *Leksika i frazeologiya "Moleniya Daniila Zatochnika"* [Vocabulary and phraseology of "The Prayers of Daniil Zatochnik"]. Leningrad: Leningrad State University.

33. Mzhel'skaya, O.S. et al. (eds) (2004–2019) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus of the 14th–17th centuries]. Vols 1–8. St. Petersburg: Nauka.

34. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru/new/help-old_rus.html.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374(038)=811.161.1'28; 004.65
DOI: 10.17223/22274200/18/5

С.С. Земичева

ОТ *АБАРМА* ДО *ЯЩИЧИШКА*: РАЗРАБОТКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ТОМСКОГО ДИАЛЕКТНОГО КОРПУСА[1]

Предлагается проект интеграции опубликованного диалектного словаря с электронным корпусом текстов одного региона, не имеющий аналогов в российской научной практике. Описаны этапы работы, обоснованы принципы отбора единиц в словник и подходы к представлению материала с учётом цели лексикографического компонента корпуса и особенностей автоматической обработки слова. Приведены образцы словарных статей планируемого электронного ресурса.
Ключевые слова: *русские говоры Сибири, диалектный корпус, электронный словарь, цифровая диалектология.*

Введение

Одной из важнейших тенденций современной диалектологической науки является создание электронных ресурсов, на что уже неоднократно обращали внимание исследователи [1–4]. В электронную форму переводятся диалектные картотеки [5], фонотеки [6, 7], диалектологические атласы [8, 9]. Существуют электронные версии многих диалектных словарей. Часть изданий при этом представлена в свободном доступе в формате скан-версий печатных текстов: «Словарь русских народных говоров» [10], «Архангельский областной словарь» [11] и др. Коллекция оцифрованных диалектных словарей, включающая в том числе малотиражные, редкие лексикографические труды, представлена на сайте Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН [12]. На материале наиболее известных, крупных словарей

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда «Разработка электронных ресурсов для исследования народно-речевой культуры Среднего Приобья» (проект № 19-78-10015).

создаются также электронные базы данных. Так, размещена в интернете электронная версия словаря В.И. Даля [13], ведётся работа над созданием базы данных «Псковского областного словаря» [14]. Существуют мультимедийные учебные пособия по русской диалектологии, размещённые в сети Интернет: школьный диалектологический атлас «Язык русской деревни» [15], вузовский курс «Фонетика русских диалектов» [16], массовый открытый онлайн-курс «Русские диалекты: взгляд из Сибири» [17] и др. Подобные тенденции характерны не только для российской, но и для мировой науки в целом [1, 3, 18]. Разработка новых электронных источников позволяет поставить вопрос о формировании цифровой диалектологии как особого научного направления в русле digital humanities (цифровых гуманитарных технологий). К диалектологическим ресурсам примыкают фольклорные базы данных, как общероссийские, например фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» [19], так и локальные – база данных псковского фольклора [20], база данных среднеобского фольклора [21] и др. Создание любых подобных ресурсов имеет важное значение, так как позволяет сохранить языковые элементы традиционной народной культуры, стремительно уходящей в прошлое.

В то же время необходимо отметить, что цифровые диалектологические источники весьма различны по своим техническим характеристикам. Думается, что их создание не должно не сводиться к простой оцифровке имеющихся материалов. С этой точки зрения особое место среди электронных диалектологических ресурсов занимают базы данных и корпуса. Их число пока относительно невелико.

Так, на материале русских говоров Удмуртии создана лингвогеографическая система «Диалект», включающая возможности пословного поиска и визуализации лингвистических данных на карте [22]. С 2005 г. создаётся сводный диалектный подкорпус НКРЯ (285 281 слово) [23], имеющий многоуровневую разметку (центральное положение занимает морфологическая характеристика единиц со специальным маркированием диалектных особенностей). Существуют диалектные корпуса отдельных регионов. Впервые идея такого ресурса выдвинута создателями Саратовского диалектологического корпуса [24]. В настоящее время ряд морфологически размеченных диалектных корпусов, снабжённых аудиозаписями, создан лингвистами Высшей школы экономики – корпус бассейна реки Устья с материалами из Устьянского района Архангельской области, насчитывающий более миллиона словоупотреблений

[25, 26], корпус говора села Малинино Липецкой области (166 639 словоупотреблений) [27], корпус села Роговатка Белгородской области (114 600 словоупотреблений) [28]. Кроме того, начата работа над тематически размеченными корпусами – диалектным корпусом лингвокультуры Северного Приангарья (170 813 словоупотреблений) [29], Кубанским диалектным корпусом (без сведений об объёме) [30] и др.

Краткий обзор подобных ресурсов позволяет сделать вывод, что бóльшая часть из них находится на начальном этапе разработки, включает достаточно небольшое количество материала. При этом как российские, так и зарубежные исследователи указывают, что корпусное направление является одним из наиболее актуальных для современной диалектологии [2, 18, 31]. Добавим, что создание электронных корпусов и баз данных по русским говорам не только позволяет сохранить особый культурный пласт, но и вносит значимый вклад в развитие корпусной лингвистики в целом, так как пдаёт возможность восполнить лакуну, связанную с представлением устной речи в имеющихся корпусных проектах [32. С. 42].

Внедрение в корпус лексикографического модуля в целом является актуальной тенденцией. В основной части НКРЯ для каждого слова имеется ссылка на словарный агрегатор academic.ru, где можно посмотреть значение лексемы и получить некоторую другую дополнительную информацию (в данный момент эта опция доступна только в «старой версии» корпуса) [33]. Часто внедрение лексикографической составляющей сопряжено с переводом на другой язык. Так, в корпусах, создаваемых на материале различных языков народов России, нередко имеется перевод на русский и возможен поиск по русской словоформе. Таковы, в частности, корпус хакасского языка [34], корпус калмыкского языка [35], корпус вепсского языка [36], корпус удмуртского языка [37] и др.

В диалектных корпусах дополнительные словарные компоненты, как правило, отсутствуют. Одним из немногих исключений является болгарский диалектный корпус [38], где каждому слову даётся перевод на русский и английский языки. Учёные отмечали, что интеграция диалектного корпуса со словарём – задача достаточно отдалённого будущего, если рассматривать русский язык в целом [39. С. 78]. В то же время на материале одного говора или группы говоров одного региона подобная задача выполнима[1].

[1] В частности, планировалось включение лексикографического модуля в лингвогеографическую систему «Диалект» [40], однако неясно, был ли этот проект осуществлён.

Томский диалектный корпус (далее ТДК) начал создаваться в 2010 г., когда была предложена общая концепция ресурса [41] и началась оцифровка экспедиционных материалов. Сегодня ТДК насчитывает более 1 млн 700 тыс. словоупотреблений. Осуществлена разметка и доступен поиск по экстралингвистическим параметрам, теме, типу текста, отдельному слову. Демо-версия корпуса представлена в открытом доступе [42], полная – доступна для зарегистрированных пользователей.

Данный ресурс проектируется как универсальная информационно-поисковая система, включающая три модуля: 1) текстовый (доступ к целостным текстам и аудиозаписям, тематическая и жанровая разметка); 2) собственно корпусный (грамматическая разметка); 3) лексикографический. Настоящая статья посвящена описанию последнего.

Идея интеграции ТДК с диалектным словарём впервые была предложена Е.В. Иванцовой [43]. Основная задача лексикографического компонента – выдача толкования собственно диалектных лексем, что обусловило обращение к дифференциальному толковому словарю для его интеграции в корпус. Объектом интеграции является «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» под ред. В.В. Палагиной [44] и два дополнения к нему [45, 46] (далее для обозначения совокупности данных изданий используется аббревиатура СРСГ). Всего семитомник насчитывает 23 190 словарных статей. Ранее идея создания сводного словаря на базе СРСГ и других лексикографических трудов томских диалектологов (безотносительно к корпусу) выдвигалась О.И. Блиновой [47].

Реализация проекта интеграции корпуса и словаря предполагает следующие этапы:

1) сканирование, автоматическое распознавание бумажного словаря, выстраивание словарных статей в общем алфавитном порядке;

2) унификация подачи материалов: устранение неточностей автоматического распознавания текста, объединение словарных статей из разных томов;

3) создание компьютерной базы данных;

4) внедрение словарных статей в корпус;

5) добавление в корпус возможности поиска по словарным пометам.

Остановимся подробнее на втором этапе работы как центральном с филологической точки зрения (остальные задачи по большей части технические). Подготовку материалов к внедрению в корпус осу-

ществляют старший научный сотрудник Лаборатории общей и сибирской лексикографии ТГУ С.С. Земичева и сотрудники кафедры русского языка Л.А. Иванова, М.М. Угрюмова.

Основные принципы и подходы к обработке словарных статей определяются, во-первых, целью электронного ресурса, во-вторых, техническими ограничениями и требованиями. Общая цель лексикографического компонента корпуса – представить толкования диалектных лексем. По итогам реализации проекта предполагается, что пользователь сможет получить словарную статью на интересующее его слово в тексте (в виде гиперссылки или всплывающего окна). При этом внутри системы будет сначала происходить морфологическая обработка (переход от формы слова в тексте к начальной форме, которая затем ищется в электронном словаре). Таким образом, лексикографический компонент корпуса не самостоятелен, он отличается от традиционных словарей, в частности, тем, что в нём отсутствует алфавитное упорядочивание единиц (хотя оно используется в служебных целях на подготовительном этапе работы). Этот принцип обозначается как автономное функционирование отдельной словарной статьи. Технические ограничения связаны с тем, что распознавание происходит на уровне отдельного слова, а не оборота, чем обусловлено исключение из электронной версии части фразеологических единиц.

1. **Состав словника.** В СРСГ были включены «слова с диалектными корнями, семантическими, словообразовательными, акцентологическими и лексикализованными фонетическими особенностями <…> фразеология, глаголы с особенностями управления и формообразовательными особенностями в исходной форме» [44. Т. 1. С. 4–5]. В дополнение к словарю были также включены (с некоторыми оговорками) заимствования из западноевропейских языков [45. Ч. 1. С. 3].

При обработке материалов словаря для внедрения в корпус возник ряд проблем. Проект лексикографического компонента в корпусе предполагает, что толкование слова будет выдаваться во всех текстах, включающих его. В связи с этим сложности вызвала, во-первых, подача неоднословных единиц. Из словника были исключены диалектные фразеологические и нефразеологические обороты, состоящие из общерусских слов (*камушки считать* ‘осматривать хозяйство жениха перед свадьбой’, *от ветру качать* ‘быть слабым’, *в голову кидаться* ‘пьянить’ и др.). В противном случае толкование выдавалось бы на каждое употребление соответствующего слова (*камушки, считать, от, ветер,*

качать и т.п.), что, на наш взгляд, излишне. Однако отметим, что исследователи диалектной фразеологии при необходимости смогут найти в корпусе примеры нужных им единиц, уточняя соответствующую семантику по опубликованным бумажным и электронным словарям.

Фразеологический оборот, включающий диалектную лексему, даётся при ней, например:

КОСМЫ'НИ, мн. Неодобр. Взлохмаченные волосы. – Космы'ни вон какие (Кем. Лен.-Куз. Шаб.). / Кем. (Лен.-Куз.). ◊ ЗА КОСМЫ'НИ ЗАВЕ'ЯТЬ. Оттаскать за волосы. – Я хотел тебя за космы'ни завеять (Карг. Ил.).

При этом в ряде случаев словарные статьи на фразеологические и нефразеологические сочетания, данные в исходной версии словаря на общерусскую единицу, были перенесены на другие буквы алфавита. Например, словарная статья КЛЕПЁШНЫЙ в исходной версии словаря имеет вид отсылочной:

КЛЕПЁШНЫЙ, см. ДОСКА КЛЕПЁШНАЯ [45. Ч. 1. С. 197].

В итоговой версии она выглядит так:

КЛЕПЁШНЫЙ, прил. Относящийся к клепцам (капкану на мелкого зверя). ДОСКА' КЛЕПЁШНАЯ. Ловушка на медведя, состоящая из доски, в которую вбиты металлические стержни с зазубринами. – Доска клепёшна. Зверь идёт травой, все четыре ноги всодит и сидит (Пар. Нест.). / Том. (Пар.).

Во-вторых, специальной обработки потребовали слова, совпадающие с общерусскими по форме, но отличающиеся значением. Служебные единицы и глаголы, которые отличаются от литературного языка только сочетаемостью, исключались. Так, были исключены следующие словарные статьи:

КЛАСТЬ в сочетании с сущ. огонь. Разжигать костёр. – Огонь клади, я карасей пойду добуду (Крив. Ник.). / Том. (Крив.) [44. Т. 2. С. 82].

КАК, союз. Чем. – Траву же косить легче, как хлеб (В.-Кет. Кет.)[1] [44. Т. 2. С. 66] и др.

Отметим, что корпус, проект которого включает и морфологическую разметку, в будущем позволит выявлять некоторые из подобных значений, если они являются грамматически обусловленными. Так, например, использование союза *как* со сравнительной семантикой можно будет найти по запросу «прилагательное в сравнительной степени» + «как».

[1] Словарная статья приведена в сокращении.

В случае других единиц, совпадающих с общерусскими по форме и отличающихся семантически, решение о включении в лексикографический компонент корпуса принималось на основе критерия частотности. Хотя частотность является непостоянным параметром, опора на данный показатель может быть обоснована следующим образом. На сегодняшний день ТДК включает приблизительно 40% материалов, имеющихся в архиве, при этом на долю текстов, записанных в 1940–1990-е гг., приходится более 60% от общего количества словоупотреблений, уже внесённых в корпус. Пополнять ресурс планируется как материалами старых, так и новых экспедиций, но в целом увеличиваться будет доля новых текстов, где диалектная семантика чаще всего оказывается невостребованной.

При проверке частотности возможны два варианта результатов. В первом случае более востребованным является общерусское значение, тогда единица исключается из словника. Так, были исключены такие слова, как *аккура'тный* ‘обладающий красивым телосложением’, которое употребляется в диалектном значении лишь 2 раза из 12; *ка'дочка* ‘ручка цепа’, насчитывающее 92 словоупотребления в корпусе в значении ‘небольшая кадка’ и 0 – в указанном диалектном значении. Во втором случае, если востребована только диалектная семантика, единицы сохранялись для корпусного представления словаря. Например, *американка* ‘1) сорт картофеля; 2) разновидность сохи’ (а не ‘жительница Америки’), *вяз* ‘гибкий прут, связывающий противоположные столбики у саней’ (а не ‘дерево семейства ильмовых’), *кладь* ‘продолговатый скирд хлеба, сена’ (а не ‘груз, поклажа’) и т.п.

Третий тип единиц, которые были исключены из словника СРСГ, – лексемы, отличающиеся от литературного языка только грамматическими характеристиками (*яблока*, ж.). Семантических отличий в данном случае нет, толкование не требуется. Предполагается, что такие единицы будут обрабатываться с помощью модуля грамматической разметки, а не лексикографического компонента корпуса.

По итогам обработки материалов первой части словаря (буквы А–М) с учётом вышеобозначенных принципов из 12 450 словарных статей СРСГ в итоговой версии осталось 9 324, т.е. объём материала сократился примерно на четверть. При этом основная часть исключённых словарных статей – неоднословные единицы и единицы, совпадающие по форме с общерусскими.

Вопрос о пополнении словника остаётся на данном этапе открытым. Как в архивных записях, так и в материалах новых экспедиций обнаруживаются некоторые диалектные единицы, отсутствующие в словнике СРСГ (что связано, в частности, с отбором в словарь лексики только старожильческих говоров) [24. С. 18–19]. Сбор и систематизация подобных единиц требуют специальной работы, однако принцип автономного существования словарной статьи в лексикографическом модуле ТДК предполагает, что пополнение словника возможно на любом из этапов, в том числе после завершения работы над основной частью словаря (так как не требуется выстраивать статьи в общем алфавитном порядке).

2. **Структура словарной статьи.** Словарная статья включает заглавное слово, его частеречную характеристику, экспрессивные и лексико-грамматические пометы, толкование, контексты, локальные пометы. Часть информации, имеющейся в СРСГ, при подготовке материалов к внедрению в корпус была удалена. Так, в исходной версии словаря каждое слово снабжалось дополнительными данными о словоизменении (в частности, для существительных указывались окончания в родительном падеже, для глаголов – окончания в формах первого лица единственного числа и второго лица единственного числа). Устранение этой информации объясняется тем, что грамматические характеристики каждой единицы будут полно представлены в морфологическом модуле корпуса. В некоторых случаях указание окончаний заменялось на маркирование части речи (вместо «ая, ое» – «прил.»).

Кроме того, в томах 1–5 СРСГ в каждой словарной статье давались сведения о наличии диалектной единицы в словарных и несловарных источниках, известных к моменту публикации (словарь В.И. Даля, «Областной словарь колымского русского наречия» В.Г. Богораза, «Опыт областного великорусского словаря» и др.). Эти сведения опущены, так как более полная информация о бытовании слова на территории России на сегодняшний день дана в сводном «Словаре русских народных говоров», в связи с чем и редакторы СРСГ отказались от этой зоны словарной статьи в заключительных томах издания.

Имеющиеся пометы, данные перед толкованием слова («многократное», «уменьшительное», «уничижительное» и др.), а также локальные пометы, указывающие перечень населённых пунктов, где встречается то или иное слово, сохранены.

Далее опишем этапы работы над электронным словарём в соответствии с зонами словарной статьи: заглавное слово, толкование, контексты.

Заглавное слово. В соответствии со сложившейся лексикографической традицией сохранена подача заглавного слова прописными буквами, с указанием ударения. Такой подход удобен и для автоматической обработки, так как позволяет отделить зону заглавного слова от других зон словарной статьи. Варианты слова, как и в исходном издании, даются в разных словарных статьях (иначе их автоматическая обработка будет затруднена).

Определённую проблему представляет собой написание диалектных единиц. Общий подход, обозначенный в предисловии к СРСГ, заключается в том, что для слов с ясной этимологией даётся единственный вариант написания. «Если этимология неясна, на слово, кроме основной статьи, даётся ссылочная: *еман* см. *яман*, *бойдон* см. *байдон*» [44. Т. 1. С. 5]. Для подобных диалектных единиц в разрабатываемой электронной версии словаря даются дублирующие словарные статьи, чтобы пользователь мог получить толкование лексемы независимо от варианта написания.

Одной из центральных задач представления в корпусе многотомного словаря, издававшегося частями в течение достаточного длительного времени, стало упорядочивание словарных статей, данных на одно и то же слово в разных томах СРСГ. Совпадающие единицы давались в новой электронной версии либо как значения одного слова, либо как омонимы (если между ними нет семантической связи). Примером объединения разных значений полисеманта может служить слово *ко'ник*. В СРСГ включены две словарных статьи:

КО'НИК, а, м. Фольк. Ласкат. к конь. – Что, мой коник, сивогривый, вороной... (из песни) (Кож. Жур.). / Том. (Кож.). Даль. [45. Т. 1. С. 207].

КО'НИК, а, м. Скамья, имеющая вид ларя и используемая для спанья и хранения одежды. – Коник – кровать-то, одёжу куда класть. Мне всё родитель купил (Яшк. Полом.). Кроватей не было. Коники назывались. С одной стороны коник сделают до поперечнику, занавеску некуда повесить (Яшк. Полом.). [46. Ч. 1. С. 154].

Для представления в корпусе они объединены в одну:

КО'НИК, м. 1. Фольк. Ласкат. к конь. – Что, мой коник, сивогривый, вороной... [из песни] (Кож. Жур.). / Том. (Кож.). 2. Скамья, имеющая

вид ларя и используемая для спанья и хранения одежды. – Коник – кровать-то, одёжу куда класть. Мне всё родитель купил (Яшк. Полом.). Кроватей не было. Коники назывались. С одной стороны коник сделают до поперечнику, занавеску некуда повесить (Яшк. Полом.).

При формировании словарной статьи многозначной лексемы для определения порядка значений учитывалась, во-первых, семантика (от наиболее широкого значения – к частным, конкретным; переносные значения указываются после прямых), во-вторых, частотность (если два или более значений являются конкретными, неметафорическими, первым даётся более распространённое из них. Распространённость определяется как количество использований слова в том или ином значении в ТДК).

Если между значениями совпадающих слов не обнаруживалось семантической связи, они давались как омонимы. Например, словарные статьи на слово *косица* в СРСГ имели следующий вид:

КОСИ'ЦА, ы, ж. Висок. – Это брови, а это веки, норки, лоб, шшоки, санки передни и коренные, верхны и нижны, а это косица (В.-Кет. М. Яр). Сына у нас застрелили. В косицу прямо пуля попала (Кем. Лен.-Куз. Красн.). / Том. (В.-Кет.). Кем. (Лен.-Куз.). Опыт: Арханг. (Арханг., Мез.), Иркут., Перм., Якут. Кривошапкин. Молотилов. Маляревский. Патканов и Зобнин. [44. Т. 2. С. 98].

КОСИ'ЦА, ы, ж. Женщина-косарь. – Я работала вно'го шибко. Летом сено косила, хлеб убирала. Шесть соток под руками выжать, кото'ры плохи' косицы, а нас человек семь хорошо косило (Юрг. Н.-Р.). [46. Ч. 1. С. 161].

Словарные статьи в корпусе даны как омонимы:

КОСИ'ЦА[1], ж. Висок. – Это брови, а это веки, норки, лоб, шшоки, санки передни и коренные, верхны и нижны, а это коси'ца (В.-Кет. М. Яр). Сына у нас застрелили. В коси'цу прямо пуля попала (Кем. Лен.-Куз. Красн.). / Том. (В.-Кет.). Кем. (Лен.-Куз.). КОСИ'ЦА[2], ж. Женщина-косарь. – Я работала вно'го шибко. Летом сено косила, хлеб убирала. Шесть соток под руками выжать, кото'ры плохи' коси'цы, а нас человек семь хорошо косило (Юрг. Н.-Р.).

На данный момент разграничения омонимичных значений не предусмотрено в связи с тем, что надёжные методики для решения подобного рода задач не разработаны. Таким образом, как и в случае с многозначными лексемами, пользователь будет видеть оба значения и иметь возможность самостоятельно определить нужное, опираясь

на контекст. В перспективе в части контекстов семантическая омонимия, как и грамматическая, возможно, будет снята вручную.

Толкования. Принцип автономного существования словарной статьи требует замены отсылочных толкований на содержательные. Так, в СРСГ словарная статья имеет вид:

БАЛМО'ШНЫЙ, ая, ое. См. ба'лмошный. – Соображенья не имеет, так балмошный (В.-Кет. Ат.). / Том. (В.-Кет.). [44. Т. 1. С. 25].

В корпусе с учётом толкования единицы БА'ЛМОШНЫЙ в [44] эта словарная статья будет представлена следующим образом:

БАЛМО'ШНЫЙ, прил. Взбалмошный. – Соображенья не имеет, так балмо'шный (В.-Кет. Ат.). / Том. (В.-Кет.).

В тех случаях, где толкование в СРСГ было дано в виде «Уменьшит.-ласкат. к …», «Уничижит. к …», «прил. к …» и подобных в толковании приводилось и значение исходного слова. Так, в СРСГ имеется словарная статья, отсылающая к толкованию диалектного слова:

КАНДЕ'ПОЧКА, и, ж. Уменьшит.-ласкат. к канде'пка. – Дырочку доспешь, кандепочку приткнёшь, она примёрзнет (Крив. Ник.). / Том. (Крив.) [44. Т. 2. С. 68].

В этом же томе слово «канде'пка» толкуется как «Колышек для укрепления сети самолова и др. снарядов на льду» [44. Т. 2. С. 68].

В электронном словаре толкование восстанавливается, итоговая словарная статья выглядит так:

КАНДЕ'ПОЧКА, ж. Уменьшит.-ласкат. к канде'пка «колышек для укрепления сети самолова и др. снарядов на льду». – Дырочку доспе'шь, канде'почку приткнёшь, она примёрзнет (Крив. Ник.). / Том. (Крив.).

Контексты. Вопрос о том, приводить ли контексты из иллюстративной части СРСГ в словарных статьях планируемой электронной базы данных, был решён положительно. Разработчики руководствовались при этом двумя соображениями. Во-первых, такие иллюстрации помогают уточнить значение лексической единицы, особенно в ситуации наличия полисемии или омонимии. Во-вторых, некоторые из контекстов, вошедших в словарь, были утеряны и в основную часть корпуса не войдут. Пополнение словарных статей новыми контекстами не предусматривалось, так как выдача большого числа примеров использования слова является, с нашей точки зрения, задачей текстового модуля корпуса, а лексикографический компонент рассчитан на семантизацию диалектных единиц,

Таким образом, для добавления толкований лексем в диалектный корпус потребовалась выработка особого подхода к отбору материала и способам организации словарных статей. Принципы перевода материала в электронную форму для внедрения в корпус определяются тем, что лексикографический компонент рассматривается как часть универсальной электронной системы, при этом автоматическая обработка осуществляется на уровне отдельного слова, а каждая словарная статья функционирует как автономная. К настоящему моменту обработано около половины исходных материалов. Финальную версию электронного словаря как части Томского диалектного корпуса планируется представить к июню 2021 г. Внедрение лексикографического компонента в корпус значительно упростит и ускорит работу с диалектными текстами, а также сделает их понимание доступным широкому кругу лиц. К перспективам проделанной работы относятся, во-первых, расширение словника за счёт других опубликованных словарей и текстовых материалов [48]; во-вторых, внедрение в корпус поиска по единицам, имеющим те или иные словарные пометы («уменьшительно-ласкательное», «увеличительное», «женское» и др.). Представленные решения могут использоваться при разработке других диалектных корпусов.

Литература

1. *Жданова Е.А.* Проект корпуса русских говоров Удмуртии // Интеллектуальные системы в производстве. 2016. № 4 (31). С. 137–141.

2. *Крючкова О.Ю.* Научные парадигмы в диалектологии и диалектологическая традиция в Саратовском университете // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2017. С. 299–304.

3. *Земичева С.С., Иванцова Е.В.* Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192–205.

4. *Качинская И.Б., Малышева А.В.* Народная речь в Национальном корпусе русского языка // Русская речь. 2019. № 4. С. 103–118.

5. *Качинская И.Б., Крылов С.А.* Диалектная лексикография: электронная картотека «Архангельского областного словаря» // Диалог-2010. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2010. Вып. 9 (16). С. 169–172. URL: http://www.dialog-21.ru/media/1652/27.pdf

6. *Кульшарипова Р.Э., Ибрагимов Т.И.* Электронная библиотека русских народных говоров Казанского университета: возможности применения, информа-

ционный потенциал // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 5. С. 95–96.

7. *Коконова А.Б.* Фонотека архангельских говоров // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 2 (79). С. 231–236.

8. *Кузнецова Е.В.* Информационная система «Лексический атлас Волгоградской области»: научный материал в учебном процессе вуза // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). СПб., 2013. С. 335–344.

9. *Создание* базы данных по русским диалектам и перспективы диалектометрических исследований / И.И. Исаев [и др.] // Вестник Российской академии наук. 2016. Т. 86, № 11. С. 972–977.

10. *Словарь* русских народных говоров. URL: http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html (дата обращения: 23.04.2020).

11. *Архангельский* областной словарь. URL: http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/ (дата обращения: 29.04.2020).

12. *Ссылки* на сканированные версии некоторых русских диалектных словарей и исследований по диалектологии // Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук. URL: http://www.ruslang.ru/dialectolog_centers_links (дата обращения: 10.05.2020).

13. *Даль В.И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка. URL: http://slovardalja.net/ (дата обращения: 29.04.2020).

14. *Кукушкина И.С.* Конвертация «Псковского областного словаря» в формат электронного словаря на базе DWS LINGVO CONTENT // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.В. Большакова. Псков, 2012. С. 248–253.

15. *Школьный* диалектологический атлас: Язык русской деревни. URL: http://gramota.ru/book/village (дата обращения: 29.04.2020).

16. *Князев С., Моисеева Е., Шаульский Е.* Фонетика русских диалектов. URL: http://dialect.philol.msu.ru/index.php (дата обращения: 12.03.2020).

17. *Долганина А.А., Шевчик А.В.* Русский диалекты: взгляд из Сибири. URL: https://pushkininstitute.ru/external_courses/260 (дата обращения: 09.04.2020).

18. *Szmrecsanyi B.* Methods and Objectives in Contemporary Dialectology // Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars / eds. Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014. Vol. 12. P. 81–92.

19. *Фундаментальная* электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: http://feb-web.ru/ (дата обращения: 12.03.2020).

20. *База* данных псковского фольклора // Научно-образовательная лаборатория региональных филологических исследований. URL: http://nocpsko-viana.pskgu.ru/colloquial.php (дата обращения: 20.03.2020).

21. *База* данных Среднеобского фольклора // Томский межрегиональный институт общественных наук. URL: http://mion.tsu.ru/srobannot (дата обращения: 02.03.2020).

22. *Лингвогеографическая* система «Диалект». URL: http://manuscripts.ru/dl/dialekt.main (дата обращения: 02.03.2020).

23. *Диалектный* корпус Национального корпуса русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html (дата обращения: 12.03.2020).

24. *Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е.* Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Бекасово, 25–29 мая 2011 г. М., 2011. Вып. 10 (17). С. 359–367.

25. *Basic* stats // Даниэль М., Добрушина Н., Вальденфельс Р. Говор бассейна Устьи. Корпус севернорусской диалектной речи. Берн ; Москва, 2013–2018. URL: http://parasolcorpus.org/Pushkino/stats.php (дата обращения: 19.05.2020).

26. *Waldenfels R., Daniel M., Dobrushina N.* Why Standard Orthography? Building the Ustya River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue”. Moscow, 2014. Is. 13. P. 270–278.

27. *Corpus* statistics // Malinino Corpus. URL: https://linghub.ru/malinino/#!/corpus_statistics (дата обращения: 20.05.2020).

28. *Corpus* of Rogovatka dialect. URL: http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/ (дата обращения: 20.05.2020).

29. *Диалектный* подкорпус // Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. URL: http://angara.sfu-kras.ru/?page=dialect# (дата обращения: 12.04.2020).

30. *Диалектный* корпус // Региональная этнолингвистика. URL: https://ethnolex.ru/kubdk/ (дата обращения: 20.05.2020).

31. *Демешкина Т.А.* Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку : материалы Междунар. науч. конф. Брно, Чехия, 05–07 мая 2014 г. Брно, 2014. С. 268–278.

32. *Резанова З.И.* Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: типологически релевантные параметры сбалансированности и репрезентативности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1 (33). С. 38–50.

33. *Национальный* корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru/old/ (дата обращения: 20.05.2020).

34. *Электронный* корпус хакасского языка. URL: http://khakas.altaica.ru (дата обращения: 20.05.2020).

35. *Национальный* корпус калмыцкого языка. URL: http://kalmcorpora.ru/dial (дата обращения: 20.05.2020).

36. *Корпус* вепсского языка. URL: http://vepsian.krc.karelia.ru/about/ (дата обращения: 20.05.2020).

37. *Корпус* удмуртского языка. URL: http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/index.php?interface_language=ru (дата обращения: 25.04.2020).

38. *Bulgarian* Dialectology as Living Tradition. URL: http://bulgariandialectology.org/ (access date: 05.03.2020).

39. *Качинская И.Б., Сичинава Д.В.* О Корпусе диалектных текстов в Национальном корпусе русского языка // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 71–85.

40. *Жданова Е.А.* Лексикографический модуль лингвогеографической информационной системы «Диалект» // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). СПб., 2013. С. 185–192.

41. *Юрина Е.А.* Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 58–63.

42. *Томский* диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: http://losl.tsu.ru/corpus (дата обращения: 01.05.2020).

43. *Иванцова Е.В.* Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 54–70.

44. *Словарь русских* старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.

45. *Словарь* русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / ред. О.И. Блинова, В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1–2.

46. *Среднеобский* словарь: (Дополнение) / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. Ч. 1–2.

47. *Блинова О.И.* Проект «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Приобья» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 17–26.

48. *Земичева С.С., Иванцова Е.В.* Диалектный корпус как новый ресурс областной лексикографии // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 15–22.

From "*Abarmo*" to "*Yashchichishko*": Creating the Lexicographic Component of the Tomsk Dialect Corpus

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 98–116.
DOI: 10.17223/22274200/18/5

Svetlana S. Zemicheva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: optysmith@gmail.com

Keywords: Russian dialects of Siberia, dialect corpus, electronic dictionary, digital dialectology.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10015.

One of the most important trends in modern dialectological science is creating new electronic resources. The article gives an overview of Russian resources of this kind. Among them dialectal corpora hold a special place. The author of the article focuses on the Tomsk Dialect Corpus, which today includes more than 1,700,000 tokens. This resource is unparalleled in Russian scientific practice. It is designed as a universal information retrieval system which includes three modules: 1) textual, 2) grammatical, 3) lexicographic. The aim of the lexicographic component is to provide definitions of dialect lexemes. To do this, it is proposed to use the *Dictionary of Russian Old-Timers' Dialects of the Middle Part of the River Ob Basin* (1964–1967) edited by V.V. Palagina and two supplements to it (1975, 1983–1986). The phases of the implementation of the lexicographic module into the Tomsk Dialect Corpus are described. The first phase was the automatic recognition of the above-mentioned paper dictionary. The second stage is editing the dictionary. The principles of editing the source material are determined by the fact that the lexicographic component is considered as part of a universal electronic

system. Two basic editing principles are: the possibility to process a word automatically and the autonomous functioning of each dictionary entry. In accordance with them, the vocabulary and the structure of the dictionary entry were formed. At the stage of forming the vocabulary, some dictionary entries (for example, two-word ones) were discarded. The structure of the dictionary entry contains the main areas: headword, definition and contexts. One of the main editing tasks is to combine dictionary entries from different volumes of the dictionary into one. These words are marked either as homonyms, or as the meanings of one word. Examples of dictionary entries before and after editing are presented in the article. By now, about a half of the original vocabulary has been processed (letters from A to M, 12,450 entries). The final version of the electronic dictionary as part of the Tomsk Dialect Corpus is planned to be presented on the website of the Laboratory of General and Siberian Lexicography (http://losl.tsu.ru/) by June 2021. The prospects of the project include, firstly, the expansion of the vocabulary, and secondly, the implementation of search by dictionary labels (diminutives, augmentative, etc.) into the corpus. The presented solutions can be used in the development of other dialect corpora.

References

1. Zhdanova, E.A. (2016) Science Project of the Linguistic Corpus of Russian Dialects of the Udmurt Republic. *Intellektual'nye sistemy v proizvodstve – Intelligent Systems in Manufacturing*. 4 (31). pp. 137–141. (In Russian).

2. Kryuchkova, O.Yu. (2017) [Scientific paradigms in dialectology and dialectological tradition at Saratov University]. *I.I. Sreznevskiy i russkoe istoricheskoe yazykoznanie: opyt i perspektivy. 205-letiyu so dnya rozhdeniya I.I. Sreznevskogo* [I.I. Sreznevsky and Russian Historical Linguistics: Experience and Prospects. To the 205th anniversary of the birth of I.I. Sreznevsky]. Proceedings of the International Conference. Ryazan: Ryazan State University. pp. 299–304. (In Russian).

3. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2018) The project of Tomsk dialect corpus in keeping with trends of corpus linguistics development. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 192–205. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/64/18

4. Kachinskaya, I.B. & Malysheva, A.V. (2019) Folk Speach in Russian National Corpus. *Russkaya rech'*. 4. pp. 103–118. (In Russian). DOI: 10.31857/S013161170005368-3

5. Kachinskaya, I.B. & Krylov, S.A. (2010) [Dialect lexicography: an electronic corpus of "The Arkhangelsk region dialect dictionary"]. *Dialog-2010. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Dialogue-2010. Computational linguistics and intelligent technologies]. Proceedings of the International Conference. Is. 9 (16). Moscow. pp. 169–172. [Online] Available from: http://www.dialog-21.ru/media/1652/27.pdf. (In Russian).

6. Kul'sharipova, R.E. & Ibragimov, T.I. (2013) Elektronnaya biblioteka russkikh narodnykh govorov Kazanskogo universiteta: vozmozhnosti primeneniya, informatsionnyy potentsial [Electronic library of Russian folk dialects of Kazan University: application possibilities, information potential]. *Mezhdunarodnyy zhurnal*

eksperimental'nogo obrazovaniya – International Journal of Experimental Education. 5. pp. 95–96.

7. Kokonova, A.B. (2015) Fonoteka arkhangel'skikh govorov [Sound library of Arkhangelsk dialects]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda – Vestnik RGNF*. 2 (79). pp. 231–236.

8. Kuznetsova, E.V. (2013) Informatsionnaya sistema "Leksicheskiy atlas Volgogradskoy oblasti": nauchnyy material v uchebnom protsesse vuza [Information system "Lexical Atlas of Volgograd Oblast": Research material in the educational process of the university]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and studies)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 335–344.

9. Isaev, I.I. et al. (2016) The Database of Russian Ddialects Creation and Perspectives of Dialectometrical Research. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk – Herald of the Russian Academy of Sciences*. 86 (11). pp. 972–977.

10. *Dictionary of Russian Folk Dialects*. [Online] Available from: http://iling.spb.ru/vocabula/ srng/srng.html. (Accessed: 23.04.2020). (In Russian).

11. *Arkhangelsk Regional Dictionary*. [Online] Available from: http://www.philol.msu.ru/ ~dialectology/dictionary/. (Accessed: 29.04.2020). (In Russian).

12. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. (2020) *Ssylki na skanirovannye versii nekotorykh russkikh dialektnykh slovarey i issledovaniy po dialektologii* [Links to scanned versions of some Russian dialect dictionaries and studies on dialectology]. [Online] Available from: http://www.ruslang.ru/ dialectolog_centers_links. (Accessed: 10.05.2020).

13. Dal', V.I. (2020) *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. [Online] Available from: http://slovardalja.net/. (Accessed: 29.04.2020).

14. Kukushkina, I.S. (2012) [Conversion of the "Pskov Regional Dictionary" into the format of an electronic dictionary based on DWS LINGVO CONTENT]. *Russkiy yazyk i literatura v polikul'turnom kommunikativnom prostranstve* [Russian language and literature in the multicultural communicative space]. Proceedings of the International Conference. Pskov: Pskov State University. pp. 248–253.

15. Gramota.ru. (2020) *Shkol'nyy dialektologicheskiy atlas: Yazyk russkoy derevni* [School dialectological atlas: The language of the Russian village]. [Online] Available from: http://gramota.ru/book/village. (Accessed: 29.04.2020).

16. Knyazev, S., Moiseeva, E. & Shaul'skiy, E. (2020) *Fonetika russkikh dialektov* [Phonetics of Russian dialects]. [Online] Available from: http://dialect.philol. msu.ru/index.php. (Accessed: 12.03.2020).

17. Dolganina, A.A. & Shevchik, A.V. (2020) *Russkiy dialekty: vzglyad iz Sibiri* [Russian dialects: a view from Siberia]. [Online] Available from: https://pushk-ininstitute.ru/external_courses/260. (Accessed: 09.04.2020).

18. Szmrecsanyi, B. (2014) Methods and Objectives in Contemporary Dialectology. In: Seržant, I.A. & Wiemer, B. (eds) *Contemporary approaches to dialectology: The area of North, Northwest Russian and Belarusian vernaculars*. Vol. 12. Bergen: John Grieg AS. pp. 81–92.

19. *Russian Literature and Folklore. Fundamental Electronic Library*. [Online] Available from: http://feb-web.ru/. (Accessed: 12.03.2020). (In Russian).

20. Research and Educational Laboratory of Regional Philological Studies. (2020) *Baza dannykh pskovskogo fol'klora* [Database of Pskov folklore]. [Online] Available from: http://nocpsko-viana.pskgu.ru/colloquial.php. (Accessed: 20.03.2020).

21. Tomsk Interregional Institute of Social Sciences. (2020) *Baza dannykh Sredneobskogo fol'klora* [Database of the Middle Ob folklore]. [Online] Available from: http://mion.tsu.ru/srobannot. (Accessed: 02.03.2020).

22. "*Dialect" Linguo-Geographical System*. [Online] Available from: http://manuscripts.ru/ dl/dialekt.main. (Accessed: 02.03.2020).

23. The Dialect Corpus of the Russian National Corpus. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru/search-dialect.html. (Accessed: 12.03.2020). (In Russian).

24. Kryuchkova, O.Yu. & Gol'din, V.E. (2011) [Corpus of Russian dialectal speech: concept and parameters of assessment]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational linguistics and intelligent technologies]. Proceedings of the International Conference "Dialogue". Bekasovo. 25–29 May 2011. Is. 10 (17). Moscow. pp. 359–367. (In Russian).

25. Daniel, M., Dobrushina, N. & Val'denfel's, R. (ed.) (2013–2018) *Govor basseyna Ust'i. Korpus severnorusskoy dialektnoy rechi* [Speech of the Ustya Basin. Corpus of North Russian dialect speech]. Bern; Moscow. [Online] Available from: http://parasolcorpus.org/Pushkino/stats.php. (Accessed: 19.05.2020).

26. Waldenfels, R., Daniel, M. & Dobrushina, N. (2014) Why Standard Orthography? Building the Ustya River Basin Corpus, an online corpus of a Russian dialect. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. Papers from the Annual International Conference "Dialogue". Moscow. Is. 13. pp. 270–278.

27. Malinino Corpus. (2020) *Corpus Statistics*. [Online] Available from: https://linghub.ru/malinino/ #!/corpus_statistics. (Accessed: 20.05.2020).

28. *Corpus of Rogovatka Dialect*. [Online] Available from: http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/. (Accessed: 20.05.2020).

29. Electronic Text Corpus of Linguoculture of the Northern Angara Region. (2020) *Dialektnyy podkorpus* [Dialectal Subcorpus]. [Online] Available from: http://angara.sfu-kras.ru/?page=dialect#. (Accessed: 12.04.2020).

30. Regional Ethnolinguistics. (2020) *Dialektnyy korpus* [Dialectal Corpus]. [Online] Available from: https://ethnolex.ru/kubdk/. (Accessed: 20.05.2020).

31. Demeshkina, T.A. (2014) [Development vectors of modern Russian dialectology]. *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Topical issues of teaching the Russian language]. Proceedings of the International Conference. Brno, Czech Republic. 05–07 May 2014. Brno. pp. 268–278. (In Russian).

32. Rezanova, Z.I. (2015) Tomsk Regional Corpus: Typologically Relevant Parameters of Balance and Representativeness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (33). pp. 38–50. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/33/4

33. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: http://ruscorpora.ru/old/. (Accessed: 20.05.2020).

34. *Electronic Corpus of the Khakass Language*. [Online] Available from: http://khakas.altaica.ru. (Accessed: 20.05.2020).

35. *National Corpus of the Kalmyk Language*. [Online] Available from: http://kalmcorpora.ru/dial. (Accessed: 20.05.2020).

36. *Corpus of the Vepsian Language*. [Online] Available from: http://vepsian.krc.karelia.ru/about/. (Accessed: 20.05.2020).

37. *Corpus of the Udmurt Language*. [Online] Available from: http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/ search/index.php?interface_language=ru. (Accessed: 25.04.2020).

38. *Bulgarian Dialectology as Living Tradition*. [Online] Available from: http://bulgariandialectology.org/. (Accessed: 05.03.2020).

39. Kachinskaya, I.B. & Sichinava, D.V. (2017) On the Corpus of Dialectal Texts in the Russian National Corpus. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 71–85. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/5

40. Zhdanova, E.A. (2013) Leksikograficheskiy modul' lingvogeograficheskoy informatsionnoy sistemy "Dialekt" [Lexicographic module of the linguo-geographic information system "Dialect"]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and studies)]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 185–192.

41. Yurina, E.A. (2011) Tomsk Dialectal Corpora: The Starting Point. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (14). pp. 58–63. (In Russian).

42. Laboratory of General and Siberian Lexicography, Tomsk State University. (2020) *Tomskiy dialektnyy korpus* [Tomsk Dialect Corpus]. [Online] Available from: http://losl.tsu.ru/corpus. (Accessed: 01.05.2020).

43. Ivantsova, E.V. (2017) Tomsk Dialect Corpus: substantiation of the concept and prospects of development. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 54–70. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/4

44. Palagina, V.V. (ed.) (1964–1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi* [Dictionary of Russian Old-Timers' Dialects of the Middle Part of the River Ob Basin]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State University.

45. Blinova, O.I. & Palagina, V.V. (eds) (1975) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi (Dopolnenie)* [Dictionary of Russian Old-Timers' Dialects of the Middle Part of the River Ob Basin (Supplement)]. Parts 1–2. Tomsk: Tomsk State University.

46. Palagina, V.V. (ed.) (1983–1986) *Sredneobskiy slovar': (Dopolnenie)* [Middle Ob Dictionary: (Supplement)]. Parts 1–2. Tomsk: Tomsk State University.

47. Blinova, O.I. (2014) The project of the Dictionary of Russian Old Timer Dialects of the Middle Ob. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (30). pp. 17–26.

48. Zemicheva, S.S. & Ivantsova, E.V. (2019) A Dialect Corpus as a New Resource of Regional Lexicography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 446. pp. 15–22. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/446/2

УДК 81’373.7:004.656
DOI: 10.17223/22274200/18/6

Ж.В. Краснобаева-Чёрная

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ БАНК ДАННЫХ «КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ» КАК ЭЛЕКТРОННЫЙ ТЕРМИНОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОДУКТ: ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Представлен опыт проектирования электронного терминографического продукта в виде терминологического банка данных «Классификационные параметры фразеологических единиц» с последовательной реализацией инфологического и датологического этапов. Смоделированный в работе банк данных является специальным терминологическим словарем (одноязычный: украинский), который насчитывает 113 терминов для обозначения типов фразеологизмов, охватывает 17 фразеоклассификаций и создан для хранения информации, оптимизации и интенсификации системных исследований по фундаментальным вопросам фразеологии.

Ключевые слова: *классификация фразеологизмов, термин, терминологическая система, терминологический банк данных, фразеологическая единица, электронный терминографический продукт.*

Введение

Важное место в современной терминографии занимают теоретическо-прикладные вопросы создания электронных терминографических продуктов: типология электронных и компьютерных словарей, определение подходов их составления с актуализацией серийных терминографических баз данных [1], программной реализации интеллектуального отраслевого словаря [2]; обоснование в логическом и праксеологическом аспектах необходимости ведения исследований терминологических информационных ресурсов (на примере «InfoLio<38>Rec») [3]; рассмотрение возможностей терминологического наполнения дисциплины в Виртуальной учебной среде (на примере Национального университета «Львовская политехника») с помощью глоссария [4]; анализ исследований в области лингвистических баз данных с проецированием на лексикографические проекты [5]; обзор лексикографических источников концепций тезаурусного моделирования терми-

нолексики [6]; разработка виртуальной терминографической лаборатории как пример виртуализации инструментальной терминологической Л-системы [7]; описание структурно-функциональных параметров терминологической базы данных [8] и т.д. Одним из неразработанных аспектов терминографического моделирования в отечественном языкознании является фразеология. К числу наиболее значимых, не имеющих однозначного решения проблем фразеологии, относится проблема принципов классификации фразеологизмов [9. С. 3–4] и вытекающая из нее, необходимость формирования терминологической базы классификационных типов фразеологических единиц (ФЕ).

Многочисленные исследования фразеологического состава языка показали, что ФЕ могут быть классифицированы с учетом различных квалификационных признаков или методов. Однако в современных лингвистических энциклопедиях и учебных пособиях внимание акцентируется в основном на семантической, семантико-грамматической, стилистической и генетической классификациях ФЕ. Таким образом, актуальной представляется лексикографическая разработка фрагмента отраслевой терминологической системы «фразеология» – «фразеоклассификация», сформированного терминами для обозначения типов ФЕ, в виде электронного терминографического продукта с универсальными функциями: справочной, систематизирующей, учебной и нормативной.

Целью исследования является проектирование электронного терминографического продукта в виде терминологического банка данных «Классификационные параметры ФЕ» с последовательной реализацией инфологического и датологического этапов.

Объектом выступает терминологический банк данных (ТБД), предметом – термины для обозначения типов ФЕ, которые активно функционируют в украинской и российской лингвистике второй половины XX в. – 20-е гг. XXI в. Фактический материал исследования составляют 113 терминов, зафиксированных в научной (монографии, научные статьи, диссертации) и учебной (учебник, учебные пособия) литературе.

Методология предлагаемой работы опирается на теоретические основы фразеологии [10–12], терминологии и терминографии [13–14], прикладной лингвистики [15–18] и компьютерной терминографии (технология лингвистической базы данных / банка данных) [19], а также научные наработки автора 2010–2018 гг., результаты которых представлены в [20–23].

В работе использованы общие и специальные научные методы: анализ и синтез, метод восхождения от абстрактного к конкретному, классификационный метод, метод дефиниционного анализа, метод идентификации, метод лингвистического наблюдения и описания, метод выборки, элементы статистического метода.

Способом структурирования, формализации и хранения терминов избран терминологический банк данных (по количеству задействованных языков – одноязычный (украинский)) – один из основных инструментов компьютерной терминографии. Сегодня ТБД обеспечивает автоматизацию лексикографической деятельности массового и специального назначения, т.е. подготовку словарей специальных терминов (дескриптивных и нормативных, общих и частных, толковых и переводных, алфавитных и тезаурусных).

Проектирование базы данных предусматривает два этапа: *инфологический* – этап отбора информации и ее структурирования (этап внутренней формализации информации, этап моделирования информации); *датологический* – этап оформления информации соответствующим языком представления, пригодным для компьютерной обработки (этап внешней формализации информации, этап моделирования ее формы, преобразования информации в данные).

Инфологический этап проектирования ТБД «Классификационные параметры ФЕ»

Инфологический этап предполагает решение следующих задач: 1) определение принципа упорядочения терминов фразеологии; 2) отбор терминов с архисемой ‘фразеоклассификационный тип’ из научной литературы с целью формирования алфавитного реестра; 3) установление состава выделенных терминологических подсистем; 4) описание терминологических подсистем; 5) создание электронного каталога терминов для дальнейшей компьютерной обработки собранной информации.

1-я задача: определение принципа упорядочения терминов фразеологии. Основным принципом систематизации в исследовании выбран тезаурус: «терминосистема – терминологическая микросистема – терминологическая подсистема – термин», где терминологическая система – это конечный продукт сознательного упорядочения терминов фразеологии как раздела языкознания; терминологическая микросистема – совокупность терминов, объединенных архисемой ‘фразеоклассификационный тип’; терминологическая подсистема – совокупность терминов в

рамках конкретной классификации ФЕ, а термин – слово или словосочетание, обозначающее тип ФЕ. Квалификационными признаками термина в работе являются: системность, наличие дефиниции, точность, тенденция к моносемии в пределах одной терминологической подсистемы, отсутствие экспрессивности и стилистическая нейтральность.

Тезаурус насчитывает 17 терминологических подсистем, представленных в научных исследованиях фразеологического фонда различных языков: 1) семантическая классификация ФЕ (или классификация по степени семантической слитности, спаянности компонентов ФЕ) (А. Алехина, Н. Амосова, Ш. Балли, В. Виноградов, В. Телия, Г. Удовиченко, И. Чернышева, Н. Шанский и др.); 2) семантико-грамматическая классификация ФЕ (Л. Авксентьев, Н. Алефиренко, М. Демский, В. Жуков, А. Молотков, А. Федоров, В. Фляйшер, Н. Шанский и др.); 3) стилистическая (или экспрессивно-стилистическая) классификация ФЕ (Я. Баран, Г. Ижакевич, В. Ужченко и Д. Ужченко, Н. Шанский и др.); 4) классификация ФЕ по происхождению (или генетическая классификация ФЕ) (Л. Авксентьев, Л. Булаховский, Ф. Гужва, А. Ивченко, Ф. Медведев, В. Мокиенко, Л. Скрипник, Н. Шанский и др.); 5) диахроническая классификация ФЕ с опорой на их генезис (классификация ФЕ по их опорным компонентам) (Ст. Скорупка); 6) когнитивно-генетическая классификация ФЕ (М. Жуйкова); 7) клиссификация фразеологических преобразований (А. Мелерович, В. Мокиенко); 8) идеографическая классификация ФЕ (Л. Авксентьев, Н. Алефиренко, А. Ивченко, В. Мокиенко, Ю. Прадид, В. Ужченко и Д. Ужченко и др.); 9) структурная (или структурно-синтаксическая) классификация ФЕ (В. Белоноженко, А. Кунин, Ф. Медведев, А. Смирницкий, Н. Шанский и др.); 10) функциональная классификация ФЕ (Д. Баранник, С. Гаврин); 11) классификация с точки зрения переосмысления компонентов ФЕ (Р. Зоривчак, М. Демский, В. Ужченко и Д. Ужченко и др.); 12) классификация ФЕ по сфере употребления (В. Мокиенко, В. Чабаненко, В. Ужченко и Д. Ужченко и др.); 13) классификация ФЕ по их лексическому составу (Н. Шанский, В. Ужченко и Д. Ужченко); 14) классификация на основе метода фразеологической аппликации (В. Жуков); 15) классификация ФЕ с учетом внешнего окружения (внешней дистрибуции) (В. Архангельский, М. Тагиев); 16) переводческая классификация ФЕ (С. Денисенко, Р. Зоривчак, Л. Пономаренко, Ю. Солодуб и др.); 17) классификация ФЕ по характеру оценки (Ж. Краснобаева-Черная).

2-я задача: отбор терминов с архисемой ‘фразеоклассификационный тип’ из научной литературы с целью формирования алфавитного реестра. Реестр ТБД «Классификационные параметры ФЕ» насчитывает 113 терминов: (1) укр. варіантно-синонімічна група ФО (вариантно-синонимическая группа ФЕ); (2) укр. ідіома (идиома); (3) укр. ідіома квазіреальна (идиома квазиреальная); (4) укр. ідіома проміжного типу (идиома промежуточного типа); (5) укр. ідіома, утворена незалежно від вільного словосполучення (идиома, образованная независимо от свободного словосочетания); (6) укр. ідіома, утворена шляхом переосмислення вільного словосполучення (идиома, образованная путем переосмысления свободного словосочетания); (7) укр. ідіома фантомна (идиома фантомная); (8) укр. каламбур (каламбур); (9) укр. кліше (клише); (10) укр. крилатий вислів (крылатое выражение); (11) укр. паремія (паремия); (12) укр. приказка (поговорка); (13) укр. прислів’я (пословица); (14) укр. фразема (фразема); (15) укр. фразеологічна єдність (фразеологическое единство); (16) укр. фразеологічна інновація (фразеологическая инновация); (17) укр. фразеологічна калька (фразеологическая калька); (18) укр. фразеологічна калька денотативно-образна (фразеологическая калька денотативно-образная); (19) укр. фразеологічна калька неточна (фразеологическая калька неточная); (20) укр. фразеологічна калька смислово-образна (фразеологическая калька смыслово-образная); (21) укр. фразеологічна калька точна (фразеологическая калька точная); (22) укр. фразеологічна напівкалька (фразеологическая полукалька); (23) укр. ФО адвербіальна (ФЕ адвербиальная); (24) укр. ФО ад’єктивна (ФЕ адъективная); (25) укр. ФО активна (ФЕ активная); (26) укр. ФО аплікована (ФЕ апплицируемая); (27) укр. ФО ареальна (ФЕ ареальная); (28) укр. ФО афористична (ФЕ афористичная); (29) укр. ФО багатовершинна (ФЕ многовершинная); (30) укр. ФО вигукова (ФЕ междометная); (31) укр. ФО, відповідна реченню (ФЕ, соответствующая предложению); (32) укр. ФО, відповідна сполученню слів (ФЕ, соответствующая словосочетанию); (33) укр. ФО-власне парафраза (ФЕ – собственно парафраза); (34) укр. ФО власне-російська (ФЕ собственно русская); (35) укр. ФО власне-українська (ФЕ собственно украинская); (36) укр. ФО говіркова (ФЕ диалектная); (37) укр. ФО двовершинна (ФЕ двухвершинная); (38) укр. ФО-дисфемізм (ФЕ-дисфемизм); (39) укр. ФО дієслівна (ФЕ глагольная); (40) укр. ФО дієслівно-пропозиційна (ФЕ глагольно-пропозициональная); (41) укр. ФО-евфемізм (ФЕ-эвфемизм);

(42) укр. ФО еліптична (ФЕ эллиптическая); (43) укр. ФО жаргонна (ФЕ жаргонная); (44) укр. ФО загальнооцінна (ФЕ общеоценочная); (45) укр. ФО займенникова (ФЕ местоименная); (46) укр. ФО замкненої структури (ФЕ замкнутой структуры); (47) укр. ФО запозичена (ФЕ заимствованная); (48) укр. ФО застаріла (ФЕ устарелая); (49) укр. ФО з двопозиційним оточенням (ФЕ с двухпозиционным окружением); (50) укр. ФО з дифузною оцінкою (ФЕ с диффузной оценкой); (51) укр. ФО з однопозиційним оточенням (ФЕ с однопозиционным окружением); (52) укр. ФО з трипозиційним оточенням (ФЕ с трехпозиционным окружением); (53) укр. ФО іменникова (ФЕ именная); (54) укр. ФО індивідуально-авторська (ФЕ индивидуально-авторская); (55) укр. ФО-інновація (ФЕ-инновация); (56) укр. ФО інтер'єктивна (ФЕ интеръективная); (57) укр. ФО книжна (ФЕ книжная); (58) укр. ФО комунікативна (ФЕ коммуникативная); (59) укр. ФО конвенційна (ФЕ конвенциональная); (60) укр. ФО конкретнооцінна (ФЕ конкретнооценочная); (61) укр. ФО контекстологічна (ФЕ контекстная); (62) укр. ФО-лакуна (ФЕ-лакуна); (63) укр. ФО літературна (ФЕ литературная); (64) укр. ФО метафорична (ФЕ метафорическая); (65) укр. ФО метонімічна (ФЕ метонимическая); (66) укр. ФО міжстильова (ФЕ межстилевая); (67) укр. ФО модальна (ФЕ модальная); (68) укр. ФО народно-поетична (ФЕ народно-поэтическая); (69) укр. ФО натуральна (ФЕ натуральная); (70) укр. ФО неаплікована (ФЕ неаппликуемая); (71) укр. ФО негативнооцінна (ФЕ отрицательно оценочная); (72) укр. ФО незамкненої структури (ФЕ незамкнутой структуры); (73) укр. ФО нейтральнооцінна (ФЕ нейтрально оценочная); (74) укр. ФО ненормативна (ФЕ ненормативная); (75) укр. ФО номінативна (ФЕ номинативная); (76) укр. ФО номінативно-комунікативна (ФЕ номинативно-коммуникативная); (77) укр. ФО нормативна (ФЕ нормативная); (78) укр. ФО образно-виразна (ФЕ образно-выразительная); (79) укр. ФО одновершинна (ФЕ одновершинная); (80) укр. ФО-оказіоналізм (ФЕ-окказионализм); (81) укр. ФО-парафраза (ФЕ-парафраза); (82) укр. ФО пасивна (ФЕ пассивная); (83) укр. ФО питомо російська (ФЕ исконно русская); (84) укр. ФО питомо українська (ФЕ исконно украинская); (85) укр. ФО позитивнооцінна (ФЕ положительно оценочная); (86) укр. ФО прикметникова (ФЕ адъективная); (87) укр. ФО прислівникова (ФЕ наречная); (88) укр. ФО просторічна (ФЕ просторечная); (89) укр. ФО професійного мовлення та жаргонів (ФЕ профессиональной речи и жаргонов); (90) укр. ФО розмовна (ФЕ разговор-

ная); [91] укр. ФО розмовно-побутова (ФЕ разговорно-бытовая); [92] укр. ФО спільнослов'янська (ФЕ общеславянская); [93] укр. ФО субстантивна (ФЕ субстантивная); [94] укр. ФО східнослов'янська (ФЕ восточнославянская); [95] укр. ФО старослов'янська (ФЕ старославянская); [96] укр. ФО-табу (ФЕ-табу); [97] укр. ФО тавтологічна (ФЕ тавтологическая); [98] укр. ФО термінологічна (ФЕ терминологическая); [99] укр. ФО трансформована (ФЕ трансформированная); [100] укр. ФО фольклорна (ФЕ фольклорная); [101] укр. фразеологічне зрощення (фразеологическое сращение); [102] укр. фразеологічне сполучення (фразеологическое сочетание); [103] укр. фразеологічний аналог (фразеологический аналог); [104] укр. фразеологічний архаїзм (фразеологический архаизм); [105] укр. фразеологічний вираз (фразеологическое выражение); [106] укр. фразеологічний еквівалент (фразеологический эквивалент); [107] укр. фразеологічний історизм (фразеологический историзм); [108] укр. фразеологічний неологізм (фразеологический неологизм); [109] укр. фразеосемантична група (фразеосемантическая группа); [110] укр. фразеосемантична підгрупа (фразеосемантическая подгруппа); [111] укр. фразеосемантичне поле (фразеосемантическое поле); [112] укр. фразеотематичне поле (фразеотематическое поле); [113] укр. штамп (штамп).

3-я задача: установление состава выделенных терминологических подсистем (на примере семантико-грамматической классификации ФЕ). Терминологическую подсистему 'семантико-грамматическая классификация ФЕ' формируют термины: укр. ФО вигукова (синоним: укр. ФО інтер'єктивна), укр. ФО дієслівна, укр. ФО займенникова, укр. ФО іменникова (синоним: укр. ФО субстантивна), укр. ФО прикметникова (синоним: укр. ФО ад'єктивна), укр. ФО прислівникова (синоним: укр. ФО адвербіальна).

4-я задача: описание терминологических подсистем (на примере классификации ФЕ с учетом внешнего окружения (внешней дистрибуции) по структуре: определение, специфика классификационного типа, концепция, типы ФО, литература.

Образец:

Классификация ФЕ с учетом внешнего окружения (внешней дистрибуции)

Определение: классификация фразеологизмов, в основе которой лежат особенности синтагматического окружения фразеологизма (В. Архангельский, М. Тагиев).

Специфика классификационного признака: 1) В. Архангельский рассматривает принцип «внешней дистрибуции» как логическое продолжение принципа «внутренней дистрибуции»; 2) М. Тагиев позиционирует признак окружения как важнейший признак ФЕ, позволяющий отграничить фразеологизмы от нефразеологических сочетаний и определенным образом квалифицировать их. Ученый объясняет это тем, что фразеологизмы «в связях и функциях сужены до такой степени, что в ходе семантического формирования сочетание приобретает определенное грамматическое и лексико-семантическое направление связи со словом или конструкцией, функционирующей в качестве окружения» [3. С. 204].

Концепция М. Тагиева: фразеологизмы находятся в стабильной взаимосвязи в языке с лексическими единицами и синтаксическими конструкциями, и тем самым сочетание фразеологизма с элементом, сопровождающим его (ядром и его окружением), образует конфигурацию. На базе конфигурации происходят различные типы сочетания слов. Метод анализа окружения фразеологических сочетаний применяется в соответствии с главным структурным признаком ФЕ – спецификой окружения, выступающей в качестве критерия определения границ внешне сходных сочетаний. В классовой системе языка единицы, указываемые на основе этого признака, находятся в связи с другими классами и противопоставляются им. По мнению А. Чепуренко, учет внешних связей фразеологизма с его лексико-семантическим окружением в речи не может рассматриваться как изолированный и самодостаточный принцип квалификации ФЕ.

Типы ФО: ФЕ с однопозиционным окружением; ФЕ с двухпозиционным окружением; ФЕ с трехпозиционным окружением.

Литература: 1. Тагиев М.Т. Проблема окружения фразеологических единиц в связи с некоторыми вопросами сочетаемости в лингвистике (на материале русского языка) // Ученые записи АТУ. Серия языка и литературы. 1965. № 3. *2. Тагиев М.Т.* Глагольная фразеология современного русского языка (проблема окружения и распространения фразеологических единиц). Баку, 1967. *3. Тагиев М.Т.* Окружение фразеологизма и слова // Труды СамГУ им. А. Навои, Новая серия. № 178: Вопросы фразеологии, III. Самарканд, 1970. С. 201–212. *4. Чепуренко А.* Принципы квалификации фразеологизмов: на материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук, 2003. 239 с.

5-я задача: создание электронного каталога терминов для дальнейшей компьютерной обработки собранной информации (на

примере термина укр. ‘ідіома фантомна’) (таблица) осуществляется по такой схеме: укр. номер (номер), укр. термін (термин), укр. термінологічна підсистема (терминологическая подсистема), укр. наукове джерело (научный источник), укр. дефініція (дефиниция), укр. ілюстрація (иллюстрация), парадигмальні відношення терміна (парадигматические отношения термина).

Карточка термина укр. ‘ідіома фантомна’

№	7
Термін	Ідіома фантомна
Термінологічна підсистема	Когнітивно-генетична класифікація ФО
Наукове джерело	Жуйкова М.В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов’янських мов. Луцьк : РВВ «Вежа» Волинського державного університету ім. Лесі Українки, 2007– С. 60–61.
Дефініція	Ідіоми, внутрішня форма яких творить фантомний, уявний образ, якому жодна ситуація в реальній картині світу не відповідає.
Ілюстрація	Переливати з пустого в порожнє, попа в решеті возити, проковтнути язика, скуштувати березової каші, варити воду *з кого*, дати залізного бобу, полізти чортові в зуби, плести сухого дуба, мотузка (шибениця, палиця) плаче *по кому*, рос. положить зубы на полку, прополоскать мозги, пудрить мозги, верёвки вить из кого, кошки скребут на душе, білор. быка даіць, званіць (раззваніцца) у атопак, сабакам сена касіць, у вушах коні стаяць, у жываце салаўі спяваюць
Парадигмальні відношення терміна	Різновид ідіом, утворених незалежно від вільного словосполучення

Датологический этап проектирования ТБД «Классификационные параметры ФЕ»

Датологический этап актуализирует:

1) программную реализацию электронного продукта;

2) заполнение банка данных лингвистической информацией;

3) пилотную апробацию предложенного способа терминологического словаря в предметной области «классификационные параметры ФЕ» (на лабораторных занятиях учебной дисциплины «Прикладная лингвистика III: Компьютерная терминография» для студентов 2-го

курса (степень высшего образования «бакалавр») специализации 035.10 Прикладная лингвистика (Applied Linguistics) Донецкого национального университета имени Васыля Стуса).

Результатом решения этих задач стал ТБД «Классификационные параметры ФЕ», созданный на основе Microsoft Office Access с использованием единой таблицы данных, запросов, макросов и форм. Главное меню ЛБД представляют два окна ‘термины’ и ‘терминологические подсистемы’. Запрос ‘термины’ вводит в таблицу с данными (термины расположены в алфавитном порядке), т.е. делает возможным просмотр всех данных и осуществление поиска конкретных терминов. Поля таблицы указывают на принадлежность к терминологической подсистеме, научный источник термина, его дефиниции, а также парадигматические отношения (рис. 1).

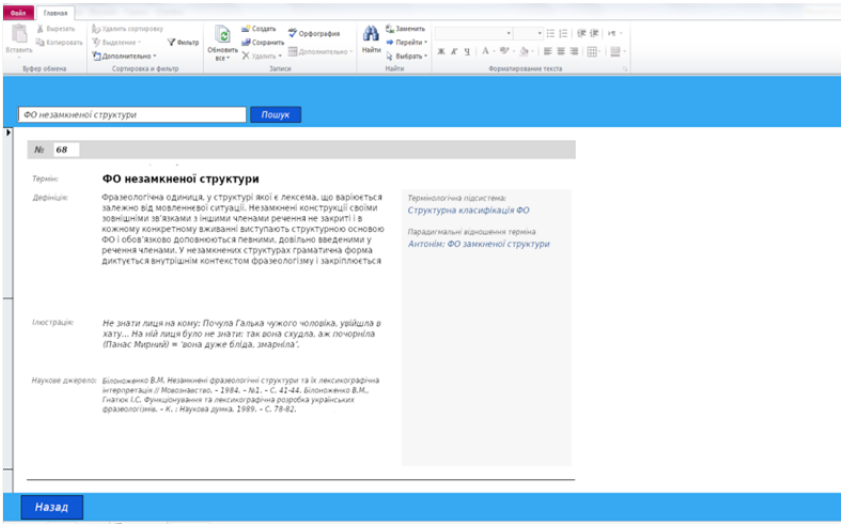

Рис. 1. Запрос укр. ‘ФО незамкненої структури’

Запрос ‘терминологические подсистемы’ вводит в меню, где каждая кнопка соответствует конкретному типу классификации ФЕ с последующим описанием терминологической подсистемы и отображением всех ее компонентов (рис. 2).

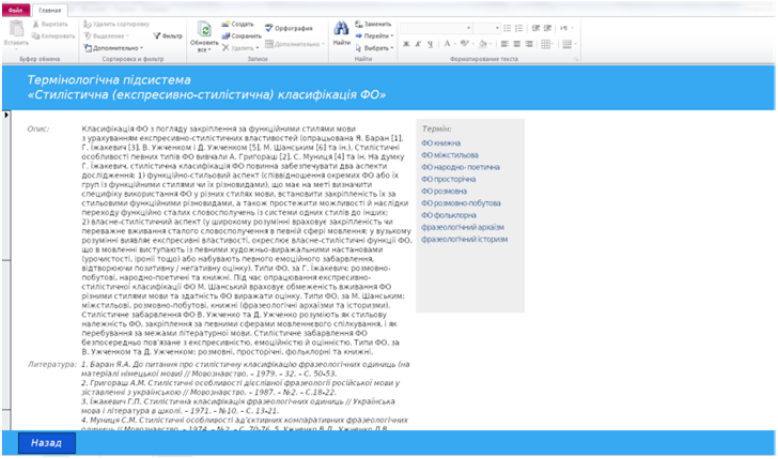

Рис. 2. Запрос укр. ‘стилістична (експресивно-стилістична) класифікація ФО’

Заключение

ТБД «Классификационные параметры ФЕ» позиционируется как электронный терминографический продукт, созданный для хранения информации, оптимизации и интенсификации системных исследований по фундаментальным вопросам фразеологии и фразеографии, работ, посвященных проблемам всестороннего анализа и параметризации фразеологизмов. Данный электронный терминографический словарь может использоваться в учебных целях студентами филологических факультетов высших учебных заведений.

Первый этап проектирования ТБД связан с формированием и решением информационных задач, направленных на создание информационного ресурса:

1) определение принципа упорядочения терминов фразеологии;

2) отбор терминов с архисемой ‘фразеоклассификационный тип’ из научной литературы с целью формирования алфавитного реестра;

3) установление состава выделенных терминологических подсистем;

4) описание терминологических подсистем;

5) создание электронного каталога терминов для дальнейшей компьютерной обработки собранной информации.

От этой системы задач зависит структурирование предметной области ‘фразеоклассификация’, получающей отображение в ТБД, и организация ее инфологической схемы.

Следующим этапом создания ТБД является разработка даталогической схемы, представляющей собой систему таблиц, поля которых отображают информацию об описываемых объектах-терминах: номер, термин, терминологическая подсистема, научный источник, дефиниция, иллюстрация, парадигматические отношения термина. Смоделированный в работе ТБД является специальным терминологическим словарем, который насчитывает 113 терминов для обозначения типов ФЕ и охватывает 17 классификаций ФЕ.

Перспектива исследования заключается в создании русскоязычной версии данного терминографического продукта.

Литература

1. *Мисак Р.* Комп’ютерні словники: класифікація та укладання // Проблеми української термінології : зб. наук. пр. Львів, 2008. С. 52–55.

2. *Большакова М.А.* Лингвистический контент и программная реализация интеллектуального немецко-русского отраслевого словаря : дис. … канд. филол. наук. М., 2013. 180 с.

3. *Силков С.В.* Информационный ресурс в Беларуси по терминологии научно-технической информации и смежных областей знаний «InfoLio<38>Rec» // Науково-технічна інформація. Київ : УкрІНТЕІ, 2009. № 3. С. 58–62.

4. *Матіко Г.Ф.* Особливості створення глосарія-термінологічного наповнення дисципліни у Віртуальному навчальному середовищі Львівської політехніки // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2011. № 703. С. 86–88.

5. *Мишанкина Н.А.* Базы данных в лингвистических исследованиях // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 25–33.

6. *Тур О.* Лексикографічні витоки сучасних концепцій тезаурусного моделювання термінолексики // Вісник Книжкової палати. 2014. № 8. С. 14–16.

7. *Надутенко М.В.* Віртуалізовані лексикографічні системи та їх застосування у прикладній лінгвістиці : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Київ, 2016. 22 с.

8. *Федюченко Л.Г.* Структурно-функциональные параметры терминологической базы данных // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3, № 2. С. 45–58.

9. *Чепуренко А.* Принципы квалификации фразеологизмов: на материале русского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2003. 26 с.

10. *Алефіренко М.Ф.* Теоретичні питання фразеології. Харків : Вища школа, 1987. 136 с.

11. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1989. 287 с.

12. *Ужченко В.Д.* Східноукраїнська фразеологія. Луганськ : Альма-матер, 2003. 362 с.

13. *Симоненко Л.О.* Українська термінографія: стан і перспективи // Мовознавство. 2014. № 4. С. 28–35.

14. *Томіленко Л.М.* Термінологічна лексика в сучасній тлумачній лексикографії української літературної мови. Івано-Франківськ : Фоліант, 2015. 160с.

15. *Карпіловська Є.А.* Вступ до прикладної лінгвістики: комп'ютерна лінгвістика. Донецьк : Юго-Восток, ЛТД, 2006. 188 с.

16. *Клочко А.Д.* Оптимизация индивидуальных лингвистических исследований средствами специализированной базы данных : дис. … канд. филол. наук. Армавир, 2006. 263 с.

17. *Гэ Цзиншэнь, Куприева И.А.* Лингвистическая основа организации базы данных // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 2. С. 3–11.

18. *Широков В.А.* Комп'ютерна лексикографія. Київ : Наукова думка, 2011. 352 с.

19. *Щипицина Л.Ю.* Информационные технологии в лингвистике. М. : Флинта; Наука, 2013. 128 с.

20. *Краснобаєва-Чорна Ж.В.* Сучасна фразеологія: класифікаційні параметри фразеологічних одиниць : словник фразеологічних термінів. Донецьк : ДонНУ, 2012. 168 с.

21. *Краснобаєва-Чорна Ж.В.* Терміносистема фразеології: структура та складники термінологічної мікросистеми «Фразеокласифікація» // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. Донецьк, 2013. Вип. 26. С. 156–162.

22. *Краснобаєва-Чорна Ж.В.* Фраземіка та фраземографія в сучасній лінгвопарадигмі. Вінниця : Нілан-ЛТД, 2018. 202 с.

23. *Краснобаєва-Чорна Ж.В.* Особливості проектування та функційне призначення лінгвістичних баз даних у фразеології, фразеографії та фразеологічній термінографії // Лінгвістичні студії / Linguistic Studies : зб. наук. праць. Вінниця, 2018. Вип. 35. С. 164–169.

The Terminological Data Bank "Classification Parameters of Phraseological Units" as an Electronic Terminographic Product: Design Experience

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 117–132.
DOI: 10.17223/22274200/18/6

Zhanna V. Krasnobaieva-Chernaya, Vasyl' Stus Donetsk National University (Vinnytsia, Ukraine). E-mail: zh.krasnobaieva@gmail.com

Keywords: classification of phraseological units, term, terminological system, terminological data bank, phraseological unit, electronic terminological product.

The aim of the study is to design an electronic terminographic product in the form of a terminological data bank (TDB) "Classification Parameters of Phraseological Units" with consistent implementation of infological and datological stages. The object in the study is the TDB, the focus is terms for designation of types of phraseological units (PU), which actively function in Ukrainian and Russian linguistics in the 2nd half

of the 20th century to 2020. The methodology of the study is based on theoretical foundations of phraseology, terminology, applied linguistics, and computer terminography (linguistic database/data bank technology). The general and specific scientific methods are used: analysis and synthesis, ascent from the abstract to the concrete, classification, definitional analysis, identification, linguistic observation and description, selection, elements of a statistical method. The infological stage is related to the solution of a set of information problems: 1) definition of the principle of regularization of terms of phraseology, 2) selection of terms with the archeseme "phraseoclassification type" from scientific literature in order to form an alphabetical register, 3) establishment of the composition of the dedicated terminology subsystems, 4) description of terminology subsystems, 5) creation of an electronic catalog of terms for further computer processing of collected information. The main principle of systematization is the thesaurus: "terminological system – terminological microsystem – terminological subsystem – term". The next step is to develop a datalogical scheme, which is a system of tables whose fields display information about the described terms in the form of data, for example: number, term, terminology subsystem, scientific source, definition, illustration, paradigm relations of the term. The TDB modeled in the work is a special terminology dictionary (monolingual (Ukrainian) in terms of the number of languages involved), which has 113 terms to denote types of PUs and covers 17 classifications of PUs. The TDB "Classification Parameters of Phraseological Units" is positioned as an electronic terminographic product created for storage of information, optimization and intensification of system research on fundamental issues of phraseology and phraseography, works devoted to problems of comprehensive analysis and parameterization of PUs. The prospect of the study is to create a Russian-language version of this terminographic product.

References

1. Misak, R. (2008) [Computer dictionaries: classification and arrangement]. *Problemi ukrains'koi terminologii* [Problems of Ukrainian terminology]. Proceedings of the International Conference. Lviv: [s.n.]. pp. 52–55. (In Ukrainian).

2. Bol'shakova, M.A. (2013) *Lingvisticheskiy kontent i programmnaya realizatsiya intellektual'nogo nemetsko-russkogo otraslevogo slovarya* [Linguistic content and software implementation of the intellectual German-Russian industry dictionary]. Philology Cand. Diss. Moscow.

3. Silkov, S.V. (2009) Informatsionnyy resurs v Belarusi po terminologii nauchno-tekhnicheskoy informatsii i smezhnykh oblastey znaniy "InfoLio<38>Rec" [Information resource in Belarus on the terminology of scientific and technical information and related areas of knowledge "InfoLio<38>Rec"]. *Naukovo-tekhnichna informatsiya*. 3. pp. 58–62.

4. Matiko, G.F. (2011) Osoblivosti stvorennya glosariya-terminologichnogo napovnennya distsiplini u Virtual'nomu navchal'nomu seredovishchi L'vivs'koi politekhniki [Peculiarities of creating a glossary of terminological content of the discipline in the virtual learning environment of Lviv Polytechnic]. *Visnik Natsional'nogo universitetu "L'vivs'ka politekhnika"*. 703. pp. 86–88. (In Ukrainian).

5. Mishankina, N.A. (2013) Databases in linguistic research. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 25–33. (In Russian).

6. Tur, O. (2014) Leksikografichni vitoki suchasnikh kontseptsiy tezaurusnogo modelyuvannya terminoleksiki [Lexicographic origins of modern concepts of thesaurus modeling of terminology]. *Visnik Knizhkovoi palati*. 8. pp. 14–16.

7. Nadutenko, M.V. (2016) *Virtualizovani leksikografichni sistemi ta ikh zastosuvannya u prikladniy lingvistitsi* [Virtualized lexicographic systems and their use in applied linguistics]. Abstract of Technical Sciences Cand. Diss. Kyiv. (In Ukrainian).

8. Fedyuchenko, L.G. (2017) Structural-Functional Parameters of Termbase. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 3 (2). pp. 45–58. (In Russian). DOI: 10.21684/2411-197x-2017-3-2-45-58

9. Chepurenko, A. (2003) *Printsipy kvalifikatsii frazeologizmov: na materiale russkogo yazyka* [Principles of phraseological units qualification: on the material of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.

10. Alefirenko, M.F. (1987) *Teoretichni pitannya frazeologii* [Theoretical issues of phraseology]. Kharkiv: Vishcha shkola. (In Ukrainian).

11. Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.

12. Uzhchenko, V.D. (2003) *Skhidnoukrains'ka frazeologiya* [East Ukrainian phraseology]. Lugansk: Al'ma-mater. (In Ukrainian).

13. Simonenko, L.O. (2014) Ukrains'ka terminografiya: stan i perspektivi [Ukrainian terminography: state and prospects]. *Movoznavstvo*. 4. pp. 28–35. (In Ukrainian).

14. Tomilenko, L.M. (2015) *Terminologichna leksika v suchasniy tlumachniy leksikografii ukrains'koi literaturnoi movi* [Terminological vocabulary in modern explanatory lexicography of the Ukrainian standard language]. Ivano-Frankivsk: Foliant. (In Ukrainian).

15. Karpilovs'ka, E.A. (2006) *Vstup do prikladnoi lingvistiki: komp'yuterna lingvistika* [Introduction to Applied Linguistics: Computational Linguistics]. Donetsk: Yugo-Vostok, LTD. (In Ukrainian).

16. Klochko, A.D. (2006) *Optimizatsiya individual'nykh lingvisticheskikh issledovaniy sredstvami spetsializirovannoy bazy dannykh* [Optimization of individual linguistic studeis by means of a specialized database]. Philology Cand. Diss. Armavir.

17. Ge Jingshen & Kuprieva, I.A. (2018) Semantic Classes of Loaned Affixes in the English Language. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki – Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 4 (2). pp. 3–11. (In Russian). DOI: 10.18413/2313-8912-2018-4-2-0-1

18. Shirokov, V.A. (2011) *Komp'yuterna leksikografiya* [Computer lexicography]. Kyiv: Nauk. dumka. (In Ukrainian).

19. Shchipitsina, L.Yu. (2013) *Informatsionnye tekhnologii v lingvistike* [Information technology in linguistics]. Moscow: Flinta; Nauka.

20. Krasnobaieva-Chernaya, Zh.V. (2012) *Suchasna frazeologiya: klasifikatsiyni parametri frazeologichnikh odinits': slovnik frazeologichnikh terminiv* [Modern

phraseology: classification parameters of phraseological units: a dictionary of phraseological terms]. Donetsk: Donetsk National University. (In Ukrainian).

21. Krasnobaieva-Chernaya, Zh.V. (2013) Terminosistema frazeologii: struktura ta skladniki terminologichnoi mikrosistemi "Frazeoklasifikatsiya" [Terminological system of phraseology: structure and components of the terminological microsystem "Phraseoclassification"]. *Lingvistichni studii – Linguistic Studies.* 26. pp. 156–162. (In Ukrainian).

22. Krasnobaieva-Chernaya, Zh.V. (2018) *Frazemika ta frazemografiya v suchasniy lingvoparadigmi* [Phrasemics and phrasemography in the modern linguoparadigm]. Vinnitsya: Nilan-LTD. (In Ukrainian).

23. Krasnobaieva-Chernaya, Zh.V. (2018) Osoblivosti proektuvannya ta funktsiyne priznachennya lingvistichnikh baz danikh u frazeologii, frazeografii ta frazeologichniy terminografii [Peculiarities of design and functional purpose of linguistic databases in phraseology, phraseography and phraseological terminology]. *Lingvistichni studii – Linguistic Studies*. 35. pp. 164–169. (In Ukrainian).

УДК 81’374
DOI: 10.17223/22274200/18/7

О.В. Никитин

«СЛОВАРЬ ВАШ НУЖЕН ВСЕМ»: ПИСЬМА К С.И. ОЖЕГОВУ 1940–1960-х гг. (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)

Представлены неизвестные ранее письма к С.И. Ожегову конца 1940-х – начала 1960-х гг., раскрывающие интересные факты научной биографии ученого. Особое внимание уделено обзору и анализу его «Словаря русского языка». В публикуемых посланиях содержатся полуофициальные отклики как известных ученых, так и простых читателей «Словаря», показывающие личность составителя как человека особого дара и чувства любви к родному языку. Статья представляет интерес для историографов науки, культурологов, лингвистов.

Ключевые слова: *С.И. Ожегов, лексикография, толковый словарь, история филологии, языковая личность, лингвистическая дискуссия, книга как явление культуры.*

Его подвиг никогда не забудется нами, и я верю,
что созданный им чудесный словарь
сослужит великую службу многим поколениям.
К.И. Чуковский

Имя Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964) прочно вошло в историю отечественной филологии как автора первого однотомного массового нормативного толкового «Словаря русского языка» (1949) [1], имевшего большое значение в становлении лексикографического дела в России XX в. и способствовавшего повышению грамотности и развитию интереса простых людей (не филологов) к слову как явлению национальной истории и культуры. По воспоминаниям ученицы С.И. Ожегова Л.К. Граудиной, выход «Словаря» «стал событием исключительной важности» [2. С. 98]. Современному читателю может показаться странным высказывание коллеги С.И. Ожегова по словарному делу А.П. Евгеньевой о том, что «словарь в Ленинграде был в продаже в течение часа-двух во всех магазинах, куда он поступил. Очереди за ним выстроились до его появления на прилавке» [Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 65. Л. 1]. Такова была реакция обще-

ства на появление «Словаря». В послевоенные годы этот культурный голод чувствовался особенно остро. Складывалась ситуация, при которой практика грамотной речи была доступна лишь немногим: ученым, преподавателям-филологам, писателям и поэтам. Что такое *правильный язык* – широкой публике было неизвестно, часто путали старое и новое значение слова, могли не понять те выражения, которые встречались в произведениях классиков, возникали новые слова (см.: [3. С. 18–19]). Появилась потребность в лингвистическом освоении слов и понятий, которые потом назовут «советизмы».

С.И. Ожегов, как справедливо сказал о нем ближайший соратник и друг А.А. Реформатский, «вел упорную борьбу за правильность и чистоту русской речи, одинаково оберегая русскую речь и от замутнения ее областными словами и просторечием и от засушивания ее педантичными пуристами. Литературная, а не искусственная, современная. А не архаичная, но всегда живая русская речь – вот основная забота Сергея Ивановича» [4. С. 4].

На этом пути у С.И. Ожегова было немало препятствий как редакционно-издательского характера, так и партийно-идеологического. Если бы была написана полная история создания «Ушаковского» или «Ожеговского» словарей, она стала бы настоящей филологической эпопеей или даже детективом (см. детали дискуссий: [5–7]).

Так, например, один из канувших в лету критиков «Словаря» Н. Родионов (кстати, упоминающийся в подборке публикуемых писем) выпустил в разгар сталинской дискуссии о языке в газете «Культура и жизнь» разгромную статью «Об одном неудачном словаре», где обвинял С.И. Ожегова в «отсутствии целеустремленности» и в «хаосе в подходе к словарному составу». Рецензент заявлял: «При просмотре обнаруживаются пропуски общеизвестных современных слов – *агитпункт, военком, политрук, физкультура* (здесь и далее мы выделяем курсивом примеры слов. – *О.Н.*) и т.д. Очень часто составители смотрят на слова с точки зрения прошлого, а не настоящего. Уже несколько лет назад иноземное слово *лозунг* заменено в нашем языке хорошим русским словом *призыв*. В Словаре есть только первое слово, а второго нет. Имеется слово *торговка*, а слова *продавщица* нет. Зато много далеких от современности слов, таких, как *аббат, архипастырь, амикошонство, миропомазание, декокт*, которые составители вынуждены пространно комментировать, ибо многие их не знают и в нашей литературе они почти не встречаются» [8].

Возражая рецензенту, С.И. Ожегов очень корректно всякий раз пояснял фактическую сторону вопроса и приводил допустимые в то время доказательства (особенно, если это касалось богословских терминов и подобной «непопулярной» лексики). В частности, одну из упомянутых выше реплик рецензента ученый парировал так: «…есть в словаре как слово *торговка*, так и слово *продавщица.* Только слово *торговка* стоит отдельно, как заглавное слово, т<ак> к<ак> по значению оно не совпадает со словом *торговец*, а слово *продавщица* стоит в гнезде слова *продавец*, т<ак> к<ак> эти слова семантически идентичны. Правила гнездования подобных слов (названия лиц женского пола) изложены в предисловии к Словарю и строго выдержаны по всему Словарю» (см. подробнее: (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 225. Л. 1–13)).

Политизированная дискуссия разгорелась и по поводу «купеческих», религиозных слов и выражений и определения понятий дореволюционного времени [9]. Так, например, один из рецензентов был возмущен положительной оценкой, содержащейся в словарной статье «Аристократия», которую С.И. Ожегов определил так: «*Аристократия* – "высший родовитый слой господствующего класса, дворянства"». «Определено объективистски, – писал Ф.П. Филин, – да еще с положительной оценкой. Надо подчеркнуть эксплуататорский, паразитический характер аристократии» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 216. Л. 159). После критики Ф.П. Филина идеологический подтекст семантики указанного слова был усилен: «Высший родовитый слой господствующего эксплуататорского класса, дворянства» [10. С. 22].

Многие из тех, кому посчастливилось приобрести «Словарь», нередко скрупулезно и въедливо спорили с автором, давали советы по толкованию слов, возмущались пробелами [7, 11], часто не понимая, что перед ними источник, который должен быть выдерживать свой жанр и иметь четкую структуру [12]. Эти «знатоки» русской речи выходили на борьбу с ветряными словесными мельницами и заявляли, например, следующее:

«Слово **БАСТОВАТЬ** объясняется так: "В капиталистических странах: об''явив забастовку, прекращать работу". Почему же в капиталистических? Читая такое пояснение, можно подумать, что у нас, в России, не было забастовок и мы не имеем об этом слове понятия, тогда как в 1905 г. вся страна была охвачена забастовками, а в 1914 г. перед войною в одном Петербурге бастовали все предприятия –

200 тысяч рабочих. Смазывать наше родное незачем, в таких случаях всегда нужно давать предпочтение своему, русскому» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 219. Л. 203–204).

Происходили дискуссии почти курьезного толка. Мы уже публиковали подборку таких писем [7, 11, 13]. Приведем здесь новый документ. Так, например, один из читателей «Словаря» с недовольством написал автору о том, что в книге «отсутствуют названия букв славянского алфавита-предшественника нынешнего русского» (Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 219. Л. 219–220). Он предлагал следующее: «…каждому учащемуся средней школы вменяется в обязанность читать книги всех классиков русской литературы, как современных[,] так и дореволюционной эпохи[,] и у них можно нередко встретить такие фразы: “Дом был построен в форме Глаголя”, “Столы были расставлены Покоем”, “Пьяный ходил[,] выделывая ногами Мыслете” и др., а между тем, тов. Ожегов приводит в своем словаре лишь две буквы славянской азбуки: АЗ и ИЖИЦУ» (Там же. Л. 220).

С.И. Ожегов всегда оставался на высоте. Он отвечал на многие запросы неизвестных людей, очень деликатно, но твердо полемизировал со своими оппонентами и всегда радовался, когда находил выход из сложившейся ситуации. Можно сказать, что он был словарным гением. Наверное, такое приобретается не только с годами упорной работы. С.И. Ожегов обладал особым даром, видением *жизни слова*, потому и относился к своей работе с природным бережением и любовью. Подтверждает это высказывание А.А. Реформатского, подметившего характерную черту человеческого облика лексикографа: «Сергей Иванович был очень цельным и своеобразным человеком. Он был не только русистом в лингвистике, но и в жизни, и в своих интересах и вкусах. Он великолепно знал русскую старину, русскую историю и этнографию. <…> он никогда не расставался с книгой» [14. С. 188].

С.И. Ожегов своей любовью к слову, обаянием филолога-практика приучил к пониманию «скучных» толстых фолиантов не одно поколение читателей и вывел свой «Словарь» за границы академической научной работы. Он создал не просто словарь, а *книгу для чтения*, продолжил своего рода традицию русских писателей-классиков, призывавших к творческому осмыслению культурно-исторического наследия цивилизации. Под влиянием деятельности ученого и руководимого им Сектора культуры русской речи в Институте русского языка лексикография стала массовым явлением и упрочила позиции

филологии как науки о духе слова, его исторической изменчивости, социальной ориентированности и норме.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова – не только удачный пример того, как из типового, на первый взгляд, проекта может возникнуть и получить реализацию большой общественно значимый замысел просветительского характера. Это показатель тех процессов, которые происходили в стране: появлялись иностранные термины, шло освоение технических наук, возникали новые явления – всё это получало отражение на страницах «Словаря».

***

За пределами научных дискуссий и официальной истории «Словаря» находятся те островки филологической мысли, которые рассказывают нам, как работал ученый, кто был его соратником и противником, с кем он мог доверительно обсуждать свои идеи и эксперименты… Иначе говоря, лексикографическая работа притягивала к С.И. Ожегову многих талантливых писателей, деятелей искусства и театра, возрождала интерес к словесности в той ее классической форме, которая жила еще в годы его молодости. Предлагаемая далее подборка мемориальных материалов как раз и раскрывает личность С.И. Ожегова с этой стороны.

Письма публикуются впервые по автографам. Все документы расположены в хронологическом порядке. Пропущенные знаки препинания восстановлены в квадратных, а недописанные или сокращенные части слов раскрываются в угловых скобках. Незначительные приписки и вставки в тексте воспроизводятся без уточнений. В комментариях содержится краткая характеристика событий и лиц, упоминаемых в письмах, ссылки на сопутствующие издания.

1. *Н.И. Шибаков*[1] *– С.И. Ожегову*

Саранск[,] 13. XI. [19]46 г.

Уважаемый Сергей Иванович!

К Вам обращаюсь. Недавно по радио я услыхал о Вашей работе над однотомным «Словарем русского языка». Я обратился в редакцию «Последних известий[,] и мне сообщили Ваш адрес.

<…> я приступил к корректуре работы театра[,] выступив с критической статьей в нашей газете. Но я ощущаю острую бедность моего словаря.

Таким образом[,] Вы видите, что нужна поистине нить Ариадны[,] чтобы выбраться из этого лабиринта серенькой неполноценности.

Я считаю, что смогу, красиво говоря, поднять знамя борьбы за культуру и, прежде всего, за культуру русского языка.

Поэтому я прошу Вас принять участие в этой борьбе – сообщить мне, каким образом приобрести однотомный «Словарь»[,] и помочь мне приобрести его.

Я уже не говорю о четырехтомном «Словаре русского языка» под ред. проф. Ушакова[2] (о нём я прочитал в книге И. Блинова «Выразительное чтение и культура устной речи»[3] <…>). 4х томный словарь мне представляется таким сокровищем недосягаемым! [–] где-то там – в сияющих вершинах человеческого счастья возможность иметь его. Ибо если бы мне удалось приобрести его и бросить в бой против всех и всяких профанирующих великий русский язык, то я счел бы себя счастливейшим человеком в стране.

Вы знаете, Сергей Иванович, как горяча юность, сколько сил в ней и как еще более возрастает эта сила от внимания мудрого мужа, от поддержки ее в ее борьбе.

Я помню[,] в бою был случай. Мы только что отбили контратаку. Немцы бегут! Кричу – Мины! «Мины на исходе – по 3 ящика!» Эх! – думаю, – уйдут! И не достать их из оврага – на гору надо лезть. Такое паршивое состояние – хоть беги сам и бей прикладом. И вдруг машина по

---

[1] Николай Иванович Шибаков (1922–1984) – участник Великой Отечественной войны, журналист, искусствовед, заслуженный работник культуры Мордовской АССР, член Союза журналистов СССР, Союза художников СССР. С 1946 г. – уполномоченный Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром при Управлении по делам искусств при Совете министров Мордовской АССР по МАССР.

[2] Имеется в виду «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940), в составлении которого принимал участие и С.И. Ожегов.

[3] См. книгу И.Я. Блинова «Выразительное чтение и культура устной речи» [15].

оврагу подъехала и мин полна! Как вскинулись мы! Похватали минометы, мины и залезли на гору. Били, били, били! А потом удивлялись – как мы туда залезли.

Так вот и в этой бескровной борьбе с бескультурьем. <…>. А надо сразу пригвоздить к стене дрянь. А о хорошем говорить <…>.

Для всего этого нужно много хороших, ярких, точных слов.

Поэтому[-]то я и прошу Вас, Сергей Иванович, помочь мне приобрести «Словарь русского языка». Это просит один из армии Павки Корчагина. Я без руки остался, но[,] как видите, драться не устал. Прошу Вас, Сергей Иванович, помочь мне. Пишите мне по адресу:

Мордовская АССР. г. Саранск.
До востребования
Николаю Шибакову

С уважением

Н. Шибаков

Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 2. Ед. хр. № 176. Л. 1–2. Автограф.

2. *А.П. Евгеньева*[1] *– С.И. Ожегову*

[Ленинград], 16. V. 1949 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Благодарю Вас за Ваше внимание и память. Ваш словарь в Ленинграде был в продаже в течение часа-двух во всех магазинах, куда он поступил. Очереди за ним выстроились до его появления на прилавке. Словарь Ваш нужен всем. И трудно сказать, кому, именно, нужнее. Но мне кажется, что особенно должна быть благодарна Вам школа районная, периферийная, где учитель не может обратиться в хорошую библиотеку, так как «лучшая библиотека» оказывается в школе, а там, как правило, единственный словарь – «Орфографический словарь» Д.Н. Ушакова[2].

Насколько облегчится положение преподавания литературы 8–10 классов, когда у него окажется под руками Ваш словарь! Во время эвакуации мне пришлось довольно близко познакомиться со средними

[1] Анастасия Петровна Евгеньева (1899–1985) – советский лингвист, лингвофольклорист и лексикограф, лауреат Премии имени А.С. Пушкина. Под ее редакцией вышел известный «Словарь русского языка» в 4 томах (1957–1961).

[2] Имеется в виду издававшийся много раз популярный школьный «Орфографический словарь» Д.Н. Ушакова и С.Е. Крючкова (см., например: [16]).

школами в районах Кировской обл. И на уроках литературы приходилось иногда слышать такие удивительные толкования слов, что, как говорится, оторопь брала. Винить преподавателя, окончившего учительский институт в каком-нибудь районном центре и никогда не видавшего не только академического словаря, а словаря Даля и даже четырехтомника Д.Н. Ушакова, не приходится. Нужно, чтобы Ваш однотомник был в каждой школе, у каждого учителя.

Остается только поздравить Вас с тем, что Вы сделали такое важное и нужное дело.

А. Евгеньева

Там же. Ед. хр. № 65. Л. 1–1 об. Автограф.

3. *Я.М. Эндзелин*[1] *– С.И. Ожегову*

[Рига], 25/VI [1949]

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Насколько я успел с ним ознакомиться, Ваш словарь, за который я Вам очень благодарен, составлен очень хорошо и поэтому будет и мне весьма полезен.

С сердечным приветом

И. Эндзелин

Там же. Ед. хр. № 179. Л. 1 об. Автограф.

4. *Я.М. Эндзелин – С.И. Ожегову*

[Рига], 5/IX [19]52

Глубокоуважаемый Сергей Иванович!

Сердечно благодарю Вас за присылку второго издания Вашего Словаря русск<ого> языка[2] и прошу меня извинить, что я лишь теперь реагирую на это! Так случилось в связи с тем, что я летом жил в деревне и вернулся оттуда только недавно.

---

[1] Ян Марцевич (Иван Мартынович) Эндзелинс (или Эндзелин) (1873–1961) – выдающийся латышский лингвист, член-корреспондент АН СССР, академик АН Латвийской ССР, специалист по сравнительно-историческому языкознанию и лексикографии.

[2] Второе издание «Словаря русского языка» С.И. Ожегова вышло в свет в 1952 г.

Если бы Вы желали получить какую-нибудь мою книгу, то я с удовольствием послал бы ее Вам (если бы она еще имелась у меня).

С приветом

Ваш И. Эндзелин

Там же. Лл. 2 об. Автограф.

5. *Р.Р. Гельгардт*[1] *– С.И. Ожегову*

9/VII [19]49

Дорогой Сергей Иванович!

Сердечно благодарю Вас за словарь. Это – большой вклад в науку о русском языке и в советскую лексикографию.

Я очень занят докторской диссертацией, без проекта которой я решил не появляться в Москве. Но мне казалось бы уместным некоторое отвлечение от текущих работ в виде рецензии[2] на Ваш труд. Тема такая: «Некоторые вопросы произношения и ударения в русском языке (по поводу “Словаря русского языка” С.И. Ожегова)». Надеюсь, что за словарем будет закреплено имя автора, а не главного редактора. Зная, что в Вас я вижу крупнейшего лексикографа и что целый период нашей жизни прошел вместе (это ведь очень сближает)[,] Вы легко себе представите мое отношение к Вашему новому труду. Статья будет специальной в такой степени, что едва ли кто-либо будет публиковать. Есть ли у Вас связи в редакциях? Каковы их требования? Конечно, вам будет неудобно пристраивать статью, но тут надо найти пути. Итак, это будет статья-рецензия, в которой обсуждается один частный вопрос. По возможности, срочно сообщите мне о перспективах. Хотелось бы знать еще, чем были вызваны такие сокращенные формулировки толкований, как *демократия*[3], *вожди*[1] и

---

[1] Роман Робертович Гельгардт (1906–1982) – советский лингвист, фольклорист и литературовед, профессор кафедры общего языкознания Калининского государственного университета.

[2] После дискуссии в печати «статья-рецензия» Р.Р. Гельгардта на 1-е издание, по-видимому, так и не была опубликована (он сетует на сложности с изданием работы и в других письмах) и появилась позднее, см.: [17].

[3] «**Демократия** <…> 1. Форма государственного управления, при к<ото>рой верховная власть, в отличие от монархии, принадлежит народу. *Социалистическая д. Страны народной демократии. Буржуазная д.* 2. Государство с такой формой управления. *Античные демократии.* 3. Средние и низкие слои общества (при феодальном, буржуазном строе). 4. Способ руководства каким-н<ибудь>

некот. др. В Вашем 4х томном словаре[2] толкования в таких случаях не дают материала для всякого рода измышлений чрезмерно ретивых критиков.

Если же рецензия будет публиковаться в другом месте, то предварительно вышлю Вам ее на просмотр.

Шлю сердечный привет

Р. Гельгардт

Там же. Ед. хр. № 522. Лл. 1-1 об. Автограф.

6. *Р.Р. Гельгардт – С.И. Ожегову*

1/IX [19]49

Дорогой Сергей Иванович!

Сообщаю Вам название статьи: «Некоторые черты русского литературного произношения и ударения в связи с историографией вопроса (по поводу “Словаря русского языка”, составленного С.И. Ожеговым»… и т.д.).

Работа эта чудовищна по своей трудоемкости, т<ак> к<ак> привлечен обильный сравнительный и историографический материал. Задача осложняется особенно тем, что все это нужно уложить в ½ печ<атного> листа.

Пришлю Вам 2 варианта (относительно полный и краткий). Нарушение предоставленного Вами окончательного срока может быть только в несколько дней.

Заканчиваю заказанную Институтом этнографии статью для выпускаемого ими марровского сборника, готовлю новые лекционные курсы и проч. Но бóльшая часть времени посвящается словарю, материал которого хотелось бы рассмотреть с той обстоятельственностью, какая соответствовала бы роли этого труда в истории лексикографии. Но ½ п<ечатного> листа – это настоящее прокрустово ложе!

Всегда Ваш

Р. Гельгардт

Там же. Лл. 3–3 об. Автограф.

коллективом, при к<ото>ром обеспечивается участие и влияние всего коллектива» [1. С. 147].

[1] «**Вождь** <…> Общепризнанный руководитель» [1. С. 76].

[2] Имеется в виду «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1937–1940).

7. *Р.Р. Гельгардт – С.И. Ожегову*

21/VI [1950]

Дорогой Сергей Иванович!

Я хотел бы надеяться на то, что Вы не преувеличиваете значение рецензии т. Родионова[1] в истории русской лексикографии.

Бывают разные отзывы современников на выходящие книги. Но книги остаются, а отзывы остаются, обычно, в той мере, в какой они принимаются во внимание авторами при переиздании книг.

Ваш словарь был, есть и останется большим и ценным трудом. Будем благодарны всем, кто помогает улучшить его второе издание.

Думаю, что Вам надо очень энергично продвигать мою статью. В Академии она залежится, а потому лучше всего ее направить в редакцию журнала «Русский язык в школе». В редакции работает Галкина-Федорук[2], которую Вы, конечно, часто встречаете в институте. Она на меня произвела впечатление человека лояльного. Передайте ей от меня привет и просьбу просмотреть мою статью «на предмет» возможности ее опубликования в этом журнале. В этой связи жду от Вас срочного письма.

Крепко жму Вашу руку.
Очень люблю и скучаю.
Всегда Ваш

Р. Гельгардт

Там же. Л. 14–15. Автограф.

8. *Р.Р. Гельгардт – С.И. Ожегову*

5/IX [19]50

Дорогой Сергей Иванович!

Отсутствие от Вас ответов на мои письма заставляет меня проявлять беспокойство о Вашем здоровье. Вчера я прочем заметку в газете «Куль-

---

[1] Крайне недоброжелательная рецензия Н. Родионова [5] открыла публичное обсуждение «Словаря русского языка» и была очень тревожно воспринята научной общественностью. Дело в том, что она вышла накануне так называемой сталинской дискуссии о языке.

[2] Евдокия Михайловна Галкина-Федорук (1898–1965) – советский педагог и лингвист, специалист по синтаксису и стилистике русского языка, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. С 1946 г. входила в состав редколлегии журнала «Русский язык в школе», а в 1953–1963 гг. была его главным редактором.

тура и жизнь»[1] о Вашем словаре. Оказывается, не Академия наук, а начальник управления по делам полиграфической промышленности отвечает за научное качество[2]. Мне представляется весьма вероятным, что печатание моей статьи-рецензии будет признано несвоевременным. Если учесть решение подвергнуть словарь обсуждению, то, казалось бы[,] моя рецензия по частному вопросу идет именно в этом плане. Но, возможно, существует и иная точка зрения в «сферах».

Если рецензия все же не пойдет, то сообщите мне об этом незамедлительно, т<ак> к<ак> ее материал я включу в одну из своих статей. Содержание и назначение этой статьи я сообщу Вам сейчас же после получения от Вас ответа.

До 25 сентября я буду отдыхать на даче в Оханске.

Мы с Тамарой Александровной шлем Вам сердечный привет.

Всегда Ваш

Р. Гельгардт

Там же. Л. 7–8. Автограф.

9. *Я.В. Лоя*[3] *– С.И. Ожегову*

Дорогой Сергей Иванович!

Я уж как-то Вам говорил при встрече в Риге, что мне нужна фотокарточка Д.Н. Ушакова для моей «Истории языкознания», выходящей в этом году в Риге на латышском языке (см.: [18]). Вы мне тогда говорили, что у Вас есть замечательный портрет Д<митрия> Н<иколаевича>.

Очень прошу Вас прислать мне таковой в возможный для Вас кратчайший срок.

---

[1] Заметка Н. Родионова вышла 11 июня 1950 г. [5]. Ответ С.И. Ожегова так и не появился в печати.

[2] В августовском номере газеты «Культура и жизнь» (№ 24 от 31 августа 1950 г., с. 4) опубликовали примечательный текст «От редакции», в котором говорилось: «Начальник Главного управления по делам полиграфической промышленности, издательств и книжной торговли при Совете министров СССР в приказе по управлению отметил, что в словаре русского языка (составитель С.И. Ожегов) <…> допущены серьезные ошибки, которые справедливо (sic! – *О.Н.*) отмечала газета “Культура и жизнь” <…>. Дано указание переработать словарь, устранить имеющиеся в нем недостатки и обсудить исправленную рукопись словаря в научных учреждениях и среди читателей».

[3] Ян Вилюмович Лоя (1896–1969) – советский и латышский лингвист, специалист по общему языкознанию и лексикографии.

Я очень ценю указание Л.В. Щербы[1], что объяснительный («толковый») словарь должен дать не научные определения значений (для нетерминов это и невозможно, а для терминов это для широкого читателя непонятно), а лишь самое существенное в значении слова, «общую идею значения»[2]. Поэтому мне больше нравится Ваше определение языка[3] в первом издании Вашего словаря (1949), чем в позднейших изданиях.

Ваше предисловие к Вашему словарю издания этого года лишь навеяло идею, чтобы, поскольку словарь под ред. Ушакова Вами уже максимально использован, в следующих изданиях Вашего словаря он – говоря Вашими же словами – «воплотил бы в своей структуре лучшие традиции русской части Рус<ско>-фр<анцузского> словаря Л. Щербы»[4]. Впрочем, Вы[,] наверное[,] и сами это имеете в виду, ведь там кроются ценные вещи.

Ваш Я. Лоя

20. III. [19]61

Там же. Ед. хр. № 94. Л. 5. Автограф.

---

[1] Лев Владимирович Щерба (1880–1944) – выдающийся русский советский лингвист, академик АН СССР, специалист по славянскому и романскому языкознанию, фонетист-новатор, лексикограф.

[2] Я.В. Лоя пересказывает идеи академика Л.В. Щербы о принципах составления и особенностях разных типов словарей, выдвинутые в работе «Опыт общей теории лексикографии» (см.: [19. С. 265–304]).

[3] Ср. определение в 1-м и 2-м изданиях: «**Язык** <…> 1. Речь, способность словесно выражать свои мысли. *Лишиться языка. Найти общий я<зык> с кем-н<ибудь>* (о взаимном понимании). 2. Система словесного выражения мыслей. *Русский я<зык>. Славянские языки. Литературный я<зык>. Я<зык> Пушкина. Я<зык> птиц* (перен.). *Я<зык> цифр* (перен.) <…>» [1. С. 965]; «**Язык** <…> 1. Система звуковых и словарно-грамматических средств, закрепляющих результаты работы мышления и являющихся орудием общения людей, обмена мыслями и взаимного понимания в обществе. *Я<зык> – орудие развития и борьбы. Я<зык> общенароден. Великий русский я<зык>. Славянские языки. Языки мира. Литературный я<зык> есть письменно закрепленный и обработанный общенародный я<зык>.* 2. Совокупность средств выражения в словесном творчества, основанных на общенародной словарно-грамматической системе, слог. *Я<зык> Пушкина. Я<зык> писателей. Я<зык> художественной литературы. Я<зык> публицистики.* 3. Речь, способность говорить. *Лишиться языка. Владеть языком.* 4. *перен.* То, что выражает, объясняет собою что-нибудь (о предметах и явлениях, о звуках животных). *Я<зык> цифр. Я<зык> фактов. Я<зык> цветов. Я<зык> птиц* <…>.» [10. С. 846].

[4] Имеется в виду книга [20].

Литература

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 968 с.

2. *Граудина Л.К.* Великая служба многим поколениям // Русская речь. 1990. № 4. С. 95–98.

3. *Костомаров В.Г.* С.И. Ожегов: русская речь и «Русская речь» // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М. : Индрик, 2001. С. 17–22.

4. *Реформатский А.А.* Памяти Сергея Ивановича Ожегова // Вопросы культуры речи. М. : Наука, 1965. Вып. VI. С. 3–5.

5. *Никитин О.В.* Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 195–228.

6. *Никитин О.В.* Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани : Изд. центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. 231 с.

7. *Никитин О.В*. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 27–40.

8. *Родионов Н*. Об одном неудачном словаре // Культура и жизнь. 11 июня 1950 г. № 16 (144). С. 4.

9. *Никитин О.В.* «Какое слово важнее, *агитпункт* или *иеродиакон*, *фотография* или *фелонь*...» (летописные страницы «Словаря» С.И. Ожегова) // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 18–32.

10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 848 с.

11. *Никитин О.В.* «Не книга, а золото» // Московский журнал. История государства Российского. 2019. № 8. С. 82–112.

12. *Ожегов С.И.* О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1974. С. 158–182.

13. Переписка С.И. Ожегова с читателями «Словаря русского языка» (подготовка текстов и примечания О.В. Никитина) // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М. : Индрик, 2001. С. 505–516.

14. *Реформатский А.А.* Сергей Иванович Ожегов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1965. Т. XXIV, вып. 2. С. 186–188.

15. *Блинов И.Я.* Выразительное чтение и культура устной речи. М. : Учпедгиз, 1946. 200 с.

16. *Ушаков Д.Н., Крючков С.Е.* Орфографический словарь. 6-е изд., испр. и доп. М. : Учпедгиз, 1944. 196 с.

17. *Гельгардт Р.Р.* Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов; под общ. ред. академика С.П. Обнорского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1952 // Вопросы языкознания. 1953. № 3. С. 131–139.

18. *Loja J.* Valodniecības vēsture. Rīgā : Latvijas Valsts Izdevniecība, 1961. 308 p.

19. *Щерба Л.В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М. : Наука, 1974. С. 265–304.

20. Русско-французский словарь: Около 75 000 слов и выражений / сост. Л.В. Щерба и М.И. Матусевич; под общ. ред. проф. Л.В. Щербы. М. : Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1939. 574 с.

"We All Need Your Dictionary": Letters to Sergey Ozhegov of the 1940s–1960s (To the 120th Anniversary of the Birth of the Scholar)

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 133–149.
DOI: 10.17223/22274200/18/7

Oleg V. Nikitin, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation).
E-mail: olnikitin@yandex.ru

Keywords: Sergey Ozhegov, lexicography, explanatory dictionary, history of philology, language personality, linguistic discussion, book as cultural phenomenon.

The publication presents previously unknown letters to Sergey Ozhegov of the late 1940s – early 1960s, which reveal facts of his scientific biography. The aim of this work is to introduce into scientific discourse rare archival documents on the history of Russian linguistics, and also to study linguistic polemics in the USSR in the era of the onslaught of the Marrism of the end of the 1940s. The main methods of studying the material are historical-linguistic, lexicographic, sociolinguistic and linguistic source analysis (search, decoding and commenting on archival texts). In the course of the research of documentary materials, the author has revealed new facts testifying to the change of a vector of scientific views on explanatory lexicography as a whole which, unlike the previous dictionary projects, was not adapted to academic needs, and first of all solved practical problems of explaining the actual lexicon of the 20th century. The article notes that one of the key issues of the dictionary work of that time was the interpretation of Sovietisms, on the one hand, and religious words and expressions, on the other. The archaic vocabulary ("merchant" and church elements) became the object of fierce criticism of Ozhegov's opponents. Scholars and non-philological readers, polemicizing with Ozhegov, paid special attention to reviews and analysis of semantic, stylistic and cultural-historical realities of dictionary entries. Ozhegov's respondents also discussed the difficult fate of the dictionary. The published letters contain semi-official reviews from both famous scholars (A.P. Evgenieva, Ya.M. Endzelin, R.R. Gel'gardt, J.V. Loja) and ordinary readers of *The Dictionary*, they reveal Ozhegov as a person of special gift loving his native language. These letters provide valuable material for the analysis of linguistic homeland studies of the period of struggle between the two ideologies in science. The letters reveal new facts of Ozhegov's editorial work, discuss the criticism of the publication in the press, note its strengths and weaknesses. The article emphasizes the sociocultural aspect of Ozhegov's interpretations and the ambiguity of their perception by contemporaries. *The Dictionary* is included in the context of general linguistic ideas by D.N. Ushakov and L.V. Shcherba. The high pedagogical value of this source is indicated. The published archival materials confirm a unique fact in the scientific practice of the mid-20th century: the emergence of a popular explanatory dictionary reflecting the cultural constants of the time and serving as a reliable tool for

self-education. The article is of interest to historiographers of science, lexicologists and lexicographers, linguaculturologists, sociolinguists.

References

1. Ozhegov, S.I. (1949) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey.

2. Graudina, L.K. (1990) Velikaya sluzhba mnogim pokoleniyam [Great service to many generations]. *Russkaya rech – Russian Speech*. 4. pp. 95–98.

3. Kostomarov, V.G. (2001) S.I. Ozhegov: russkaya rech i "Russkaya rech" [S.I. Ozhegov: Russian speech and "Russian Speech"]. In: *Slovar' i kul'tura russkoy rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. To the centennial of S.I. Ozhegov's birth]. Moscow: Indrik. pp. 17–22.

4. Reformatskiy, A.A. (1965) Pamyati Sergeya Ivanovicha Ozhegova [In memory of Sergey Ivanovich Ozhegov]. In: *Voprosy kul'tury rechi* [Topics of culture of speech]. Vol. 6. Moscow: Nauka. pp. 3–5.

5. Nikitin, O.V. (2004) Zabytye stranitsy russkoy leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya "Ushakovskogo slovarya") [Forgotten pages of Russian lexicography of the 1920s (Prehistory of "Ushakov Dictionary")]. *Russkiy yazyk v nauchnom osvechshenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 1 (7). pp. 195–228.

6. Nikitin, O.V. (2012) *Ocherki po istorii russkoy leksikografii pervoy poloviny XX veka* (*tolkovye slovari*) [Essays on the history of Russian lexicography of the first part of the 20th century (explanatory dictionaries)]. Slavyansk-na-Kubani: Kuban State University, Slavyansk-na-Kubani Branch.

7. Nikitin, O.V. (2016) Otechestvennaya leksikografiya v 1930-kh gg.: bor'ba idey i ideologiy (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovarya russkogo yazyka" pod redaktsiey D.N. Ushakova) [Domestic lexicography in the 1930s: the struggle of ideas and ideologies (from the history of the creation and discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D.N. Ushakov)]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 3. pp. 27–40.

8. Rodionov, N. (1950) Ob odnom neudachnom slovare [About one unfortunate dictionary]. *Kul'tura i zhizn'*. 16 (144). p. 4.

9. Nikitin, O.V. (2017) "Kakoe slovo vazhnee, *agitpunkt* ili *ierodiakon*, *fotografiya* ili *felon'*..." (letopisnye stranitsy "Slovarya" S.I. Ozhegova) ["What word is more important, *agitpunkt* or *ierodiakon*, *fotografiya* or *felon'*…" (the chronicle pages of "The Dictionary" by S.I. Ozhegov)]. *Mir russkogo slova – The World of Russian Word*. 1. pp. 18–32.

10. Ozhegov, S.I. (1952) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey.

11. Nikitin, O.V. (2019) "Ne kniga, a zoloto" [Not a book, but gold]. *Moskovskiy zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo – The Moscow Journal. History of the Russian State*. 8. pp. 82–112.

12. Ozhegov, S.I. (1974) O tryokh tipakh tolkovykh slovarey russkogo yazyka [About three types of explanatory dictionaries of the Russian language]. In: *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi*: *uchebnoe posobie dlya vuzov*

[Lexicology. Lexicography. Culture of speech: Textbook for universities]. Moscow: Vysshaya shkola.

13. Nikitin. O.V. (ed.) (2001) Perepiska S.I. Ozhegova s chitatelyami "Slovarya russkogo yazyka" [S.I. Ozhegov's correspondence with readers of "The Dictionary of the Russian Language"]. In: *Slovar' i kul'tura russkoy rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S.I. Ozhegova* [Dictionary and culture of Russian speech. To the centennial of S.I. Ozhegov's birth]. Moscow: Indrik. pp. 505–516.

14. Reformatskiy, A.A. (1965) Sergey Ivanovich Ozhegov. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. XXIV (2). pp. 186–188. (In Russian).

15. Blinov, I.Ya. (1946) *Vyrazitel'noe chtenie i kul'tura ustnoy rechi* [Expressive reading and the culture of oral speech]. Moscow: Uchpedgiz.

16. Ushakov, D.N. & Kryuchkov, S.E. (1944) *Orfograficheskiy slovar'* [Orthographic dictionary]. 6th ed. Moscow: Uchpedgiz.

17. Gel'gardt, R.R. (1953) Slovar' russkogo yazyka. Sost. S.I. Ozhegov, pod obshchey red. akademika S.P. Obnorskogo. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1952 [The Dictionary of the Russian Language. Comp. by S.I. Ozhegov, general editor academician S.P. Obnorskiy. 2nd ed., corr. and suppl. Moscow, 1952]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 3. pp. 131–139.

18. Loja, J. (1961) *Valodniecības vesture* [History of linguistics]. Riga: Latvijas Valsts Izdevniecība.

19. Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Nauka. pp. 265–304.

20. Shcherba, L.V. (ed.) (1939) *Russko-frantsuzskiy slovar*: *Okolo 75000 slov i vyrazheniy* [Russian-French dictionary: about 75,000 words and word combinations]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey.

УДК 811.161.1; 81'374.3; 81'367.634
DOI: 10.17223/22274200/18/8

И.О. Ткачева

СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ СОЮЗОВ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Рассмотрены проблемы системного, т.е. последовательного и непротиворечивого лексикографического описания союзов, предполагающего строгое соотнесение дефиниций между собой. Анализируются способы толкования синонимичных союзов в словарях, рассматриваются недостатки большинства таких толкований. Предлагается способ построения толкований с использованием ряда комментариев, раскрывающих семантическую и прагматическую специфику союза в сравнении с другими единицами одного синонимического ряда.

Ключевые слова: *современный русский язык, толковая лексикография, лексическая система, взаимосвязанность дефиниций, лексикографическое описание союзов, близкозначные слова.*

Статья посвящена некоторым проблемам описания союзов в «Словаре русского языка XXI века», работа над которым ведется в Лаборатории компьютерной лексикографии Института прикладной русистики РГПУ им. А.И. Герцена под руководством д-ра филол. наук, проф. Г.Н. Скляревской. Концепция словаря, а также основные теоретические и практические проблемы, связанные с его составлением, описаны в [1–4]. На разных этапах работы словарь также носил названия «Современный толковый словарь живого русского языка» и «Нормативный толковый словарь живого русского языка», но позднее от них отказались, так как в каждом из этих названий на первый план выдвигалась лишь одна из всех его основополагающих характеристик (в первом случае – объект описания – «живой», т.е. видимый и слышимый в реальном употреблении язык, во втором случае – нормативность словаря, показываемая при помощи системы функционально-стилистических помет, которые ограничивают сферу употребления слов и значений) [4. С. 5].

Одной из важных особенностей «Словаря русского языка XXI века» является ориентация на системное описание лексики, которое позволяет соотносить друг с другом толкования слов, связанных

разными типами отношений и по возможности избегать непоследовательности и противоречий, поэтому изначально работа над словарем велась не по алфавиту, а по тематическим группам и словообразовательным гнездам, при том, что сам порядок расположения словарных статей сохранялся традиционно алфавитным [1. С. 37–38]. Предложение перейти к описанию лексики в словаре «не от слова к слову, а при авторской специализации и закрепленности» было вскользь высказано еще А.М. Бабкиным [5. С. 16], а немного позднее сходная по сути идея о необходимости работы «не с алфавитным списком слов, а с определенными лексическими группировками внутри отдельных частей речи» была уже более отчетливо выражена и подробно проработана Н.Ю. Шведовой [6. С. 171]. Именно эта идея в настоящее время реализуется нами на практике.

Лексикографическое описание служебных частей речи (в частности союзов) в соответствии с принципом системности является одной из наиболее сложных задач, стоящих перед составителями «Словаря русского языка XXI века». Это обусловлено в первую очередь тем, что такой принцип, принятый в словаре, предполагает строгое соотнесение абсолютных синонимов и разграничение близкозначных слов с выявлением дифференциального признака, а для служебных частей речи характерна обширная синонимия с тонкими трудноуловимыми семантическими и прагматическими отличиями между синонимами одного ряда.

Сразу оговоримся, что помимо проблемы системного описания служебных частей речи существуют еще две серьезные проблемы, которые в определенной степени связаны с первой и которые нам приходится решать параллельно с первой. Одна из них – это определение частеречной принадлежности ряда служебных слов в спорных случаях. Вторая проблема – это определение того, какие именно составные единицы считать целостным союзом, т.е. эквивалентом слова, а какие – нет. Эквивалентами слова по определению Р.П. Рогожниковой называются такие связанные сочетания, для которых характерна устойчивость, их воспроизводимость в речи как единого целого, единство значения и в большинстве случаев постоянная неизменная форма [7. С. 4] (имеются в виду сочетания ***а еще, а именно, все же, как и, несмотря на то что, ради того чтобы, тем не менее, тогда как*** и др.). Среди подобных сочетаний есть и такие, которые в толковых словарях трактуются по-разному. Например, составные единицы

а все-таки, и все-таки, но все-таки в одних источниках считаются союзами [8. С. 104], в других – сочетанием двух союзов [9. Т. 1. С. 402; 10. Т. 2. С. 832; 11. Т. 1. С. 230], а в третьих – сочетанием союза с частицей ***все-таки*** [13. С. 317]; в ряде случаев одна и та же составная единица в рамках одного издания может получать противоречивую характеристику (например, в «Словаре служебных слов русского языка» под ред. Е.А. Стародумовой ***и все-таки*** трактуется и как целостный союз, и как сочетание союза с частицей [12. С. 91–92]; в «Словаре структурных слов русского языка» и «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина ***а все-таки*** и ***но все-таки*** в сходных контекстах определяются и как «союз + союз», и как «союз + частица» [14. С. 76; 15. С. 147–148], причем критерии такого разграничения в данном случае нам не ясны.

Каждая из этих двух проблем (и проблема частеречной принадлежности, и проблема эквивалентов слова) заслуживает подготовки отдельной статьи, поэтому сейчас мы не будем подробно останавливаться на этом. Отметим только, что далее будут рассматриваться и такие единицы, в том числе составные, которые не все исследователи считают союзами.

В толковой лексикографии принято несколько способов толкования близкозначных союзов. Рассмотрим основные из них.

Первый способ

Толкование с помощью перечисления ряда синонимов либо слов, близких семантически к исходному, но относящихся к другой части речи (например, к предлогам или местоименным наречиям).

Ср. статьи в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой:

ЗНАЧИТ <...> **3.** *союз*. И поэтому, следовательно [8. С. 232].

СЛЕДОВАТЕЛЬНО <...> **2.** *союз*. Значит, вследствие этого, поэтому [8. С. 728].

Ср. статьи в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова:

ВСЁ-ТАКИ, *союз противительный***.** <...> Тем не менее, несмотря на что-н., всё же, однако же [9. Т. 1. С. 402].

ВСЁ Ж, ВСЁ ЖЕ – однако, при всем том [9. Т. 1. С. 399] (дано как устойчивое сочетание в статье ***всё***[1]).

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ (книжн.) – однако, всё же, несмотря на то [9. Т. 2. С. 182] (дано как устойчивое сочетание в статье ***менее***).

Ср. статьи в «Словаре современного русского литературного языка»:

2. КАК, *союз.* <...> 2. Сравнительный союз. В знач.: точно, словно [10. Т. 5. С. 685].

БУДТО. 2. <...> Сравнительный союз. Словно, как бы, как если бы. [10. Т. 1. С. 669].

2. ТОЧНО, *союз.* 1. *Сравн. союз.* Как, словно [10. Т. 15. С. 744].

Как видим, здесь семантика союзов не раскрывается, поскольку содержательного описательного толкования ни при одном из этих синонимов нет. Более того, исходя из приведенных толкований совершенно невозможно определить, есть ли между рассматриваемыми единицами какие-то отличия (кроме стилистических, которые традиционно показываются при помощи специальных помет) и если есть, то какие.

Второй способ

Толкование с помощью одинаковых или сходных по смыслу формальных дефиниций, в которых указывается только тип присоединяемого предложения и оборота или разряд союза, обычно с приведением одного или нескольких синонимов.

Ср. статьи в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой:

КАК, *нареч., частица* и *союз.*

III. *союз.*

1. *сравнительный.* а) Присоединяет сравнительные обороты; означает: словно, точно [11. Т. 2. С. 16].

БУДТО, *союз* и *частица.*

1. *сравнительный союз.* Употребляется в сравнительных оборотах и сравнительных придаточных предложениях, соответствует по значению словам: *как, словно* [11. Т. 1. С. 121].

СЛОВНО, *союз* и *частица.*

1. *сравнительный союз.* Употребляется в сравнительных оборотах и сравнительных придаточных предложениях в значении: *как* [11. Т. 4. С. 139].

Ср. статьи в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой:

КАК <...> 6. *союз.* Выражает сравнение, подобно кому-чему-н. [8. С. 260].

СЛОВНО. 1. *союз.* Выражает сравнение, как (в 6 знач.) (прост. и поэт.) [8. С. 730].

Ср. статьи в «Словаре современного русского литературного языка»:

НО, *союз.* <...> 4. Противительный. Приближается к знач. однако, все-таки в сложноподчиненных предложениях уступительного типа. Употребляется в начале второго предложения, усиливая противопоставление главного и придаточного предложений [10. Т. 7. С. 1344–1346].

ОДНАКО. I. Противительный союз. <...> 4. Служит для усиления противопоставления главного предложения придаточному уступительному в составе сложноподчиненного предложения [10. Т. 8. С. 684–685].

Как и в предыдущем случае, эти союзы определяются друг через друга и их семантика остается нераскрытой (соответствующее значение союза ***точно***, к которому мы видим отсылку в статье ***как*** в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, толкуется в свою очередь перечислением синонимов: «как, словно», даже без указания на синтаксическую конструкцию [11. Т. 4. С. 392]; сходным образом, т.е. с помощью синонимического толкования, определяется союз ***все-таки***, упоминаемый в статье ***но*** в «Словаре современного русского литературного языка»: «однако, тем не менее, несмотря на это» [10. Т. 2. С. 832]; не проясняет ситуацию и толкование предлога ***подобно*** в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: «Как кто-, что-н., сходно с кем-, чем-н.» [8. С. 539]).

Третий способ

Толкование с помощью одинаковых описательных дефиниций.

Ср. статьи в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой:

НО[1], *союз.* <...> **2.** Соединяет два предложения, одно из которых выражает несоответствие тому, что выражено в другом, и про-

тиворечит ожидаемому, должному с точки зрения говорящего; соответствует по значению словам: а, *однако* [11. Т. 2. С. 503].

А^2, *союз.* <...> **2.** Соединяет два предложения, второе из которых выражает несоответствие тому, что выражено в первом, и противоречит ожидаемому, должному с точки зрения говорящего; соответствует по значению союзам: *но, однако* [11. Т. 1. С. 17].

Ср. там же:

ОДНАКО <...> **1.** *противительный союз.* Употребляется для присоединения предложений или отдельных членов предложения со значением противопоставления, несоответствия предшествующему или ограничения предшествующего; близок по значению союзам: да, но [11. Т. 2. С. 593].

ДА^2 <...> **4.** *противительный.* Употребляется для присоединения предложений или отдельных членов предложения со значением противопоставления, несоответствия или ограничения предшествующего; близок по значению к союзам: но, однако [11. Т. 1. С. 360].

В этом случае семантика союзов раскрывается, но дифференциальные признаки не выделяются. Идентичные толкования не позволяют установить, можно ли считать описываемые союзы абсолютными синонимами или нет, тем более что такой способ определения применяется в упомянутом словаре наряду с типовой формулой «То же, что» (ср. ЛИБО, *союз разделит.* То же, что или (в 1 и 2 знач.) [11. Т. 2. С. 181]), что вносит некоторую путаницу, так как неясно, умышленно союзы ***а*** и ***но***, ***однако*** и ***да*** не соотнесены в соответствующих значениях с помощью формальной дефиниции «то же, что» или такое расхождение в способе толкования в сходных случаях обусловлено отсутствием системности при описании синонимов и близкозначных слов, недостаточной строгостью этого описания в указанном издании.

Более последовательно и унифицированно синонимичные союзы толкуются в «Словаре структурных слов русского языка» и «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина. Ср., например, абсолютно одинаковые дефиниции в статьях ***все же***^{2} и ***все-таки***^{2}: «Употр. для соединения частей сложносочиненного предложения и указывает на то, что действие, событие, факт и т. п., названные в следующей за союзом части, совершаются вопреки тому, о чем говорится в первой части» [14. С. 75–76; 15. С. 147–148] или в статьях ***значит***^{2}, ***следовательно***^{2} и ***стало быть***^{2}: «Употр. для присо-

единения слов, словосочетаний или части сложносочиненного предложения и указывает на то, что их содержание является выводом, который основывается на том, о чем сообщается в предыдущей части» [14. С. 130, 319, 327–328; 15. С. 360, 1097, 1170]. Такой способ определения синонимов проведен по всему тексту словарей и вне всяких сомнений может расцениваться как указание на отсутствие дифференциальных признаков по крайней мере с точки зрения авторов.

Четвертый способ

Толкование с помощью разных, но неразличимых по смыслу описательных дефиниций.

Ср. статьи в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой:

ИМЕННО, *частица.* <...> 3. *в знач. союза.* Употребляется при присоединении предложения или отдельных членов предложения, разъясняющих, уточняющих высказанную мысль [11. Т. 1. С. 661].

ТО ЕСТЬ <...>, *союз* и *частица*. 1. *пояснительный союз.* Употребляется для присоединения предложений или членов предложения, поясняющих высказанную мысль; соответствует по значению словам: а именно, что значит, иными словами [11. Т. 4. С. 372].

Здесь, как и в предыдущем случае, семантика союзов раскрывается, но дифференциальные признаки не выявлены и толкования не соотнесены друг с другом.

Пятый способ

Толкование с помощью сходных, но не идентичных и хорошо различимых описательных дефиниций.

Ср. статьи в «Словаре структурных слов русского языка» и «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина:

НО[1] <...>, *сз.* 1.2. *противит.* Употр. для соединения слов и частей сложносочиненного предложения и указывает на то, что отрицательная в каком-л. отношении информация, о которой говорится до союза, компенсируется тем, о чем сообщается после него [14. С. 231; 15. С. 625].

ЗАТО <...>, *сз. противит.* Употр. для соединения слов и частей сложносочиненного предложения и указывает на то, что отрица-

тельная в каком-л. отношении информация, о которой говорится до союза, компенсируется (часто с избытком) тем, о чем сообщается после него (подчеркивание наше. – *И.Т.*) [14. С. 128; 15. С. 342].

НО ЗАТО <...>, *сз. противит.* Употр. для соединения слов и частей сложносочиненного предложения и указывает на то, что отрицательная в каком-л. отношении информация, о которой говорится до союза, компенсируется (обычно с избытком) тем, о чем сообщается после него (подчеркивание наше. – *И.Т.*) [14. С. 231].

Как видим, это почти одинаковые унифицированные толкования, отличающиеся только наличием или отсутствием определенного краткого комментария, который указывает на важный дифференциальный признак. Именно такой способ построения толкований для близкозначных союзов является, на наш взгляд, оптимальным (к неполному совпадению формулировок комментария мы придираться не будем).

Принципиальным отличием «Словаря русского языка XXI века» от большинства других толковых словарей является системный подход в описании лексики, для реализации которого было разработано несколько правил, применяемых составителями и редакторами:

1. Синонимические толкования (по модели **слово1/значение1 = слово2/значение2**) используются только в случае полного совпадения семантики, прагматики и стилистики двух и более слов (например, ЛИБО... ЛИБО <...> = Или ... или).

2. Стилистические синонимы, не имеющие семантических и прагматических отличий, толкуются с помощью нейтрального синонима и сопровождаются определенной стилистической пометой без каких-л. иных комментариев (например, И ВСЁ Ж ТАКИ <...> *Разг. Сниж.* И все-таки).

3. При применении синонимического толкования может использоваться только слово, относящееся к той же части речи, что и вокабула (например, союз ***следовательно*** не может толковаться с помощью местоименного наречия ***поэтому***, а союз ***все-таки*** – с помощью предлога ***несмотря на***).

4. При синонимах не может быть одинаковых или не совсем одинаковых, но неразличимых по смыслу толкований.

5. Близкозначные слова, которые отличаются семантическими и (или) прагматическими особенностями, должны сопровождаться разными четко различимыми толкованиями. И этот последний пункт представляется нам наиболее трудновыполнимым.

Тем не менее в результате продолжительной работы с языковым материалом, а также с лексикографическими изданиями, ориентированными на глубокое и многоаспектное описание служебных частей речи [7, 12, 14, 15] или на подробный лингвистических анализ семантики и прагматики синонимов [16], в результате изучения научной литературы, посвященной проблемам лексикографического описания союзов, в том числе выявлению дифференциальных признаков [17–23], а также по итогам обсуждений на заседаниях Лаборатории компьютерной лексикографии было принято решение для отражения наиболее тонких отличий между близкозначными союзами использовать типовые краткие комментарии, которые должны приводиться в конце толкований:

– с усилением или с бóльшим усилением;
– оттенком смягчительности;
– оттенком официальности;
– подчеркиванием противоречия, несоответствия;
– подчеркиванием противопоставления;
– подчеркиванием значимости явления, события, факта;
– подчеркиванием небезразличного отношения говорящего к ситуации;
– при нейтральном отношении говорящего к ситуации

и некоторые другие.

Ниже представлены примеры толкований с такими комментариями из «Словаря русского языка XXI века».

Ср. толкования союзов ***и то*** и ***но и то***:

И Т’О[1], *союз.*

Разг. <...>

2. Для присоединения части или члена предложения, вносящих еще большее ограничение в содержание того, о чем говорится в начале высказывания. *Я виделся с ним всего один раз, и то случайно. Сервис доступен только для зарегистрированных пользователей, и то не для всех.* <...>

НО И Т’О, *союз.*

Разг. И то[1] (2 зн.) (с б’ольшим усилением). *Помогало только сильное обезболивающее, но и то ненадолго. На выполнение такой работы вам потребуется не менее месяца, но и то лишь при условии, что вы опытный мастер.* <...>

Ср. толкования союзов ***значит*** и ***следовательно***:

ЗН’АЧИТ[2], *союз.*

Употр. для присоединения придаточной части сложноподчиненного предложения, содержащего вывод из главной части. *В окнах горит свет, значит хозяин еще не спит. Приятель отреагировал на вопрос совершенно спокойно, значит он ничего не знает.* <...>

СЛ’ЕДОВАТЕЛЬНО[2], *союз.*

Употр. для присоединения придаточной части сложноподчиненного предложения, содержащего вывод из главной части (обычно с оттенком официальности). *Изыскать дополнительные средства в бюджете будет нелегко, следовательно потребуется в корне пересмотреть систему осуществления закупок. Как показали результаты исследования, естественной освещенности рабочего места недостаточно, следовательно необходимо использовать дополнительное искусственное освещение.* <...>

Ср. толкования союзов ***и тем не менее, и все-таки, и все же***:

И ТЕМ НЕ М’ЕНЕЕ, *союз.*

Книжн. Употр. для присоединения члена или части предложения, в которой описываются явление, событие, факт и т.п., имеющие место вопреки тому, о чем говорится в начале высказывания (при нейтральном отношении говорящего к ситуации). *Много раз выступал с докладами и тем не менее волновался. Билеты на концерты дорожают, и тем не менее спрос на них есть.* <...>

И ВСЁ-ТАКИ[2], *союз.*

Употр. для присоединения части или члена предложения, которые описывают явление, событие, факт и т. п., имеющие место вопреки тому, о чем говорится в начале высказывания (с подчеркиванием небезразличного отношения говорящего к ситуации). *Всегда старался одеваться тепло и все-таки простудился. Посетителей в ресторане почти не было, и все-таки пришлось ждать заказ более получаса.* <...>

И ВСЁ ЖЕ[2], *союз.*

И все-таки[2] (с оттенком смягчительности). *Поначалу не хотел ехать и все же решился. Линия была постоянно занята, и все же мне удалось дозвониться. Мы потратили на работу много времени и сил и все же не смогли решить поставленную задачу.* <...>

Ср. толкования соотносимых значений союзов ***а*** и ***но***:

А[2], *союз.*

<...>

2. Для соединения частей предложения, называющих одновременно существующие признаки или явления, которые обычно противоречат, не соответствуют друг другу (с подчеркиванием этого противоречия, несоответствия). *Солнца нет, а на улице тепло. На дворе апрель, а у нас опять снег пошел.* <...>

<...>

НО[1], *союз.*

<...>

4. Для соединения частей или членов предложения, называющих одновременно существующие признаки или явления, которые обычно противоречат, не соответствуют друг другу. *Сейчас июнь, но на улице по-прежнему холодно. Все небо заволокло тучами, но дождя не было.* <...>

<...>

А[2], *союз.*

<...>

8. Для присоединения части или члена предложения, сообщающих об изменении ситуации по отношению к тому, о чем говорится в начале высказывания. *Раньше она не интересовалась танцами, а тут вдруг решила попробовать. Сначала он согласился принять участие в совместном проекте, а через некоторое время почему-то передумал.*

<...>

НО[1], *союз.*

<...>

8. Для присоединения части или члена предложения, сообщающих об изменении ситуации по отношению к тому, о чем говорится в начале высказывания (с подчеркиванием противопоставления первоначальной и последующей ситуации). *Я вовсе не собирался идти на праздник, но потом передумал. Поначалу сын не хотел ехать в лагерь, но его уговорили. Первое время выступать перед аудиторией было страшно, но потом я привыкла.* <...>

<...>

А[2], *союз.*

<...>

10. Для присоединения части или члена предложения, которые описывают явление, событие, факт и т.п., имеющие место вопреки

тому, о чем говорится в начале высказывания (с подчеркиванием значимости этого явления, события, факта). *Он, может, и умный, а мне совсем не симпатичен. Вроде бы безобидные шутки, а неприятно. Здесь хоть и тесновато, а уютно.* <...>

<...>

НО[1], *союз.*

<...>

13. Для присоединения части или члена предложения, которые описывают явление, событие, факт и т.п., имеющие место вопреки тому, о чем говорится в начале высказывания. *Может, это и полезно для здоровья, но есть это совершенно невозможно. Спортсмен только оправился от травмы, но уже готовится к соревнованиям. Он хоть и маленький, но сильный.* <...>

<...>

Отметим, что подобные комментарии в толкованиях к служебным словам вовсе не являются нашим нововведением. Так, формулировка «с оттенком...» встречается в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой: «БУДТО <...> 2. *союз.* То же, что что[2] (в 1 знач.) (с оттенком недоверия, сомнения)» [8. С. 62], «То ли... то ли, *союз повторяющийся* (разг.) – выражает противопоставление с оттенком неуверенности, неясности, неопределенности» [8. С. 800], упоминание об усилительности можно найти в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «Даже и – то же, что даже (с усилением)» [9. Т. 1. С. 648], о смягчительности – в «Словаре служебных слов русского языка» под ред. Е.А. Стародумовой в статье ***все-таки***: «”Все же” выражает то же значение, но в несколько смягченной форме» [12. С. 92]), а идея указания на небезразличное или нейтральное отношение говорящего к ситуации заимствована нами у В.Ю. Апресян, которая по этому признаку противопоставляет слова ***все-таки*** и ***тем не менее*** [19. С. 671].

К сожалению, при выявлении таких тонких семантических и прагматических отличий между неполными синонимами есть некоторая опасность субъективного восприятия автором словарной статьи этих компонентов значения, и это подтверждается различиями в отражении таких компонентов в разных словарях (ср., с одной стороны, выделение дифференциального признака «в несколько смягченной форме» у эквивалента слова ***все же*** в сравнении с ***все-таки*** в «Словаре служебных слов русского языка» под ред. Е.А. Стародумовой [12.

С. 92] и, с другой стороны, отсутствие какого-л. указания на дифференциальные признаки в словарных статьях ***все же*** и ***все-таки*** в «Словаре структурных слов русского языка» и «Большом универсальном словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина [14. С. 75–76; 15. С. 147–148]; см. также у В.Ю. Апресян обоснование того, что такие признаки трудно обнаружить и сформулировать, поскольку данные единицы во всех контекстах взаимозаменяемы [19. С. 674]).

Несмотря на то, что служебные части речи, в том числе союзы, которым посвящена эта статья, относятся к лексике основного словарного фонда и поэтому практически не подвержены семантическим изменениям с течением времени, несмотря на то, что они уже многократно описаны в толковых словарях как общего типа, так и собственно служебных слов, мы далеко не всегда можем использовать готовые толкования и вынуждены их дорабатывать. Таким образом, особенностью «Словаря русского языка XXI века», его отличием от большинства других толковых словарей является не только отражение лексических и семантических инноваций, но и изменение общего принципа описания лексики основного словарного фонда, в которой никаких подобных изменений с течением времени не произошло.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что автор статьи вовсе не преследовал цели критиковать академические толковые словари и тот колоссальный труд, который проделали наши весьма авторитетные предшественники. Приводя примеры словарных статей из разных словарей русского языка, мы хотели показать отличие в самом подходе к построению толкований в «Словаре русского языка XXI века». Приемы толкования мы используем по-прежнему традиционные, однако стремимся применять их более последовательно и более системно.

Литература

1. *Скляревская Г.Н.* Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2004. 80 с.

2. *Нормативный* толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2007. 264 с.

3. *Современный* толковый словарь живого русского языка»: на пути к завершению / отв. ред. проф. Г.Н. Скляревская. СПб. : Златоуст, 2016. 212 с.

4. *Словарь* русского языка XXI века: Проект / под ред. Г.Н. Скляревской. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 144 с.

5. *Бабкин А.М.* Новый академический словарь русского языка: Проспект. Л. : Наука, 1971. 41 с.

6. *Шведова Н.Ю.* Однотомный толковый словарь (специфика жанра и некоторые перспективы дальнейшей работы) // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения IX–X. М. : Наука, 1981. С. 166–179.

7. *Рогожникова Р.П.* Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М. : Русский язык, 1991. 254 с.

8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

9. *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

10. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1965.

11. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1985–1988.

12. *Словарь* служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2001. 363 с.

13. *Активный* словарь русского языка / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.А. Лопухина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон ; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. 736 с.

14. *Словарь* структурных слов русского языка / В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачева, И.Н. Копылова, Е.Г. Борисова, И.Д. Успенская ; под ред. проф. В.В. Морковкина. М. : Лазурь, 1997. 420 с.

15. *Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М. : АСТ-Пресс Школа, 2018. 1456 с.

16. *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон; под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М. : Школа «Языки русской культуры», 2003. 1488 с.

17. *Рогожникова Р.П.* О лексикографическом описании союзов русского языка (по материалам современных словарей) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 94–100.

18. *Санников В.З.* Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М. : Наука, 1989. 266 с.

19. *Апресян В.Ю.* Уступительность в языке // Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2006. С. 615–710.

20. *Урысон Е.В.* Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М. : Языки славянских культур, 2011. 336 с.

21. *Исследования* по русскому языку: от конструкций к функционированию : сб. ст. к 90-летию Аллы Федоровны Прияткиной / отв. ред. Е.А. Стародумова, А.А. Анисова, И.Н. Токарчук. Владивосток : Дальневост. федеральный ун-т, 2016. 286 с.

22. *Ковтуненко И.В.* Сочинительные союзы в контрастивном аспекте: семантика, функции, прагматика (на материале русского и французского языков) / под ред. Г.Ф. Гавриловой. Ростов н/Д : Академ Лит, 2016. 126 с.

23. *Семантика* коннекторов: контрастивное исследование / под науч. ред. О.Ю. Иньковой. М. : ТОРУС ПРЕСС, 2018. 368 с.

A Systemic Description of Conjunctions in an Explanatory Dictionary: Main Problems and Their Solutions

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 150–166.
DOI: 10.17223/22274200/18/8

Irina O. Tkacheva, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: irina-tkach@yandex.ru

Keywords: modern Russian Language, explanatory lexicography, lexical system, interdependence of definitions, lexicographic description of conjunctions, non-absolute synonyms.

The article considers the problems of the systemic principle implementation in the *Dictionary of the 21st-Century Russian Language* (compiled under the guidance of Doctor of Philology, Professor Galina N. Sklyarevskaya at the Herzen State Pedagogical University of Russia). According to this principle, words connected by different types of relations in the lexical system must be described in parallel to correlate definitions to each other. Therefore, the dictionary has been compiled not from word to word in alphabetical order, but by combining words in lexical groups and word families, then describing words belonging to one lexical group or word family, and then arranging the finished entries alphabetically. The main difficulties of applying the systemic principle arise because of the necessity to differentiate the meanings of non-absolute synonyms by finding differential semes, while synonymous conjunctions (as well as other functional parts of speech) are usually distinguished only by subtle semantic and pragmatic properties, and this fact complicates the task of their lexicographical interpretation. The analysis of definitions in the Russian explanatory dictionaries shows that there are several ways to define conjunctions with similar, but not equal meanings: 1) by listing several synonyms (each conjunction is defined by two or more synonymic conjunctions without describing the meaning); 2) by giving identical or similar formal definitions, which indicate only a type of a conjunction or a type of a joined clause or construction; 3) by giving equal descriptive definitions; 4) by giving descriptive definitions that are not identical but at the same time indistinguishable; 5) by giving similar, but not identical descriptive definitions indicating the difference between non-equal meanings. In the author's opinion, the last way of constructing definitions is optimal for describing conjunctions with similar meanings, but it is applied rarely and inconsistently. The compilers of the *Dictionary of the 21st-Century Russian Language* have a task to compose definitions this way and not to give the same or similar, but indistinguishable interpreta-

tions for different words. As a result of extensive work on dictionary entries, it was decided to use typical short commentaries (indicating intensity, softening, redundancy, a certain speaker's attitude to the situation, etc.) that should be given at the end of the definitions to show the most subtle semantic and pragmatic differences. Thus, the main feature of the *Dictionary of the 21st-Century Russian Language*, its main difference from most of the other explanatory dictionaries is that it not only describes lexical and semantic innovations, but also changes the general principle of describing the basic lexicon, in which no such changes have occurred over time. The lexicographical methods of constructing definitions the dictionary uses are traditional, but the dictionary compilers try to apply them more consistently and more systematically.

References

1. Sklyarevskaya, G.N. (2004) *Sovremennyy tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka. Obosnovanie kontseptsii. Probnye slovarnye stat'i* [Modern explanatory dictionary of the living Russian language. Rationale for the concept. Trial dictionary entries]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.

2. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2007) *Normativnyy tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka: teoreticheskie problemy i prakticheskie trudnosti* [Normative explanatory dictionary of the living Russian language: theoretical problems and practical difficulties]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.

3. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2016) *"Sovremennyy tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyka": na puti k zavershenіyu* ["Modern Explanatory Dictionary of the Living Russian Language": on the way to completion]. St. Petersburg: Zlatoust.

4. Sklyarevskaya, G.N. (ed.) (2019) *Slovar' russkogo yazyka XXI veka: Proekt* [Dictionary of the 21st-Century Russian Language: A project]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University.

5. Babkin, A.M. (1971) *Novyy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: Prospekt* [A New Academic Dictionary of the Russian Language: A prospect]. Leningrad: Nauka.

6. Shvedova, N.Yu. (1981) Odnotomnyy tolkovyy slovar' (spetsifika zhanra i nekotorye perspektivy dal'neyshey raboty) [One-volume explanatory dictionary (specificity of the genre and some prospects for further work)]. In: *Russkiy yazyk. Problemy khudozhestvennoy rechi. Leksikologiya i leksikografiya. Vinogradovskie chteniya IX–X* [Russian language. Problems of literary speech. Lexicology and Lexicography. Vinogradov Readings IX–X]. Moscow: Nauka. pp. 166–179.

7. Rogozhnikova, R.P. (1991) *Slovar' ekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of word equivalents: adverbial, functional, modal unities]. Moscow: Russkiy yazyk.

8. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.

9. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

10. Chernyshyov, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

11. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

12. Starodumova, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of functional words of the Russian language]. Vladivostok: Far Eastern State University.

13. Apresyan, Yu.D. et al. (eds) (2014) *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* [The active dictionary of the Russian language]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

14. Morkovkin, V.V. (ed.) (1997) *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of structural words of the Russian language]. Moscow: Lazur'.

15. Morkovkin, V.V. (ed.) (2018) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [The big universal dictionary of the Russian language]. Moscow: AST-PRESS ShKOLA.

16. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2003) *Novyy ob"yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

17. Rogozhnikova, R.P. (1974) O leksikograficheskom opisanii soyuzov russkogo yazyka (po materialam sovremennykh slovarey) [On the lexicographic description of Russian conjunctions (based on the materials of modern dictionaries)]. In: Filin, F.P. (ed.) *Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochnoslavyanskikh yazykov* [Issues of historical lexicology and lexicography of East Slavic languages]. Moscow: Nauka. pp. 94–100.

18. Sannikov, V.Z. (1989) *Russkie sochinitel'nye konstruktsii: semantika, pragmatika, sintaksis* [Russian coordinating constructions: semantics, pragmatics, syntax]. Moscow: Nauka.

19. Apresyan, V.Yu. (2006) Ustupitel'nost' v yazyke [Concession in language]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Linguistic picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 615–710.

20. Uryson, E.V. (2011) *Opyt opisaniya semantiki soyuzov: Lingvisticheskie dannye o deyatel'nosti soznaniya* [The experience of describing the semantics of conjunctions: Linguistic data on the activity of consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

21. Starodumova, E.A., Anisova, A.A. & Tokarchuk, I.N. (eds) (2016) *Issledovaniya po russkomu yazyku: ot konstruktsiy k funktsionirovaniyu: sbornik statey k 90-letiyu Ally Fedorovny Priyatkinoy* [Studies in the Russian language: from constructions to functioning: a collection of articles for the 90th anniversary of Alla Fedorovna Priyatkina]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

22. Kovtunenko, I.V. (2016) *Sochinitel'nye soyuzy v kontrastivnom aspekte: semantika, funktsii, pragmatika (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Coordinating conjunctions in a contrastive aspect: semantics, functions, pragmatics (based on the Russian and French languages)]. Rostov-on-Don: Akadem Lit.

23. In'kova, O.Yu. (ed.) (2018) *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of connectors: a contrastive study]. Moscow: TORUS PRESS.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 81’374.3
DOI: 10.17223/22274200/18/9

Р.И. Воронцов

«БОЛЬШОЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА» КАК ЗЕРКАЛО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЛОВ С КОРНЕМ *ТОРГ-*

Проанализирована динамика фрагмента русской языковой картины мира, преломленной в практике академической лексикографии. По данным трех изданий Большого академического словаря русского языка (БАС), отразивших 80 лет истории советского и российского общества, выявляется социокультурная динамика концептуальной сферы торговли и ее лексико-семантическое воплощение. Основное внимание уделено анализу словарной интерпретации слов с корнем торг- *и обоснованию новых лексикографических решений.*
Ключевые слова: *академическая лексикография, толковый словарь, Большой академический словарь русского языка, лексическая семантика, языковая картина мира, социокультурная динамика, экономика, торговля.*

Большой академический словарь русского языка (далее – БАС) – самое крупное и фундаментальное произведение отечественной лексикографии – превосходит все прочие словари русского языка как по объему словника, так и по детальности семантической разработки лексики. БАС представляет словарный состав русского языка в диахронической перспективе, отражая динамику лексико-семантической системы на протяжении XIX–XXI вв. Главным критерием отбора лексики для словника является ее общеупотребительность, подтверждающаяся использованием слова в текстах художественной литературы как классического периода, так и более поздней, в том числе современной. В то же время Словарь содержит и многие слова ограниченного употребления (устаревшую, специальную лексику, диалектизмы, жаргонизмы), которые, однако, достаточно широко используются в разговорной речи, в художественной и научно-популярной литерату-

ре. Такой подход к формированию словника характерен для БАС на всем протяжении его истории: ср. принципы, декларируемые в Инструкции 1958 г. [1. С. 10–17] и в Предисловии к современному изданию [2. С. 3].

Словарь выдержал три издания: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965 (далее – БАС-1) [3], Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. (изданы тома 1–6). М., 1991–1994 (далее – БАС-2) [4]; Большой академический словарь русского языка: т. 1–26. М.; СПб., 2004 – по настоящее время (далее – БАС-3) [5]. Три издания БАС – это памятники эпох, в которые они создавались. В них отражен социокультурный фон времени, проецирующийся на специфику большинства аспектов лексикографического описания: от собственно семантической характеристики и функционально-стилистической отнесенности слова до подбора цитат и речений. По материалам БАС прослеживаются процессы пополнения словарного состава и устаревания лексики, выявляются признаки идейно-философской и конъюнктурно-политической обусловленности лексикографических решений, обнаруживаются тенденции демократизации речевого поведения, заимствования иноязычной лексики, терминологизации/детерминологизации лексических единиц.

Отражая динамику русской языковой картины мира последних 80 лет, три издания БАС в целом сохраняют единство концепции и принципов составления. Благодаря такому единству сопоставительное исследование разных изданий Словаря позволяет с достаточной степенью достоверности выявлять динамику концептуальных представлений носителей русского языка в ее лексико-семантическом воплощении.

Одной из сфер жизни советского и российского общества, в которых за последние полвека произошли коренные изменения, стала экономика. Именно эта сфера, по наблюдениям К.В. Томашевской, характеризуется особенно активной языковой и, в частности, лексико-семантической динамикой, здесь происходят значительные «изменения в общественном сознании, ментальности носителя языка» [6. С. 3]. К существенным изменениям лексико-семантической системы русского языка привел, с одной стороны, переход от плановой экономической системы СССР к экономике рыночного типа, а с другой – глобализация экономики в мировом масштабе.

Результатом перемен стал целый ряд языковых фактов. Во-первых, вместе с новой экономической действительностью появились новые понятия и обозначающие их слова, часто заимствованные или калькированные (*аудит, дистрибьютор, маркетинг, налог на сверхприбыль, рекламодатель, транснациональная корпорация, фьючерсы*). Во-вторых, в разряд историзмов перешли слова и значения, обозначающие реалии советской экономики (*колхоз, кооператив, торгфлот, трудодни*). В-третьих, в семантической структуре многих слов произошли коннотативные сдвиги или, по терминологии Р. Ратмайр, «переоценки», что особенно характерно для понятий, которые в советское время трактовались через принадлежность к враждебному миру западного капитализма (*акция, коммерция, конкуренция, предприниматель, рынок*) [7. С. 59–73].

Существенные смысловые и аксиологические сдвиги произошли в представлении носителей русского языка о торговле как одной из важнейших сфер экономики страны. В рамках марксистско-ленинской парадигмы советская торговля коренным образом отличалась от капиталистической, так как опиралась не на частное производство, а на общественное и не зависела от конкуренции между производителями товаров [8. С. 13]. С развитием же в России свободного рынка именно частная инициатива, предпринимательство и, как следствие, конкурентная борьба в значительной степени становятся двигателями экономики. В этой связи показательно, что толкование слова *конкуренция* в БАС-1 сопровождается острокритическими цитатами из классиков марксизма, а в БАС-3 содержит коннотативно и идеологически нейтральное описание.

Концептуальная сфера торговли в русской языковой картине мира, прежде всего, объективируется рядом полисемантов с корнем *торг-*, среди которых центральное место занимают такие слова с развернутой смысловой структурой, как *торг (торги), торговать, торговаться, торговля, торговый*. Эти лексические единицы функционируют и как обозначения научных понятий, и как слова обиходной речи. Следовательно, социокультурная динамика в осмыслении носителями языка торговли и торговых отношений затрагивает как сугубо экономические, так и детерминологизированные значения, смысловые оттенки и употребления данных слов.

Непосредственной задачей настоящей статьи является анализ семантической динамики слов с корнем *торг-* по данным трех изданий

БАС. Поскольку издание БАС-2 ограничено первыми шестью томами, а соответствующий том БАС-3 только готовится к печати, в том числе при участии автора статьи, в исследовании анализируются неопубликованные рабочие материалы (рукописи), имеющиеся в нашем распоряжении, а также обосновываются новые лексикографические решения. Семантическая динамика слов с корнем *торг-* рассматривается в двух аспектах: как отражение лексикографических установок составителей словаря и как лексико-семантическое воплощение русской языковой картины мира.

Актуальность работы обусловлена необходимостью лингвистического и социокультурологического обобщения динамических процессов, происходящих в русской лексике на протяжении XX – начала XXI в. Лексико-семантическое воплощение изменений, характерных для частного фрагмента русской языковой картины мира, анализируется на достоверном материале академической лексикографии. Привлечение БАС в качестве основного источника материала определяет и новизну исследования: во-первых, оно позволяет комплексно обобщить аспекты языковой и социокультурной динамики концептуальной сферы торговли за последние 80 лет, а во-вторых, на такой базе удается проследить за изменениями в словарной интерпретации этой динамики и аргументировать необходимость новых лексикографических подходов.

С точки зрения лексикографической интерпретации лексической семантики динамика представлена общей для БАС тенденцией к ***дифференциации значений***, к укрупнению и детализации смысловой структуры многозначного слова [9. С. 953; 10. С. 186]. Данная тенденция заметна в БАС-2 при сопоставлении его с БАС-1 и еще более актуальна для издаваемого ныне БАС-3. Она проявляется в пополнении существовавших ранее словарных статей новыми лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), а также в переосмыслении отмечаемых в БАС-1 оттенков значения и придании некоторым из них статуса самостоятельных ЛСВ. Примером может послужить смысловая структура слова *торгаш*. Если в БАС-1 это разговорное слово толкуется как однозначное (‘мелочной торговец’) с двумя оттенками: ‘*пренебр.* торговец, купец вообще’ и ‘*перен.* о стяжателе, корыстолюбце’, то в БАС-2 первый из оттенков предлагается описывать как самостоятельное значение, а второй, переносный, вообще исключается из смысловой структуры. Последнее из этих решений, возможно,

мотивировано тем, что в социокультурной обстановке конца XX в. частная торговля перестала восприниматься как нечто постыдное или нелегальное, что привело к ослаблению отрицательной экспрессии данного слова. Тем не менее текстовый материал (в том числе относящийся к последним десятилетиям) показывает, что семантика стяжательства и корыстолюбия у слова *торгаш* по-прежнему востребована и активно используется носителями языка. Ср.: *Был он* [начальник госпиталя] *вор и торгаш, однако Павлу Алексеевичу обязан…* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); *Фу! Торгаши – они и есть торгаши. Надо жить так, чтобы ты был сам по себе* (Г. Щербакова. Три любви Маши Передреевой). В связи с этим в БАС-3 собственно «торговая» денотативная семантика слова *торгаш* сводится в первое значение ‘мелочной торговец’ с оттенком ‘*пренебр.* о торговце, работнике торговли’, а переносная семантика представлена как второе значение ‘*презрит.* беспринципный человек, который превыше всего ставит свою личную выгоду, личный интерес’ с оттенком ‘человек, торгующий своей совестью, убеждениями, талантом и т.п.’. Такое лексикографическое решение позволяет более точно охарактеризовать и смысловую структуру соотносительного слова *торгашество*, которая, по данным БАС-1 и БАС-2, состоит из двух значений (‘*разг.* занятие торгаша; торговля’ и ‘*разг. пренебр.* поведение, поступки торгаша; стремление к наживе, к личной выгоде’). Таким образом, при сохранении структуры словарной статьи *торгашество* в БАС-3 уточняется деривационная характеристика значений: первое соотносится с первым значением слова *торгаш*, второе – со вторым.

Смысловая дифференциация оказывается удачным решением и при описании второго значения глагола *торговать*. В БАС-1 и БАС-2 данный ЛСВ представлен идентично: ‘*перен.* предоставлять кого-, что-либо в чье-либо распоряжение за деньги; извлекать из чего-либо материальную выгоду’, что подтверждается приводимыми цитатами. В то же время другие примеры употребления показывают, что не всегда приобретаемая выгода является материальной (по меньшей мере, не всегда это очевидно). Ср., например: *А я ничем не торгую, а те своими идеалами торгуют* (Н. Гарин-Михайловский. Студенты); *Везде я искал и не находил бога, бога нет, его выдумали те, кто торгует его именем* (В. Ян. Чингиз-хан; *– Да отпусти ты его. А то будет потом синяками торговать… Державший меня омоновец разжал свои клешни* (В. Пелевин. Бэтман Аполло). В связи с этим в БАС-3 второе

значение слова *торговать* трактуется как ‘*перен.* предоставлять кого, что-либо в чье-либо распоряжение за деньги’ с оттенком ‘извлекать из чего-либо выгоду; поступаться чем-либо ради выгоды’ и сопровождается соответствующими иллюстрациями.

Тенденция к более развернутому описанию смысловой структуры слова в БАС-3 обусловливает рост числа устойчивых сочетаний, помещаемых в особом разделе словарной статьи [9. С. 953]. В случае с анализируемыми словами эта лексикографическая тенденция обусловливается социокультурными изменениями: в связи с экономическими переменами в активное употребление входят новые сочетания, обозначающие новые реалии. Так, важной тенденцией семантической динамики слов с корнем *торг-* становится ***появление неологизмов в области лексической сочетаемости***.

Особую продуктивность в части образования новых устойчивых сочетаний демонстрирует прилагательное *торговый*. В БАС-3 фиксируется словосочетание *торговый центр* (‘универсальный магазин или комплекс магазинов, обычно включающий предприятия бытового обслуживания’), отсутствующее в БАС-1 и БАС-2. Впервые зарегистрированное в словаре-справочнике «Новые слова и значения» по материалам прессы 1970-х гг. [11], это словосочетание получило широкое распространение в начале XXI в. Еще одним неологизмом, впервые включаемым в академический толковый словарь, является словосочетание *торговый представитель* в значении ‘лицо, осуществляющее продажу товаров и услуг от имени торговой компании’, ранее фиксировавшееся только в сокращенной форме *торгпред* в значении ‘глава торгового представительства какой-либо страны за рубежом’. Данный неологизм – примета самого последнего времени, но он имеет столь широкое распространение, что уже сейчас встречается в литературных текстах. Ср.: *Чаще всего дети грищенковских друзей, окончив институты, работают продавцами или торговыми представителями.* Е. Пищикова, Пятиэтажная Россия (2008).

Кроме того, в БАС-3 (вслед за БАС-2) описывается словосочетание *торговая сеть* в значении ‘совокупность предприятий по продаже товаров и снабжению ими торговых организаций’. Характерно, что данное словосочетание зафиксировано и в БАС-1, но в его семантике актуализированы другие оттенки: ‘совокупность магазинов, ларьков, палаток и т.п. в какой-либо местности’. Семантическая динамика данного сочетания может быть проиллюстрирована цитатами. Ср.: *Сейчас*

правление, а мне еще надо в райсовет насчет планирования торговой сети (И. Катаев. Сердце (1927)). [Капитан:] *Вы в торговой сети работаете?* [Жених:] *Боже упаси, производственник* (Г. Владимов. Шестой солдат (1981)). *«Стать на ноги» – ...это значит... создать свою торговую сеть, организацию, а не точку какую-нибудь жалкую, а именно организацию: со скупщиками, экспедиторами, поставщиками, добытчиками* (Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)).

Смежным явлением оказывается активное ***образование сложных слов*** с первой частью *торгово-*. По данным словарей новых слов [12, 13] и орфографического словаря [14], данная словообразовательная модель в последние десятилетия демонстрирует стабильно высокую продуктивность. Список подобных новаций занимает значительное место даже в порядке простого перечисления: *торгово-выставочный, торгово-деловой, торгово-депозитарный, торгово-досуговый, торгово-заготовительный, торгово-закупочный, торгово-комиссионный, торгово-культурный, торгово-офисный, торгово-перевозный, торгово-посреднический, торгово-правовой, торгово-промышленный, торгово-развлекательный, торгово-распределительный, торгово-ремесленный, торгово-сервисный, торгово-строительный, торгово-универсальный, торгово-финансовый, торгово-экономический, торгово-ярмарочный*. Очевидно, что не все эти образования находят отражение в академическом толковом словаре. Так, в БАС-1 включено только слово *торгово-промышленный*. В БАС-2 актуализация этой модели отражена в словарной статье *торгово…* – ‘первая часть сложных слов, вносящ. знач. слов торговый, торговля’, отдельного описания удостаиваются слова *торгово-промышленный, торгово-экономический*. БАС-3 следует за своим предшественником, дополняя данный лексический ряд общеупотребительным сейчас словом *торгово-развлекательный*. Отбор слов для отдельного описания объясняется наличием иллюстративного материала, подтверждающего их употребление в текстах современной художественной литературы.

Появление неологизмов неизбежно сопровождается обратным процессом – ***устареванием слов и значений***. В частности, помета *устар.* в БАС-3 используется при описании слова *торговый* в значении существительного (‘человек, занимающийся торговлей’). В БАС-1 и БАС-2 такое словоупотребление не маркировано хронологически, несмотря на то что иллюстрируется цитатами, датируемыми концом XIX в. (ср.: *Досуга у городских торговых меньше, чем у слобожан*. В. Короленко,

Ненастоящий город) и не подтверждается примерами из современных текстов. Другой пример устаревания лексической единицы связан с ее переходом в разряд историзмов: слово *2. торг* (‘торговая организация, учреждение, ведающее торговлей в каком-либо районе или какой-либо отраслью торговли’), представленное в БАС-1 и БАС-2 как актуальное, в БАС-3 описывается с использованием ремарки «в советское время» (см. о ней [2. С. 5]).

Анализ хронологической характеристики рассматриваемой лексики по данным трех изданий БАС вводит в поле внимания такое динамическое явление, как ***актуализация устаревших лексико-семантических вариантов***. Некоторые слова и значения, сопровождающиеся в БАС-1 и иногда в БАС-2 пометой *устар.*, в БАС-3 должны быть представлены без такой пометы, поскольку их активное использование в современной речи подтверждается иллюстративным материалом. Тем не менее при внимательном рассмотрении выясняется, что в ряде случаев такая актуализация является ***мнимой***, обусловленной не объективными обстоятельствами исторического развития, а идеологическим влиянием на лексикографические решения составителей БАС-1. Многие понятия экономической сферы и, в частности, торговли в советском обществе воспринимались или как морально неприемлемые, или как характерные исключительно для дореволюционной эпохи и капиталистического мира. Прежде всего, сюда относятся наименования реалий рыночной экономики и частной торговли (*предприниматель, коммерсант, конкуренция, рынок* и т.д.). Однако исторический перелом начала 1990-х гг. показал, что данная лексика всегда была употребительной, в том числе в текстах советского периода, не привлекавшихся в качестве иллюстративного материала при составлении БАС-1.

Среди слов с корнем *торг-* к данной группе можно отнести целый ряд ЛСВ. Так, в БАС-1 и БАС-2 у слова *торговля* выделяется значение ‘торговое предприятие (магазин, лавка и т.п.)’, которое сопровождается пометой *устар.* и цитатами из произведений конца XIX – начала XX в. (А.И. Куприна, М. Горького, А.Н. Толстого). Тем не менее этот ЛСВ можно найти и в современных текстах. Ср.: *Курбан-байрам – совсем не их праздник, просто у этой семьи хорошая торговля в мясных рядах в Чехове* (А. Иличевский. Курбан-байрам (2004)). В БАС-3 данное значение слова *торговля* трактуется как актуальное.

Примером мнимой актуализации служит третье значение глагола *торговать*: ‘*устар. и прост.* собираясь купить что-либо, добиваться уступки в цене’. В БАС-1 это значение иллюстрируется цитатами из произведений М.Ю. Лермонтова, А.Н. Островского и И.А. Бунина, в материалах БАС-2 добавлена цитата из романа А.С. Иванова «Вечный зов» (действие цитируемого эпизода происходит в 1942 г.). Однако подобное словоупотребление обнаруживается и позднее: например, в запрещенном в советские годы романе В.П. Аксенова «Остров Крым» (1979, первое издание в СССР – 1990): *Арсений Николаевич сказал Тане, что хитрый Бакстер торгует у него часть горы*, а также в современной художественной литературе: *И скороговоркой на суржике представала перед гостями какая-нибудь Оксана Петровна Федько, торгующая на рынке дюжину яиц: «Та то ж у вас разве яйца?!»* (Д. Рубина. Медная шкатулка). Учитывая факты текстового употребления, в БАС-3 из описания данного ЛСВ исключается помета *устар*.

Аналогичным образом можно охарактеризовать семантическую динамику устойчивого сочетания *по торговой части пойти* (*жить, быть* и т.п.): ‘*устар. разг.* заниматься торговлей’ (БАС-1 и БАС-2). К цитатам из произведений Д.В. Григоровича, А.П. Чехова и А.С. Серафимовича, приводимым в первых изданиях БАС, можно добавить, например, иллюстрацию из написанного С.Д. Довлатовым в эмиграции в 1980-х гг. и не публиковавшегося в Советском Союзе сборника рассказов «Наши»: [Моня] *сказал, что Леопольд идет по торговой части*. Кроме того, довольно частотно подобное словоупотребление и в литературе последнего времени, ср.: *Я человек не военный, я все больше по торговой части* (П. Галицкий. Цена Шагала (2000)); *Но бог с ним, с Валидом. Сам он – так, по торговой части, мотоциклы-мопеды-насосы* (Д. Рубина. Блудный сын (2014)). Очевидно, что в современном толковом словаре данное словосочетание должно описываться как актуальное.

Легко заметить, что три показанных примера актуализации слов, словосочетаний и их значений относятся к концептуальной сфере частной торговли, запрещенной в СССР и воспринимавшейся в рамках официальной идеологии как незаконная и осуждаемая деятельность. Скорее всего, именно этим фактом социокультурной обусловленности, вкупе с невозможностью цитирования в словаре некоторых произведений художественной литературы, объясняется хронологи-

ческая маркированность названных единиц в БАС-1 и в рукописи БАС-2.

Еще один яркий случай актуализации представлен четвертым значением слова *1. торг*: ‘*устар.* аукцион’ (по данным БАС-1 и БАС-2). Несмотря на активную работу аукционных домов и биржевые торги, во многом определявшие экономику западных стран в XX в., в Советском Союзе эта деятельность была запрещена, чем, по-видимому, и обусловлена хронологическая характеристика данного значения в первых изданиях БАС: оно трактуется как свойственное старой, преимущественно дореволюционной российской действительности. Тем не менее социокультурная динамика, затронувшая план содержания этого ЛСВ в конце XX – начале XXI в., потребовала значительной переработки соответствующей словарной статьи в БАС-3.

Прежде всего, в новом словаре необходимо отказаться от пометы *устар.*, так как текстовый материал однозначно подтверждает актуальность данной единицы. Ср.: *Кроме того, раньше сами консультации осуществлялись преимущественно за границей, когда при подготовке торгов приглашались эксперты* (А. Маринина. Последний рассвет (2013)). Данное изменение влечет за собой и смену грамматической характеристики: если в БАС-1 и БАС-2 форма множественного числа в значении единственного указывалась у этого ЛСВ как факультативная, то в БАС-3, напротив, толкование значения содержит помету *обычно мн.*, а форма единственного числа трактуется как неактуальная и сопровождается пометой *устар.*: в единственном числе слово *1. торг* в значении ‘аукцион’ встречается в художественной литературе не позднее первой четверти XX в., тогда как все современные употребления используют форму множественного числа.

В БАС-1 у четвертого значения слова *1. торг* выделяется оттенок: ‘состязательный порядок сдачи казенных подрядов, поставок, при котором подряд или поставку получает тот претендент, который предлагает казне более выгодные условия’, сопровождаемый цитатами из произведений А.Ф. Писемского, П.И. Мельникова-Печерского и Г.И. Успенского. В рукописи БАС-2 добавлена помета *мн.*, отражающая названную выше тенденцию современного употребления данного ЛСВ, но подтверждаемая иллюстрацией из научно-популярной книги А.И. Аникина «Юность науки», посвященной идеям европейских экономистов XVII–XIX вв. Таким образом, торги как процедура выбора государственного подрядчика логично трактуются словарем как

явление, чуждое экономической жизни СССР. Однако в российских рыночных реалиях начала XXI в. в связи с развитием антимонопольного законодательства и регулированием государственных закупок данное экономическое явление возрождается, а слово *торги* входит в активное употребление среди специалистов и участников процедуры: *публичные торги, имущественные торги, торги по продаже недвижимости, торги на выполнение строительных работ* и т.д. Поскольку в художественной литературе пока не удается найти подтверждающих иллюстраций, данный оттенок значения включается в БАС-3 с пометой *спец.* и несколько уточненной дефиницией: ‘состязательная форма государственных закупок или сдачи государственных подрядов, при которой предпочтение отдается поставщику или подрядчику, предложившему наиболее выгодные условия’.

В заключение подчеркнем, что проанализированные аспекты семантической динамики слов с корнем *торг-*, по данным БАС, в полной мере отражают общий вектор осмысления носителями языка экономической сферы. Прежде всего, речь идет об общественной переоценке рыночных отношений, торговли и частного предпринимательства. Объективация этой переоценки посредством лексических единиц и их значений, затрагивающая в том числе и обиходные употребления слов, является важным предметом словарного описания и требует выработки объективных и взвешенных лексикографических решений.

Среди таких решений, принятых при составлении БАС-3, наиболее важными представляются следующие: пополнение или сокращение словника, обусловленное появлением новых понятий или исчезновением из актуального употребления слов и словосочетаний, переходом их в разряд историзмов; уточнение и детализация семантической структуры многозначных слов, определяющаяся как общей тенденцией БАС к дифференциации значений, так и меняющимся социокультурным фоном; корректировка хронологической и функционально-стилистической характеристики отдельных ЛСВ – через использование (или отказ от использования) словарных помет (*устар., устаревающее, спец., разг., прост.* и проч.) и введение в толкование хронологических ремарок (таких как, например, ‘в советское время’).

БАС является нормативным словарем [2. С. 3], а значит все реализуемые в нем лексикографические решения, прежде всего, должны быть продиктованы изменяющейся нормой литературного словоупотребления, которая в свою очередь определяется динамикой русской

языковой картины мира. Объективным свидетельством изменения нормы служит использование того или иного ЛСВ в текстах художественной литературы. Именно широкое обращение к текстовому материалу позволило представить в БАС-3 подробное и актуальное описание группы слов с корнем *торг-*, отражающих представления носителей русского языка о сфере торговли, а также скорректировать семантические характеристики этой группы лексики относительно двух первых изданий БАС и учесть данные других словарей (прежде всего, словарей новых слов и значений).

Литература

1. *Инструкция* для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах) / ред. С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов, Ф.П. Филин, А.М. Бабкин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. 88 с.

2. *Горбачевич К.С., Герд А.С.* Предисловие // Большой академический словарь русского языка. М. ; СПб. : Наука, 2004. Т. 1. С. 3–6.

3. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.

4. *Словарь* современного русского литературного языка : в 20 т. М.: Рус. яз., 1991–1994. Т. 1–6.

5. *Большой* академический словарь русского языка. М. ; СПб. : Наука, 2004–2019 (издание продолжается). Т. 1–26.

6. *Томашевская К.В.* Экономический дискурс современника в его лексическом представлении : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2000. 30 с.

7. *Ратмайр Р.* Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М. : Языки славянской культуры, 2013. 456 с.

8. *Большая* советская энциклопедия. 2-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1956. Т. 43.

9. *Герд А С.* Большой академический словарь русского языка как словарь-тезаурус // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О.Н. Крылова, М.Н. Приемышева. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 948–954.

10. *Кругликова Л.Е.* «Большой академический словарь русского языка» как продолжатель традиций русской академической лексикографии // Cuadernos de Rusística Española. 2012. № 8. С. 177–198.

11. *Новые* слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котеловой. М. : Рус. яз., 1984.

12. *Словарь* новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов) / под ред. Н.З. Котеловой. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995.

13. *Новые* слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009–2014.

14. *Русский* орфографический словарь / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс Книга, 2013.

The Great Academic Dictionary of the Russian Language* as a Reflection of Economic Change: Semantic Dynamics of Words with the Root *Torg-

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 167–180.
DOI: 10.17223/22274200/18/9

Roman I. Vorontsov, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

Keywords: academic lexicography, explanatory dictionary, *Great Academic Dictionary of the Russian Language*, lexical semantics, linguistic worldview, sociocultural dynamics, economics, trade.

The article deals with the dynamics of a fragment of the Russian linguistic worldview projected onto the experience of academic lexicography. Based on the data extracted from the three editions of the *Great Academic Dictionary of the Russian Language* (also referred to as the Dictionary), which serves as a reflection of the 80-year-long history of the Soviet and Russian society, the sociocultural dynamics of a conceptual view of economy and trade is uncovered through its lexical, semantic and lexicographic realization. The aim of the research is to analyze the semantic dynamics of the words with root *torg-* [trade] based on the Dictionary data. This includes the study of the lexicographic interpretation of these words as well as the justification of new lexicographic solutions. The key attention is paid to a number of polysemantic words: *torg*, *torgovat'*, *torgovat'sya*, *torgovlya*, *torgovyy*. In the course of the research, the method of componential semantic analysis is applied together with the comparison of the entries from different editions of the Dictionary and with the selection of text illustrations by means of linguistic corpora. Two aspects of the semantic dynamics of the words with root *torg-* are discussed: 1) reflection of lexicographic principles adopted by the authors of the Dictionary and 2) lexical and semantic objectivation of the Russian linguistic worldview. The first aspect is represented by the trend of semantic differentiation typical of the Dictionary and manifested in both enlargement and specification of the word semantic structure. Syncretic meanings that can be seen in the first edition are later splintered into separate meanings or even shades of meaning (*torgash*, *torgashestvo*, *torgovat'*). The sociocultural dynamics is presented by a number of linguistic trends. The first trend is generating new collocations, and the adjective *torgovyy* shows here the highest productivity. Adjacent to it stands the active formation of compound words beginning with *torgovo-*. The second (controversial) trend is obsolescence of words and meanings: notions of the Soviet economy are going out of use (*torg* as a 'trade institution'). The third trend is actualization of obsolete words and meanings, which is often only illusive. In the Soviet period, many notions of economy were considered inadmissible or typical of the Czarist era, hence, these words were defined as obsolete ones. However, the historic change of the early 1990s showed that this part of vocabulary was always commonly used, even in the Soviet texts that could not serve as a source of illustrations due to censorship. Thus, the considered aspects of the semantic dynamics of the words with the root *torg-* demonstrate the general way of conceptualizing the economic sphere by the Russians. It is mainly reflected in the social revaluation of the market relations, trade, and entrepreneurship. The lexical and semantic objectivation of this revaluation requires shrewd lexicographic solutions.

References

1. Obnorskiy, S.P., Barkhudarov, S.G., Filin, F.P. & Babkin, A.M. (eds) (1958) *Instruktsiya dlya sostavleniya "Slovarya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka" (v pyatnadtsati tomakh)* [Instructions for compiling the "Dictionary of the Modern Russian Standard Language" (in fifteen volumes)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

2. Gorbachevich, K.S. & Gerd, A.S. (2004) Predislovie [Foreword]. In: *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Nauka. pp. 3–6.

3. Chernyshyov, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

4. Sorokoletov, F.P. & Gorbachevich, K.S. (eds) (1991–1994) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 t.* [Dictionary of the Modern Russian Standard Language: in 20 volumes]. Vols 1–6. Moscow: Russkiy yazyk.

5. Gorbachevich, K.S. et al. (eds) (2004–2019) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vols 1–26. Moscow; St. Petersburg: Nauka.

6. Tomashevskaya, K.V. (2000) *Ekonomicheskiy diskurs sovremennika v ego leksicheskom predstavlenii* [The economic discourse of a contemporary in its lexical presentation]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.

7. Ratmayr, R. (2013) *Russkaya rech' i rynok: Traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and the market: Traditions and innovations in business and everyday communication]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

8. Vvedenskiy, B.A. (ed.) (1956) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. 2nd ed. Vol. 43. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

9. Gerd, A S. (2015) Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka kak slovar'-tezaurus [The Great Academic Dictionary of the Russian Language as a thesaurus dictionary]. In: Krylova, O.N. & Priemysheva, M.N. (eds) *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie* [Academician A.A. Shakhmatov: life, works, scientific heritage]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 948–954.

10. Kruglikova, L.E. (2012) "Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka" kak prodolzhatel' traditsiy russkoy akademicheskoy leksikografii ["The Great Academic Dictionary of the Russian Language": Continuing the Traditions of Russian Academic Lexicography]. *Cuadernos de Rusística Española.* 8. pp. 177–198.

11. Kotelova, N.Z. (ed.) (1984) *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-kh godov* [New words and meanings: a dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the '70s]. Moscow: Russkiy yazyk.

12. Kotelova, N.Z. (ed.) (1995) *Slovar' novykh slov russkogo yazyka (seredina 50-kh – seredina 80-kh godov)* [Dictionary of new words of the Russian language (mid '50s – mid '80s)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

13. Butseva, T.N. & Levashov, E.A. (eds) (2009–2014) *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka: v 3 t.* [New words and meanings: a dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the 1990s: in 3 volumes]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

14. Lopatin, V.V. & Ivanova, O.E. (eds) (2013) *Russkiy orfograficheskiy slovar'* [Russian Spelling Dictionary]. 4th ed. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

УДК 811.512.141'374.823
DOI: 10.17223/22274200/18/10

Ф.Г. Хисамитдинова, Г.Н. Ягафарова

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА РАН КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ ТЮРКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Представлены результаты лексикографической работы отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН за прошедшее столетие. Указываются основные направления в сфере создания словарей, дается характеристика лексикографических работ с точки зрения их значимости в духовной культуре башкирского народа, отмечаются выдающиеся башкирские лексикографы, чей самоотверженный труд позволил Институту стать одним из центров тюркской лексикографии.
Ключевые слова: *тюркология, лексикография, башкирский язык, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН.*

В современном мире словари являются универсальным средством познания. В них сосредоточена информация, позволяющая постичь тайны родного языка, смысловые и структурные особенности чужого языка через овладение лексикой и грамматикой. В настоящее время большинство языков располагают лексикографическими изданиями самых разных типов. Однако актуальность и востребованность словарной литературы не уменьшается; напротив, всё разнообразнее становятся словари, всё увеличивается их функционал, расширяется сфера применения. Качественно меняется и сама форма использования: издания бумажные сменяются электронными вариантами, которые, естественно, значительно выигрывают в плане содержания большего объема информации, быстрого реагирования на изменения в жизни слова, неограниченной возможности постоянного пополнения или уточнения как словника, так и значений лексем, отличаются удобством применения, доступностью, полифункциональностью, универ-

сальностью. В связи с этим в современной лексикографии повсеместно наблюдается стремление перейти на новый этап в развитии лексикографии, создать электронные словари, компьютерные базы данных, онлайн-словари. Конечно, сбору, обработке и представлению обширных электронных лексикографических работ предшествовала кропотливая многолетняя работа многих поколений лексикографов, чьи словари стали фундаментальной прочной основой в составлении новых. В данной статье мы хотим рассмотреть вопрос развития башкирской лексикографии, в становлении которой важную роль сыграл Ордена Знак Почёта Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

В 2019 г. Республика Башкортостан отметила 100-летие со дня её создания. Башкирскую лексикографию как самостоятельное научное направление можно считать ровесником самой республики. Конечно, первые фиксации башкирских слов имеются уже в словаре XI в. Махмуда Кашгари; с конца XVIII в. башкирские слова находят отражение в ряде трудов, например И.Г. Георги, П.С. Палласа (конец XVIII в.), Л.З. Будагова, В.В. Радлова, М. Бикчурина, В.В. Катаринского, М.А. Кулаева (вторая половина XIX в. – начало XX в.) (об этом подробнее см. [1. С. 29–30]). После Октябрьской революции с созданием Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, с провозглашением башкирского языка вторым государственным, началась планомерная и систематическая работа по составлению различных терминологических словарей, призванных обеспечить широкое функционирование башкирского литературного языка. В 1922 г. был организован Академический центр при Народном комиссариате просвещения БАССР, среди прикладных задач которого имелись и задачи составления словарей, разработки терминологии башкирского литературного языка. Так, в газете «Башкортостан» в 1922 г. впервые были опубликованы юридические термины на башкирском языке [2]; в журнале «Белем» в 1924 г. – термины по зоологии и анатомии, физике, математике, географии и др. [3]. В 1926 г. увидел свет первый толковый словарь башкирского языка, составленный Н. Тагировым [4]. После расформирования в 1930 г. Академцентра при Башнаркомпросе БАССР его функции отошли к Башкирскому комплексному научно-исследовательскому институту (1930 г.), в составе которого функционировал Отдел общественно-гуманитарных наук, в сентябре 1931 г. преобразованный в Башкирский научно-исследовательский

институт национальной культуры, являющийся прямым предшественником нынешнего Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН [5. С. 9]. С тех пор вопросы терминообразования, фиксации и лексикографирования словарного состава башкирского языка неизменно относились к ведению Института истории, языка и литературы. Действительно, за прошедшее столетие работа по составлению словарей по башкирскому языку – больших и малых, многофункциональных и узкоспециальных – осуществлялась именно силами сотрудников отдела языкознания Института.

Говоря о составительской работе, конечно, невозможно не коснуться вопроса об экспедиционной, собирательской работе, в результате которой ведущими учеными-башкироведами и лингвистами-энтузиастами была создана многомиллионная картотека лексических единиц башкирского языка. Первые экспедиции были организованы сотрудниками Академцентра; данная работа особенно активизировалась в 1928 г., когда в республике начала работать Башкирская комплексная экспедиция Академии наук СССР.

Лингвистический отряд экспедиции возглавлял известный ученый-тюрколог, славист Н.К. Дмитриев. Вместе с ним работал талантливый исследователь из Московского института востоковедения М.М. Билялов. В экспедициях под руководством Н.К. Дмитриева приняли участие башкирские языковеды Т.Г. Баишев, З.Ш. Шакиров, Г.С. Аманта́й, Габ.Я. Давлетшин и др. Н.К. Дмитриев вместе со своими башкирскими коллегами собрал и систематизировал огромный языковой материал, который в последующем лег в основу его «Грамматики башкирского языка» [6], других работ по башкирскому языку, а также академического башкирско-русского словаря [7].

В дальнейшем экспедиционная работа в стенах Института проводилась постоянно. Одна за другой организовывались комплексные экспедиции и выезды в районы республики для изучения особенностей местных говоров, быта, культуры. В первые годы советской эпохи сотрудниками Института было предпринято 14 диалектологических экспедиций и выездов. Экспедиции были организованы во все башкирязычные регионы. Собранные в поездках материалы тех лет являются бесценным источником по народно-разговорному языку башкир конца XIX и первой трети XX в. Экспедиционные материалы 1920–1940-х гг. позволили поставить и решить ряд фундаментальных и прикладных задач в развитии башкирского языкознания, в том чис-

ле задачи создания словарей. Особое внимание уделялось лексической специфике говоров, что послужило основой для накопления картотеки литературной и диалектной лексики башкирского языка в объеме свыше 3 млн единиц. Пополнение лексической картотеки в отделе языкознания продолжалось всегда; следует отметить, что данная работа проводится с не меньшей активностью до сих пор.

Таким образом, Институт истории, языка и литературы с самых первых дней своего создания активно включился в решение задач языкового строительства в республике, для чего в первую очередь следовало упорядочить орфографию и терминологию, изучать территориальные диалекты, готовить и издавать двуязычные терминологические словари, учебники. Эти направления языковедческих исследований определили дальнейшие векторы развития лингвистических изысканий в Институте, они и сегодня успешно развиваются. Остановимся подробнее на лексикографических работах, созданных сотрудниками ИИЯЛ УФИЦ РАН.

В начале 1930-х гг. непреложной задачей, стоящей перед башкирской лингвистикой, являлись вопросы орфографии башкирского литературного языка, центром по разработке и совершенствованию которой стал Институт. Работа по упорядочению орфографических норм языка сопровождалась подготовкой и изданием орфографических словарей: словари по орфографии башкирского языка увидели свет в двух изданиях 1942 и 1952 гг. под редакцией замечательного башкирского языковеда К.З. Ахмерова [8, 9]. После принятия изменений в своде орфографических законов 1981 г. Н.Ф. Суфьяновой и З.К. Ишмухаметовым в 1990-е гг. был подготовлен новый орфографический словарь, который, к сожалению, увидел свет только в 2002 г. [10]. Таким образом, работа в области упорядочивания норм правописания башкирского литературного языка явилась одной из самых насущных задач, стоящих перед сотрудниками Института.

Вторым актуальным направлением в исследованиях языковедов Института становится создание научной терминологии и составление терминологических словарей. На протяжении XX в. было издано около шестидесяти терминологических словарей по разным отраслям науки, техники и производства. В 1930–1940-х гг. издаются словари по названиям растений (1932), математике (1932), физике (1934 и 1935), химии (1934), медицине (1935), гистологии (1935), социально-экономико-философским наукам (1935), по башкирскому языку

(1935). Благодаря многолетним работам небольшой группы языковедов Института в области лексикографии к 1950-м гг. были заложены основы новой научной терминологии и научного стиля башкирского языка.

В условиях быстро текучей реальности, стремительного научно-технического прогресса, сопровождающего весь XX в., неудивительно бурное развитие терминологической сферы в языкознании. Для башкирского языка данного периода, характеризующегося расширением функций башкирского языка, его активным проникновением во все области деятельности общества, разработка и издание новых терминологических словарей (составление которых было прервано войной) становятся одной из важнейших задач лексикографов Института. Новая серия терминологических словарей Института издается в 1950–1970 гг., в эти годы выходят русско-башкирские, башкирско-русские словари по физике (1949), математике (1949), химии (1950), зоологии (1952), ботанике (1952), географии (1952), астрономии (1954), юриспруденции (1956), сельскому хозяйству (1961), литературоведению (1965). Следует отметить, что большинство изданий этих лет выполнены под авторством или под редакцией известного башкирского лингвиста Т.Г. Баишева.

В дальнейшем список терминологических словарей дополнился изданиями русско-башкирских и башкирско-русских словарей по юриспруденции (1980), ботанике (1981), анатомии и физиологии человека (1981), математике (1982), физике (1984), социально-политических терминов (1984), по орнитологии (1986), сельскому хозяйству (1987), по медицине и гигиене (1990), лингвистике (1991), фольклору (1993, 1999), математике (1993), юриспруденции (1994), этнографии (1994, 2000), праву (1994, 1996), этике (1996), изобразительному искусству (1997), музыке (1997), ботанике (1997), названий позвоночных животных Башкортостана (1998), пчеловодству (1999).

Работа по созданию терминологических словарей особенно оживилась в начале XXI в. после принятия закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан». Появились двуязычные словари и справочники по сельскому хозяйству (2001), дефектологии (2001), пчеловодству (2001, 2008), общественно-политическим терминам (2001), по методике преподавания языков (2001, 2009), ботанике (2002), лингвистике (2002), педагогике и психологии (2002), этнолингвистике и этнокультуроведческой лексике

(2002, 2003, 2006), мифологии (2002, 2010), технике (2003), юриспруденции (2003), офтальмологии (2004), архитектурно-строительных терминов (2004), словарь для работников торговли и общественного питания (2005), по народной медицине (2005), животноводству (2006), словарь для работников библиотек, издательств и информационных служб (2006), по медицине (2007), лесному делу (2007), экономике (2007), военной лексике (2007), лексике родинного обряда (2008), астрономии (2008), экологии (2008), эстетике (2008), черчению (2008), этике (2009), физкультуре и спорту (2009), естествознанию (2009), словарь для работников культуры (2009), словарь по торговле, предпринимательской и внешнеэкономической деятельности, дипломатии (2009). Следует подчеркнуть, что большинство изданий 1990–2007 гг. вышли в свет под редакцией академика АН РБ, доктора филологических наук, профессора З.Г. Ураксина, а авторами-составителями являются сотрудники отдела языкознания ИИЯЛ УФИЦ РАН (см. подробнее в [1, 11, 12]).

Подготовка и издание терминологических словарей сыграли важную роль в определении, развитии и совершенствовании лексических норм литературного башкирского языка, сводный корпус которых находил отражение в общих переводных и толковых словарях, разработка которых является еще одной значительной линией в деятельности языковедов Института. Опубликованные русско-башкирские, башкирско-русские и толковые словари отличаются последовательным существенным пополнением словников, улучшением качества обработки материала, расширением и уточнением толкований значений слов.

Первый русско-башкирский словарь академического типа был подготовлен лексикографами Института (К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, А.М. Бикмурзин, М. Бурангулов, Г.И. Ишбулатов, А.Ш. Кутушев, А.И. Харисов, М. Хафизов) в 1930–1940 гг., издан в 1948 г. под редакцией Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова и Т.Г. Баишева [13].

В 1950-е гг. Институт приступил к составлению большого башкирско-русского (под редакцией К.З. Ахмерова, Т.Г. Баишева, Г.Р. Каримовой и А.А. Юлдашева, составители – К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, А.М. Бикмурзин, У.М. Каюмова (Яруллина), Б.С. Саяргалиев, Р.Н. Терегулова) [14] и нового русско-башкирского (составители – Т.М. Гарипов, Н.Х. Ишбулатов, Б.С. Саяргалиев, Р.Н. Терегулова, У.М. Яруллина, редакторы – К.З. Ахмеров,

У.М. Яруллина, Т.М. Гарипов, З.К. Ишмухаметов, М.Л. Рафиков) [15] словарей, что было обусловлено бурным развитием науки и техники, существенными изменениями, произошедшими в обществе после войны.

Новая билингвальная реальность повлекла за собой усиление разработки и издания учебных башкирско-русских и русско-башкирских (1942, 1986, 1998, 1999, 2001, 2006, 2009, составители – Г.Р. Каримова, З.Г. Ураксин, Л.Г. Саяхова, З.Г. Сахипова, М.Г. Усманова, Ф.Ф. Асадуллина и др.) словарей.

Создание терминологических словарей сопровождалось также подготовкой диалектологических лексикографических работ. В результате многочисленных экспедиций, предпринятых сотрудниками отдела диалектологии Института Т.Г. Баишева, Н.Х. Ишбулатова, С.Ф. Миржановой, У.Ф. Надергулова, М.И. Дильмухаметова, С.Г. Сабирьяновой под руководством доктора филологических наук, профессора Н.Х. Максютовой, в фондах отдела языкознания Института накопился богатый материал по словарному составу башкирского общенародного языка, легший в основу трехтомного словаря башкирских говоров [16–18] и двух фундаментальных трудов последних лет: «Диалектологического словаря башкирского языка» [19] и «Диалектологического атласа башкирского языка» [20]. Безусловный потенциал лексики живых народных говоров учитывался в составлении норм литературного языка, в деле его обогащения и нормирования.

В последние 50–60 лет наряду со значительными по объёму терминологическими и двуязычными словарями были подготовлены и изданы лексикографические пособия по отдельным семасиологическим и словообразовательным явлениям языка: словари синонимов (1966, 1985, составитель З.Г. Ураксин) [21, 22], омонимов (1966, 1986, сост. М.Х. Ахтямов) [23, 24], антонимов (1973, составитель М.Х. Ахтямов) [25], фразеологических единиц (1973, 1989, 1996 и др., сост. – З.Г. Ураксин, Ф.А. Надршина, Х.Г. Юсупов) [26–28], морфем (2004, 2007, составители – З.Г. Уразбаева, Ф.Г. Хисамитдинова, А.М. Ишегулова) [29, 30], этимологических (2009, составители – А.Г. Биишев, Т.М. Гарипов, Ш.В. Нафиков) [31, 32]; из новых видов словарей выпущены частотные (1995, 1997 и др., составитель З.А. Сиразитдинов) [33, 34] и другие словари. Многие из них выдержали ряд переизданий.

Создание ономастических словарей является одним из приоритетных направлений лексикографии в Институте истории, языка и лите-

ратуры УФИЦ РАН. К настоящему времени имеется достаточно внушительный перечень лексикографической литературы по башкирской ономастике, берущий свое начало в 1970-х гг. Изданы словари по антропонимам (1976, 2006, 2013, составители – Т.Х. Кусимова, Ф.Г. Хисамитдинова, Р.А. Сулейманова) [35–37], топонимам (1980, 1992, 1994, 2000, 2001, 2005, 2008, составители – А.А. Камалов, Р.З. Шакуров, З.Г. Ураксин, М.Ф. Хисматов, Ф.Г. Хисамитдинова, З.А. Сиразитдинов, Ю.Х. Юлдашбаев) [38–43].

Слова существуют в языке не просто как наименования реалий, их значения всегда передают какую-либо информацию из мировоззрения народа на ту или иную сущность объектов. В связи с этим в последние годы в башкирском языкознании активизировалась работа по исследованиям этнолингвистической информации, заключающейся в лексемах, которые нашли отражение в соответствующих лексикографических изданиях, к примеру, в [44]. Этнолингвистика – сфера многолетней научной деятельности заведующего отделом языкознания, доктора филологических наук, члена-корреспондента АН РБ, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой. Под ее руководством в последние 20 лет был издан ряд лексикографических работ: по этнографической лексике (М.И. Багаутдинова, 2000, 2003, 2012) [45–47], по погребальной лексике (Л.Р. Сулейманова) [48], по лексике родинных обычаев (Г.Р. Батыршина) [49], ткачеству и рукоделию, народной медицине (Р.Н. Каримова) [50, 51]. Словари, составленные Ф.Г. Хисамитдиновой, вбирают в себя мифологическую лексику башкирского языка (2002, 2010 и др.) [52, 53].

Появление в башкирской лексикографии такого огромного корпуса словарных проектов, аккумулирующих в себе разнообразие и богатство лексической системы башкирского языка, подготовило почву для создания обобщающих трудов – толковых словарей. Первый из них был составлен под руководством знатока башкирского языка А. Г. Биишева. В 1970–1986 гг. в Институте имелось отдельное подразделение – сектор толкового словаря, руководимый талантливым лексикографом А.Г. Биишевым. Двухтомный «Толковый словарь башкирского языка» был выпущен в 1993 г. в Москве [54]. Словарь отличался детальной проработкой значений слов, содержанием этимологических сведений.

Можно утверждать, что замечательная плеяда башкирских лексикографов буквально была воспитана в стенах института. Так, извест-

ные ныне М.Х. Ахтямов, Э.Ф. Ишбердин, М.Г. Усманова, И.М. Агишев, Ф.Г. Хисамитдинова, З.Г. Ураксин, З.А. Сиразетдинов, Т.М. Гарипов, Н.Ф. Суфьянова, З.Г. Уразбаева, Г.Д. Зайнуллина, Р.Н. Хадыева, И.М. Ишмухаметов, У.Ф. Надергулов, М.И. Дильмухаметов, Н.Х. Максютова, С.Ф. Миржанова, Т.Х. Кусимова, Ш.В. Нафиков, посвятившие долгие годы жизни составительской работе, работали в отделе языкознания, принимали участие в составлении словарей. Ныне их дело с успехом продолжают молодое поколение сотрудников отдела под руководством доктора филологических наук, члена-корреспондента АН РБ, профессора Ф.Г. Хисамитдиновой, автора и редактора многих фундаментальных работ, в том числе лексикографических. В последние годы коллектив успешно трудился и завершил работу по созданию 10-томного «Академического словаря башкирского языка» [55], который был издан в 2011–2018 гг. (о его структуре и особенностях см., например, [56, 57]).

В отличие от предыдущих изданий словарей башкирского языка, академический словарь башкирского языка является первым в истории башкирской лексикографии толково-переводным словарем. Его основная цель – максимально полно охватить существующую лексику башкирского языка, представленную в художественной, научно-популярной, учебно-методической, публицистической литературе, показать лексическое богатство башкирского языка в синхронии и диахронии.

В последние годы в связи с открытием при отделе языкознания Лаборатории лингвистики и информационных технологий в Институте начала развиваться компьютерная лингвистика, получающая практическое выражение в электронных лексикографических изданиях. В частности, в 2010 г. после долгой работы был создан машинный фонд башкирского языка [58]. Сегодня Институт при поддержке Отделения историко-филологических наук РАН и Правительства и Академии наук Республики Башкортостан приступил к созданию Национального корпуса башкирского языка.

Таким образом, в настоящее время башкирская лексикография обладает достаточно серьезным корпусом лексикографических трудов, вобравших в себя основную массу словарного богатства языка во всем его многообразии. За прошедший век башкирские лингвисты Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН внесли немалый вклад в теорию и практику не только башкирской лексикографии, но

тюркской лексикографии в целом. Область теории башкирские языковеды обогатили разработками, касающимися осмысления принципов составления тюркско-русских словарей [59], раскрывающими особенности создания различных тюркоязычных словарей. В плане практического апорбирования в течение века было издано большое количество словарей, относящихся к разным типам. Впервые в башкирском языкознании издан многотомный академический словарь башкирского языка.

Опыт, знания, накопленные в ходе работы над толковым словарем, позволяют коллективу отдела языкознания Института приступить к другим проектам, охватывающим область диахронии языка. К лексикографическим разработкам, которые начаты языковедами ныне, относятся два больших проекта. Первый – это словарь ранних русизмов, призванный обновить имеющиеся представления о русизмах, существующих в башкирском языке, в литературном варианте и его говорах. В задачи словаря входит не только сбор и систематизация заимствованной лексики, но и установление времени первой фиксации, эволюции лексем и др. (см. об этом в [60]).

Второй – этимологический словарь башкирского языка, актуальность создания которого диктуется необходимостью обосновать генезис и исторические корни лексического состава башкирского языка (более подробно в [61]).

Подводя итоги развития башкирского языкознания за прошедшее столетие, можно утверждать, что Институт истории, языка и литературы, его отдел языкознания являются единственным академическим центром по изучению, сохранению и развитию языка башкирского народа, в том числе по разработке лексикографических трудов по башкирскому языку. Языковедами Института проделана большая лексикографическая работа: подготовлены и изданы многочисленные переводные, тематические, терминологические и другие словари по башкирскому языку. Кроме этого небольшим коллективом языковедов обновлена терминология, усовершенствована орфография. Изложенные факты позволяют говорить о том, что вся работа по нормотворчеству, кодификации башкирского литературного языка, терминообразованию и составлению словарей практически проделана языковедами Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, который по праву можно назвать одним из тюркских лексикографических центров.

Литература

1. *Хисамитдинова Ф.Г., Ягафарова Г.Н.* Введение // Академический словарь башкирского языка : в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Т. I: (А хәрефе). Уфа : Китап, 2011. С. 24–37.

2. *Башкортостан.* 1922. № 129–131 (на арабск. шрифте).

3. *Вильданов Г.Ф.* Башкирский язык // Белем. 1924. № 3–4. С. 52–53; Термины по зоологии и анатомии // Белем. 1924. № 5. С. 47–49; Термины по физике // Белем. 1924. № 1–2. С. 45–46, 1925. № 5. С. 47–49; № 11–12. С. 52–53 (на араб. шрифте).

4. *Таһиров Н.* Башҡорт лөғәте. Өфө : Башкнига, 1926. 1-се киҫәк. 260 б.

5. *80 лет* в научном поиске: Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии нак / сост. М.Н. Фархшатов. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 108 с.

6. *Дмитриев Н.К.* Башҡорт теленең грамматикаһы. Өфө : Башҡортостан китап нәшриәте, 1950. 300 б.

7. *Башкирско-русский* словарь / Сост.: К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, А.М. Бикмурзин, У.М. Каюмова, Б.С. Саяргалеев, Р.Н. Терегулова; ред.: К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев, Р.Г. Каримова, А.А. Юлдашев. Около 22 000 слов. С прил. краткого очерка грамматики башк. яз. М. : ИИЯЛ БФАН СССР, 1958. 804 с.

8. *Башҡорт* әҙәби теленең орфография һүҙлеге / төҙ. Ҡ.З. Әхмәров. Өфө : Башгосиздат, 1942. 189 б.

9. *Әхмәров Ҡ.З.* Башҡорт әҙәби теленең орфография һүҙлеге: башланғыс һәм урта мәктәптәр өсөн ҡайтанан эшләнгән һәм өҫтәлгән икенсе баҫма. М. : Сит һәм или һүҙлектәр государство издательствоһы, 1952. 235 б.

10. *Суфьянова Н.Ф., Ишмөхәмәтов З.К.* Башҡорт теленең орфография һүҙлеге. Өфө : Башҡортостан энциклопедияһы, 2002. 352 б.

11. *Ҡаһарманов Ғ.Ғ.* Башҡорт теленең лексикаһы һәм терминологияһы: Уҡыу ҡулланмаһы. Стәрлетамаҡ : СДПИ, 2002. 242 б.

12. *Ҡаһарманов Ғ.Ғ.* Башҡорт терминологияһы. Тарихи-лингвистик тасуирлау тәжрибәһе. Өфө : Ғилем, 2002. 236 б.

13. *Русско-башкирский* словарь / ред. Н.К. Дмитриев, К.З. Ахмеров, Т.Г. Баишев. М. : ГИЗ, 1948. 960 с.

14. *Башҡортса-русса* һүзлек / Төҙ. Ҡ.З. Әхмәров, Т.Ғ. Баишев, Ә.М. Бикмурзин, У.М. Ҡәюмова, Б.С. Сәйәрғәлиев, Р.Н. Терегулова ; ред. Әхмәров Ҡ.З., Баишев Т.Ғ., Кәримова Ғ.Р., Юлдашев Ә.Ә. М. : Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1958. 804 б.

15. *Русско-башкирский* словарь / сост.: Т.М. Гарипов, Н.Х. Ишбулатов, Б.С. Саяргалеев, Р.Н. Терегулова, У.М. Яруллина ; отв. ред. К.З. Ахмеров. 46 000 слов. М. : Сов. энциклопедия, 1964. 986 с.

16. *Башҡорт* һөйләштәренең һүзлеге: I том. Көнсығыш диалект / ред. Н.Х. Мәҡсүтова, Н.Х. Ишбулатов. Өфө : ИИЯЛ БФАН СССР, 1967. 300 б.

17. *Башҡорт* һөйләштәренең һүзлеге: II том, Көньяҡ диалект. Өфө : ИИЯЛ БФАН СССР, 1970. 327 б.

18. *Башҡорт* һөйләштәренең һүҙлеге, III том, Көнбайыш диалект. Өфө : Башҡортостан китап нәшриәте, 1987. 231 б.

19. *Башҡорт* теленең диалекттары һүҙлеге / Төҙ. М.И. Дилмөхәмәтов һ.б. Өфө : Китап, 2002. 430 б.

20. Диалектологический атлас башкирского языка / сост. Н.Х. Максютова, С.Ф. Миржанова, У.Ф. Надергулов, М.И. Дильмухаметов, С.Г. Сабирьянова, Г.Г. Гареева ; ред. Ф.Г. Хисамитдинова, М.И. Дильмухаметов, Р.Н. Хадыева. Уфа : Гилем, 2005. 234 с., 169 карт.

21. *Ураҡсин З.Ғ.* Башҡорт теленең синонимдар һүҙлеге / ред. Т.М. Ғарипов. Өфө : БКН, 1966. 271 б.

22. *Ураҡсин З.Ғ.* Башҡорт теленең синонимдар һүҙлеге. Өфө, 1985. 164 б.

23. *Әхтәмов М.Х.* Башҡорт теленең омонимдар һүҙлеге. Өфө : Башкнигоиздат, 1966. 141 б.

24. *Әхтәмов М.Х.* Башҡорт теленең омонимдар һүҙлеге. Өфө : Башкир. кн. изд-во, 1986. 141 б.

25. *Әхтәмов М.Х.* Башҡорт теленең антонимдар һүҙлеге. Өфө : ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. 147 б.

26. *Ураҡсин З.Ғ., Надршина Ф.А., Йосопов Х.Ғ.* Башҡортса-русса фразеологик һүҙлек. Өфө : БКН, 1973. 167 б.

27. *Ураҡсин З.Г.* Русско-башкирский фразеологический словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. М. : Рус. яз., 1989. 404 с.

28. *Ураҡсин З.Ғ.* Башҡорт теленең фразеологик һүҙлеге. Өфө : Китап, 1996. 290 б.

29. *Уразбаева З.Г.* Словарь аффиксальных морфем башкирского языка / отв. ред. З.Г. Ураксин. Уфа : Гилем, 2004. 82 с.

30. *Хисамитдинова Ф.Ғ., Ишеғолова А.М.* Башҡортса-русса ҡушма һүҙҙәр һәм һүҙбәйләнештәр һүҙлеге. Өфө : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 80 б.

31. *Историко-этимологический* словарь башкирского языка / авт.-сост. Т.М. Гарипов, Ш.В. Нафиков. Вып. 2: Двуфонемные моносиллабы с согласными инициалями, разд. 1. Уфа : Вагант, 2009. 27 с.

32. *Бейешев Ә.Ғ.* Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре. Өфө : ТТӘИ РФА ӨҒҮ, 2009. 137 б.

33. *Сиразитдинов З.Ә.* Дауыт Юлтый әҫәрҙәренең йышлыҡ һүҙлеге. Өфө : ТТӘИ РФА ӨҒҮ, 1995. 292 б.

34. *Сиразитдинов З.Ә.* Башҡорт теленең йышлыҡ һүҙлеге: Т. 1 (фәнни әҙәбиәт буйынса) / Яуаплы ред. З.Ғ. Ураҡсин. Өфө : Ғилем, 1997. 330 б.

35. *Кусимова Т.Х.* Башҡорт исемдәре. Өфө : Башкнигоиздат, 1976. 104 б.

36. *Хисамитдинова Ф.Ғ., Төпәев С.Х.* Төрки сығанаҡлы һәм төрки элементлы башҡорт исемдәре. Өфө : Китап, 2006. 120 с.

37. *Сулейманова Р.А.* Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 364 с.

38. *Башҡорт* АССР-ының топонимдар һүҙлеге / төҙ. А.А. Камалов, Р.З. Шәкүров, З.Ғ. Ураҡсин, М.Ф. Хисматов ; ред. Т.М. Ғарипов һ.б. Өфө : Башкнигоиздат, 1980. 200 б.

39. *Хисамитдинова Ф.Г.* Географические названия Башкортостана. Словарь. Уфа : БГПИ, 1992. 104 с.; 2-е изд., испр. и дополн. Уфа, 1994. 109 с.

40. *Русско-башкирский* словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан / сост. Ф.Г. Хисамитдинова и др. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2000. 162 с.

41. *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А.* Русско-башкирский словарь-справочник названий населенных пунктов Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2001. 319 с.

42. *Русско-башкирский* словарь водных объектов РБ / сост. Ф.Г. Хисамитдинова, Р.З. Шакуров, З.А. Сиразитдинов, Ю.Х. Юлдашбаев. Уфа : Китап, 2005. 256 с.

43. *Хисамитдинова Ф.Г., Сиразитдинов З.А., Суфьянова Н.Ф.* Русско-башкирский словарь названий улиц городов Республики Башкортостан. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. 310 с.

44. Һаҙыева Р.Н. Башҡорт теленең этнолингвистика һүҙлеге. Өфө : Китап, 2002. 174 б.

45. *Баһауетдинова М.И.* Туған телем – байлығым: (Башҡортса-русса этнографик терминдар һүҙлеге). Өфө : Китап, 2000. 120 б.

46. *Багаутдинова М.И.* Башкирско-русский словарь этнокультуроведческой лексики. Уфа : Китап, 2003. 136 с.

47. *Багаутдинова М.И.* Башкирско-русский словарь этнокультурологической лексики. Уфа : Китап, 2012. 148 с.

48. *Сөләймәнова Л.Р.* Башҡорт теленең үлем йолаһы лексикаһы: башҡортса-русса һүҙлек. Өфө : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005. 80 б.

49. *Батыршина Г.Р.* Башкирско-русский словарь лексики родинного обряда. Уфа : Деловая династия, 2008. 56 с.

50. *Каримова Р.Н.* Башкирско-русский словарь терминов ткачества и рукоделия. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. 122 с.

51. *Кәримова Р.Н.* Башҡортса-урыҫса, урыҫса-башҡортса халыҡ медицинаһы терминдары һүҙлеге. Өфө : Китап, 2005. 120 б.

52. *Хисамитдинова Ф.Г.* Башкирская мифология. Словарь-справочник. Уфа : Гилем, 2002. 130 с.

53. *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 455 с.

54. *Башҡорт* теленең һүҙлеге: 2 томда / ред. Ә.Ғ. Бейешев. М. : Русский язык; Дигора, 1993. Т. 2.

55. *Академический* словарь башкирского языка : в 10 т. / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа : Китап, 2011–2018.

56. *Ишегулова А.М.* Академический словарь башкирского языка // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 68–79. DOI: 10.17223/22274200/14/4

57. *Ягафарова Г.Н.* Новейшая тюркская лексикография (о новом типе толковых словарей) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 1 (26). С. 77–85. DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.010.

58. *Машинный* фонд башкирского языка. mfbl2.ru

59. *Юлдашев А.А.* Принципы составления тюркско-русских словарей. М. : Наука, 1972. 416 с.

60. *Хисамитдинова Ф.Г.* О разработке словаря русских заимствований башкирского языка // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография : материалы Междунар.науч.-практ. конф. (Казань, 10–11 сентября, 2019). Казань : КФУ, 2019. С. 281–285.

61. *Хисамитдинова Ф.Г., Нафиков Ш.В.* Об этимологическом словаре башкирского языка // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 3 (19). С. 84–89.

The Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences as One of the Centers for Turkic Lexicography

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 181–198.
DOI: 10.17223/22274200/18/10

Firdaus G. Khisamitdinova, Gulnaz N. Yagafarova, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: hisamitdinova@list.ru / rishrinat@mail.ru

Keywords: Turkology, lexicography, Bashkir language, Institute of History, Language and Literature of UFRC RAS.

The article presents the results of the lexicographic work of the Department of Linguistics of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences over the past century. From the moment of the creation of the Institute, the lexicographic work has become one of the main in its activities. The efforts of the Institute staff have created and are still creating numerous dictionaries related to various lexicographic types. Among them are spelling dictionaries that codify the literary norms of the language, terminological dictionaries that cover various branches of science, technology and production, they laid the foundations of a new scientific terminology and scientific style of the Bashkir language. Today, there are more than sixty Bashkir terminological dictionaries. Bilingual and multilingual dictionaries are designed to meet the needs of bilingual and multilingual readers, educational dictionaries meet the didactic objectives. The dialectological dictionaries contain especially valuable information on the peculiarities of dialects of the Bashkir language. A lot of semasiological and word-formation dictionaries help to establish roots and semantic features of the Bashkir language. Creating onomastic dictionaries is one of the priorities in the activities of the Institute. Among the dictionaries on ethnolinguistics, dictionaries of mythological vocabulary stand out, where for the first time in Turkology lexemes on the mythology of the people are presented. In the Department of Linguistics, there is a card file of standard and dialect vocabulary of the Bashkir language. Its volume is over 3 million units. The card file was accumulated as a result of linguistic expeditions of different years. The card file is replenished to this day. Based on its materials, full explanatory dictionaries were published, first a monolingual two-volume dictionary (1993), then a multilingual ten-volume *Academic Dictionary of the Bashkir Language* (2011–2018). The dictionaries are designed to help comprehend the secrets of the native language. An important role is played by modern electronic dictionaries. It

was the Department of Linguistics (with its dictionary, dialectology and toponymy sectors in different years) that predominantly prepared and published these lexicographic works. In recent years, the Department's staff have been compiling an etymological dictionary of the Bashkir language. The article also describes the lexicographic publications in terms of their significance in the spiritual culture of the Bashkir people. The article notes outstanding Bashkir lexicographers, whose dedicated work allowed the Institute of History, Language and Literature to become one of the recognized centers forTurkic lexicography.

References

1. Khisamitdinova, F.G. & Yagafarova, G.N. (2011) Vvedenie [Introduction]. In: Khisamitdinova, F.G. (ed.) *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka: v 10 t.* [Academic Dictionary of the Bashkir Language: in 10 volumes]. Vol. I. Ufa: Kitap. pp. 24–37.

2. *Bashkortostan*. (1922) 129–131. (In Arabic script).

3. Vil'danov, G.F. (1924) Bashkirskiy yazyk [The Bashkir language]. *Belem*. 3–4. pp. 52–53. (In Arabic script).

4. Takhirov, N. (1926) *Bashkir Dictionary*. Ufa: Bashkniga. (In Bashkir).

5. Farkhshatov, M.N. (2012) *80 let v nauchnom poiske: Institut istorii, yazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nak* [80 years in scientific search: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Science]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

6. Dmitriev, N.K. (1950) *Bashkir Grammar*. Ufa: Bashkortostan kitap neshriete. (In Bashkir).

7. Akhmerov, K.Z. et al. (eds) (1958) *Bashkirsko-russkiy slovar'. Okolo 22 000 slov. S pril. kratkogo ocherka grammatiki bashk. yaz.* [Bashkir-Russian dictionary. About 22,000 words. With a brief outline of Bashkir grammar]. Moscow: Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences.

8. Ekhmerov, K.Z. (ed.) (1942) *Spelling skills of Bashkir foreign language.* Ufa: Bashgosizdat. (In Bashkir).

9. Ekhmerov, K.Z. (1952) *Bashkir Foreign Language Spelling: A Second Edition Designed and Completed for Primary and Secondary Schools*. Moscow: Sit hem ili huʒlekter gosudarstvo izdatel'stvohy. (In Bashkir).

10. Suf'yanova, N.F. & Ishmokhemetov, Z.K. (2002) *Bashkir Spelling Skills*. Ufa: Bashkortostan entsiklopediyahy. (In Bashkir).

11. Kakharmanov, G.G. (2002) *Bashkir lexicon and terminology: Textbook.* Sterletamak: SDPI. (In Bashkir).

12. Kakharmanov, G.G. (2002) *Bashkir terminology. The experience of historical-linguistic interpretation*. Ufa: Gilem. (In Bashkir).

13. Dmitriev, N.K., Akhmerov, K.Z. & Baishev, T.G. (eds) (1948) *Russko-bashkirskiy slovar'* [Russian-Bashkir Dictionary]. Moscow: GIZ.

14. Ekhmerov K.Z. et al. (eds) (1958) *Russian-Bashkir Dictionary*. Moscow: Gos. izd-vo in. i nats. slovarey. (In Bashkir).

15. Akhmerov, K.Z. (ed.) (1964) *Russko-bashkirskiy slovar'. 46 000 slov* [Russian-Bashkir dictionary. 46,000 words]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

16. Meksutova, N.Kh. & Ishbulatov, N.Kh. (eds) (1967) *The Dictionary of Bashkir Dialects*. Vol. 1. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. (In Bashkir).

17. Meksutova, N.Kh. & Ishbulatov, N.Kh. (eds) (1970) *The Dictionary of Bashkir Dialects*. Vol. 2. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. (In Bashkir).

18. Meksutova, N.Kh. & Ishbulatov, N.Kh. (eds) (1987) *The Dictionary of Bashkir Dialects*. Vol. 3. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. (In Bashkir).

19. Dilmekhemetov, M.I. (ed.) (2002) *Dialectological dictionary of the Bashkir language*. Ufa: Kitap. (In Bashkir).

20. Khisamitdinova, F.G., Dil'mukhametov, M.I. & Khadyeva, R.N. (eds) (2005) *Dialektologicheskiy atlas bashkirskogo yazyka* [Dialectological atlas of the Bashkir language]. Ufa: Gilem.

21. Uraksin, Z.G. (1966) *Synonyms of the Bashkir language*. Ufa: BKN. (In Bashkir).

22. Uraksin, Z.G. (1985) *Synonyms of the Bashkir language*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Bashkir).

23. Ekhtemov, M.Kh. (1966) *Homonyms of the Bashkir language*. Ufa: Bashknigoizdat. (In Bashkir).

24. Ekhtemov, M.Kh. (1986) *Homonyms of the Bashkir language*. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Bashkir).

25. Ekhtemov, M.Kh. (1973) *Antonyms of the Bashkir language*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences. (In Bashkir).

26. Uraksin, Z.G., Nadrshina, F.A. & Yosopov, Kh.G. (1973) *Bashkir-Russian phraseological dictionary*. Ufa: BKN. (In Bashkir).

27. Uraksin, Z.G. (1989) *Russko-bashkirskiy frazeologicheskiy slovar'* [Russian-Bashkir phraseological dictionary]. Moscow: Rus.yaz.

28. Uraksin, Z.G. (1996) *Bashkir phraseological dictionary*. Ufa: Kitap. (In Bashkir).

29. Urazbaeva, Z.G. (2004) *Slovar' affiksal'nykh morfem bashkirskogo yazyka* [Dictionary of affixal morphemes of the Bashkir language]. Ufa: Gilem.

30. Khisamitdinova, F.G. & Isheғolova, A.M. (2007) *Bashkir-Russian dictionary of mixed words and phrases*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Bashkir).

31. Garipov, T.M. & Nafikov, Sh.V. (2009) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Bashkir language]. Vol. 2. Pt. 1. Ufa: Vagant.

32. Beyeshev, E.G. (2009) *The Persian translation into the Bashkir language*. Ufa: TTEI RFA OGY. (In Bashkir).

33. Sirazitdinov, Z.E. (1995) *Frequency dictionary of Daut Yultyev*. Ufa: TTEI RFA OGY. (In Bashkir).

34. Sirazitdinov, Z.E. (1997) *Frequency dictionary of the Bashkir language*. Vol. 1. Ufa: Gilem. (In Bashkir).

35. Kusimova, T.Kh. (1976) *Bashkir names*. Ufa: Bashknigoizdat. (In Bashkir).

36. Khisamitdinova, F.G. & Tepeev, S.Kh. (2006) *Bashkir names with Turkic syllables and Turkic elements*. Ufa: Kitap. (In Bashkir).

37. Suleymanova, R.A. (2013) *Bashkirsko-russkiy slovar'-spravochnik lichnykh imen i familiy* [Bashkir-Russian dictionary-reference book of personal names and surnames]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

38. Garipov, T.M. (ed.) (1980) *Dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR*. Ufa: Bashknigoizdat. (In Bashkir).

39. Khisamitdinova, F.G. (1994) *Geograficheskie nazvaniya Bashkortostana. Slovar'* [Geographic names of Bashkortostan. Dictionary]. 2nd ed. Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute.

40. Khisamitdinova, F.G. et al. (2000) *Russko-bashkirskiy slovar'-spravochnik nazvaniy naselennykh punktov Respubliki Bashkortostan* [Russian-Bashkir dictionary-reference book of names of settlements of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

41. Khisamitdinova, F.G. & Sirazitdinov, Z.A. (2001) *Russko-bashkirskiy slovar'-spravochnik nazvaniy naselennykh punktov Respubliki Bashkortostan* [Russian-Bashkir dictionary-reference book of names of settlements of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap.

42. Khisamitdinova, F.G., Sirazitdinov, Z.A., Shakurov, R.Z. & Yuldashbaev, Yu.Kh. (2005) *Russko-bashkirskiy slovar' vodnykh ob"ektov RB* [Russian-Bashkir dictionary of water bodies of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Kitap.

43. Khisamitdinova, F.G., Sirazitdinov, Z.A. & Suf'yanova, N.F. (2008) *Russko-bashkirskiy slovar' nazvaniy ulits gorodov Respubliki Bashkortostan* [Russian-Bashkir dictionary of street names in cities of the Republic of Bashkortostan]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

44. Khazyeva, R.N. (2002) *Bashkir ethno-linguistic dictionary*. Ufa: Kitap. (In Bashkir).

45. Bahauetdinova, M.I. (2000) *Native language-wealth: (Bashkir-Russian dictionary of ethnographic terms)*. Ufa: Kitap.(In Bashkir).

46. Bagautdinova, M.I. (2003) *Bashkirsko-russkiy slovar' etnokul'turovedcheskoy leksiki* [Bashkir-Russian Dictionary of Vocabulary of Ethnoculture Studies]. Ufa: Kitap.

47. Bagautdinova, M.I. (2012) *Bashkirsko-russkiy slovar' etnokul'turologicheskoy leksiki* [Bashkir-Russian dictionary of ethnocultural vocabulary]. Ufa: Kitap.

48. Seleymenova, L.R. (2005) *Traditional vocabulary of the Bashkir language: Bashkir-Russian dictionary*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Bashkir).

49. Batyrshina, G.R. (2008) *Bashkirsko-russkiy slovar' leksiki rodinnogo obryada* [Bashkir-Russian dictionary of native rite vocabulary]. Ufa: Delovaya dinastiya.

50. Karimova, R.N. (2013) *Bashkirsko-russkiy slovar' terminov tkachestva i rukodeliya* [Bashkir-Russian dictionary of terms of weaving and needlework]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

51. Kerimova, R.N. (2005) *Bashkir-Russian, Russian-Bashkir folk dictionary of medical terms*. Ufa: Kitap. (In Bashkir).

52. Khisamitdinova, F.G. (2002) *Bashkirskaya mifologiya. Slovar'-spravochnik* [Bashkir mythology. Reference dictionary]. Ufa: Gilem.

53. Khisamitdinova, F.G. (2010) *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow: Nauka.

54. Beyeshev, E.G. (ed.) (1993) *Dictionary of the Bashkir language: in 2 volumes*. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk; Digora. (In Bashkir).

55. Khisamitdinova, F.G. (ed.) (2011–2018) *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka: v 10 t.* [Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 volumes]. Vol. 10. Ufa: Kitap.

56. Ishegulova, A.M. (2018) The Academic Dictionary of the Bashkir Language. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 14. pp. 68–79. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/14/4

57. Yagafarova, G.N. (2019) Noveyshaya tyurkskaya leksikografiya (o novom tipe tolkovykh slovarey) [The latest Turkic lexicography (about a new type of explanatory dictionaries)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 1 (26). pp. 77–85. DOI: 10.25693/SVGV.2019.01.26.010

58. *The Machine Fund of the Bashkir Language*. [Online] Available from: http://mfbl2.ru/.

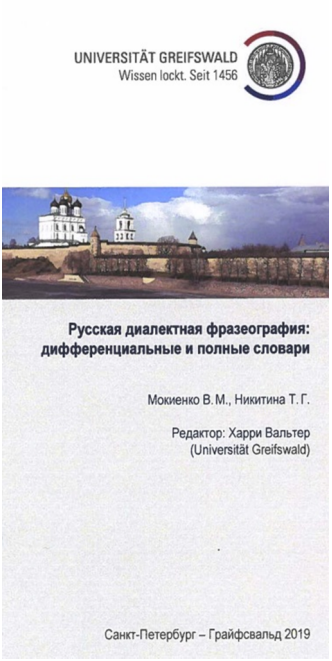
59. Yuldashev, A.A. (1972) *Printsipy sostavleniya tyurksko-russkikh slovarey* [The principles of compiling Turkic-Russian dictionaries]. Moscow: Nauka.

60. Khisamitdinova, F.G. (2019) [On the development of a dictionary of Russian borrowings of the Bashkir language]. *Tyurkskoe yazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya* [Turkic linguistics of the 21st century: lexicology and lexicography]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 10–11 September 2019. Kazan: Kazan Federal University. pp. 281–285. (In Russian).

61. Khisamitdinova, F.G. & Nafikov, Sh.V. (2017) About the Etymological Dictionary of the Bashkir Language. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 3 (19). pp. 84–89. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: 10.17223/22274200/18/11

Рецензия на книгу: Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русская диалектная фразеография: дифференциальные и полные словари / Ред. Х. Вальтер. СПб.–Greifswald: СПбГУ-Universität Greifswald, 2019. 310 с.

Рассматриваются вопросы лексикографического описания фразеологии русских территориальных и социальных диалектов. Особое внимание уделяется проблемам словарной репрезентации фразеологической семантики, историко-этимологического комментирования фразеологизмов и отражения особенностей их функционирования в современном социокультурном контексте. Книга предназначена филологам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами русской фразеологии и лексикографии.

Как известно, один из первых докладов по народной фразеологии был представлен Борисом Александровичем Лариным на конференции диалектологов, которая состоялась в 1959 г. в Киеве. По словам Б.Н. Ларина, с XIX в. и до 1970-х гг. этнографы и фольклористы при описании пословиц и поговорок стремились «уловить “дух народа”, его поэтическую “душу”», что приводило к ошибочным историческим и этимологическим толкованиям (с. 5)[1].

Только в последние десятилетия теоретическая фразеология, соединяясь с практическими исследованиями диалектных фразеологизмов, начала приносить свои плоды, результатом чего стали не только статьи и монографии, посвященные проблемам описания диалектной

[1] Здесь и далее даются ссылки на рецензируемую монографию в тексте в круглых скобках.

идиоматики, но и диалектные словари русского языка, которые обогатили русскую диалектную фразеологию как самостоятельное научное направление.

В настоящее время группой фразеологов Санкт-Петербургского университета под руководством профессора В.М. Мокиенко разработана концепция «Полного фразеологического словаря русских народных говоров» (ПФСРНГ), специализированного продолжения монументального академического «Словаря русских народных говоров». В ПФСРНГ будет представлено системное и комплексное описание более 140 тыс. русских диалектных фразеологизмов, включенных в современные диалектные словари, а также собранных членами проектной группы. При описании фразеологических единиц авторы предлагают использовать переосмысленные постулаты диалектной фразеологии, уточненные взгляды на фразеологизм как объект лексикографического описания, усовершенствованную региональную и стилистическую квалификацию идиом, объективное культурологическое и историко-этимологическое комментирование диалектных фразеологизмов. Это позволит унифицировать подачу фразеологического материала, соотнести варианты и синонимы, описать семантику идиом и их стилистические особенности. Таким образом появляется возможность выявить специфику диалектной фразеологии, более детализированно репрезентировать фразеологическую картину мира, благодаря чему мы сможем лучше понимать «процессы обогащения современного русского литературного языка средствами разговорной региональной речи» (с. 8). Тем не менее при всем уважении к грандиозным планам лучших российских фразеологов отметим, что название словаря «Полный фразеологический словарь русских народных говоров» многообещающее, однако, как показывает опыт, абсолютно в научной сфере (к счастью или к несчастью) вряд ли достижимо.

Рецензируемая монография состоит из трех глав, каждая из которых, безусловно, могла бы стать самостоятельной научной темой.

В книге представлены результаты масштабного исследования, но рамки рецензии позволяют остановиться лишь на некоторых из них.

В первой главе «Диалектная фразеология и принципы ее словарного описания» авторы рассматривают спорные вопросы фразеологической теории и практики, а также предлагают решение этих вопросов.

К таким вопросам относятся прежде всего определение понятия фразеологической единицы (ФЕ), объём, объект и границы фразеоло-

гии (с. 10). В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина справедливо полагают, что «расширительность» по отношению к фразеологии и узкое понимание фразеологической единицы являются деструктивными крайностями, так как ни тот, ни другой подход не позволяет обойти «подводные камни» фразеографии. В связи с этим вполне логичен вывод, что «следуя максимально широкому подходу к фразеологии, составитель словаря оказывается в принципе неспособен описать все виды комбинаций слов, теоретически относимых к ней, а стремясь к полной минимизации объекта описания, предлагает лишь фрагменты материала, который интуитивно ищет читатель идиоматического словаря» (с. 12).

По мнению авторов монографии, одно из решений проблемы объема и границ фразеологических единиц – создание словарей комбинированного типа, например словарь крылатых слов [1], словарь народных сравнений [2], словарь речевого этикета [3] и др.

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина считают наиболее актуальным для лексикографической прагматики метод словарных толкований, который предложили А.М. Мелерович [4. С. 35] и В.П. Жуков [5. С. 39–40]. Этот метод основан на сопоставлении развернутого толкования ФЕ с ее структурной схемой, благодаря чему можно установить особенности со-функционирования компонентов ФЕ со словами свободного употребления. С помощью названного метода определяется степень их семантической самостоятельности.

Сложность вопроса о взаимодействии «ФЕ – слово» приводит к разнобою при фиксации устойчивых словосочетаний в словарях. В общих словарях фразеологические единицы, как правило, оказываются в конце словарной статьи. В специальных фразеологических словарях нет единообразия при выборе опорного / стержневого / грамматически доминантного слова. И в обоих случаях читатель испытывает затруднения в поиске нужного фразеологизма. В связи в этим В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина утверждают, что «место расположения ФЕ в словаре должно определяться сугубо прагматически, формально, а не на основе общетеоретических интерпретаций типологии взаимодействия компонентного состава этой языковой единицы» (с. 15).

Еще одной нерешенной проблемой фразеологии является установление грамматического значения ФЕ, что необходимо для лексикографического воплощения теории грамматической асимметрии идиом.

Сегодняшняя задача фразеологов – определить свою позицию в вопросе о функционально стилистической квалификации ФЕ. В ходе

экспериментальных исследований было установлено, что бóльшая часть славянских ФЕ относится к разговорно-просторечному дискурсу [6], и, кроме того, наблюдается «количественный и качественный перевес негативно оценочной семантики над оценочностью позитивной» (с. 18).

С развитием таких научных направлений, как лингвострановедение, культурология, когнитивная лингвистика, связана проблема разработки культурологического параметра фразеологии. Выявление национальной специфики ФЕ должно осуществляться, по мнению авторов, на основе межъязыкового сопоставления и погружения в исторический контекст, что находит свое отражение в двуязычных и многоязычных, лингвострановедческих, лингвокультурологических и этимологических словарях и справочниках.

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина определяют программу максимум для славянской фразеографии, в соответствии с чем должны быть созданы:

1) сводные национальные фразеологические тезаурусы, т.е. словари полного типа с комплексными параметрами словарной статьи;

2) полные идеографические, тематические и синонимические словари славянской фразеологии;

3) словари славянской фразеологической неологики;

4) большие словари диалектной (народной) фразеологии и фразеологические словари жаргона;

5) историко-этимологические словари фразеологии отдельных славянских языков, сравнительно-этимологический словарь славянских языков и словарь праславянской фразеологии (с. 19).

Неожиданно для нас прозвучала идея создания словарей “семейной” фразеологии. Эта бытовая сфера до сих пор остается недостаточно изученной, хотя предоставляет неисчерпаемый фразеологический материал, нуждающийся в осмыслении происходящих живых языковых процессов.

В этой же главе авторы монографии обращаются к истории научной школы профессора Б.А. Ларина, высоко оценивая вклад ларинцев в развитие диалектной лексикографии и фразеографии. «Характерными чертами этой школы стали общий филологизм, историзм, семантизм, лексикографизм и максимализм в полноте анализа языковых фактов» (с. 22). В рецензируемой книге подробно описываются разработанные Б.А. Лариным принципы лексикографии, на основе которых был создан петербургский паремиологический трехтомник:

1) лексикографическая полнота;
2) точная паспортизация материала;
3) временна́я и пространственная характеристика языковых единиц;
4) ретроспективная лингвокультурологическая характеристика;
5) комплексное описание вокабул.

Особое место в монографии отведено поговорке как основе диалектной фразеологии и объекту диалектной фразеографии. Под поговорками понимаются «меткие устойчивые выражения экспрессивно-образного типа, ярко характеризующих человека и окружающую действительность» (с. 36).

По критерию «соотнесенность с литературными выражениями и масштабности распространения в русскоязычной среде» авторы выделяют следующие типы диалектных фразеологизмов – поговорок:

– выражения, кодифицированные литературным языком: *съесть собаку, бить баклуши* и т.п.;

– яркие, меткие поговорки регионального масштаба: пск., новг. *съездить в Москву* – ‘о неудачной поездке куда-л., о слишком дорогой покупке’, ‘родить ребенка’ и др.;

– современные просторечные и жаргонные обороты: жарг.-разг. *накрыться (медным) тазом (тазиком)* – ‘умереть’, ‘не реализоваться, потерпеть крах (о планах, надеждах)’ и т.п.

Авторы признают, что выделение последней группы достаточно спорно, хотя предпринимают попытку доказать, что такого типа фразеологизмы могут быть отнесены к “социолектизмам”, поскольку используются в ограниченном социуме и, в ряде случаев, только на определенной территории.

При рассмотрении образных сравнений в диалектной речи и в словаре обращается внимание на «добавочность смысла» (термин Б.А. Ларина), которая очевидна в синонимическом ряду: *черный как ночь, как смоль, как вороново крыло* (характеристика волос); *черный как сажа или как уголь, как трубочист* (об испачкавшемся человеке); *черный головешка, как негр, как арап, как цыган, как шоколад* (об очень загорелом или смуглом человеке).

С точки зрения В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, по активности/пассивности употребления и частотности сравнения разделяются на три группы:

– образные сравнения, кодифицированные литературным языком: *голодный как волк, гол как сокол, трещать как сорока, злой как чёрт* и т.п.;

– меткие выражения регионального распространения: яросл. *ходить как Акулина* – ‘о ходящей в плохой, небрежной одежде женщине’, пск. *зырить (зырять) как вор на ярмарке* – ‘о воровато поглядывающем по сторонам, оглядывающемся человеке’ и др.;

– современные просторечные и жаргонные образные сравнения: мол. жарг. *как два байта переслать* – ‘о совершении чего-л. без труда, просто, быстро и сразу’; жарг.-прост. *пролететь как фанера над Парижем* – ‘упасть с большой высоты’, ‘сделать что-л. очень быстро’, ‘об обанкротившемся или понесшем большие финансовые потери человеке’ и т.п.

Авторы подробно анализируют уникальный «Большой словарь русских народных сравнений» [2], в который включено около 35 тыс. народных образных сравнений. При подготовке словаря авторы, с одной стороны, учли опыт составителей фундаментального собрания чешских сравнений, а с другой – использовали иные принципы описания фразеологического материала (детализированные характеристики; хронологическая маркированность сравнений; предельно точная паспортизация источника), что свидетельствует о достижениях российской фразеологической школы.

Приведем один из примеров такого описания в этом словаре: ОБВИТЬ* *кого* как обвили. *Орл.* О человеке, которого чем-л. подчинили своей воле. <Обвить – по суеверным представлениям, подчинить колдовской, волшебной силе; околдовать. СОГ 8, 8. Ср. **словно околдовал** *кого*.

Диалектная фразеология предполагает исследование пространственных границ фразеологизма. Как утверждают В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, «только на фоне общего по происхождению фразеологического фонда можно объективно констатировать параллелизм тех или иных русских диалектных фразеологических единиц с другими славянскими и европейскими» (с. 63). Такой ракурс дает основания решить еще одну важную задачу – создать лингвистический атлас по русской диалектной фразеологии.

На примере оборота *картошка в мундире* авторы монографии доказывают, что фразеоглоссы являются свидетельством компактности групп населения, которые обосновались на территории современного Подмосковья, а также «метками» продвижения носителей разных русских диалектов к Москве (с. 64).

Не менее интересна позиция В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной относительно сопоставления специфических диалектных фразеологиче-

ских единиц, используемых в зонах межъязыковых контактов. Например, в псковских говорах встречаются ФЕ, образы которых могут трактоваться без учета балтийских или финно-угорских параллелей как проявление взгляда на мир, свойственного именно псковичам, что может быть ошибочно. Так, записанное в Печорском районе выражение *купить поросёнка в мешке* (ср. общерус. *купить кота в мешке*) свидетельствует о контактах псковичей с эстонцами: в эстонском языке это один из 110 вариантов данного интернационального оборота (с. 70).

Во второй главе «Концептуальное содержание и культурные коннотации фразеологизма в лексикографической репрезентации» представлена семантическая концепция Б.А. Ларина и историко-этимологический анализ фразеологических единиц; анализируется экспликация культурного фона фразеологизма в словарях разных типов; в лексикографическом и лингвокультурологическом аспектах рассматривается идеографическое описание диалектной фразеологии; предлагаются лингвокультурологические реконструкции на материале диалектных фразеологических словарей.

Авторы рассматривают фразеологическую абстракцию как «специфическое для ФЕ выражение закономерного абстрагирования фразеологического значения в процессе его становления и функционирования от семантики языковых элементов, образующих материальную форму ФЕ» (с. 97). В связи с этим выделяются следующие основные типы фразеологической абстракции:

1) абстракция от лексических и грамматических значений компонентов ФЕ (*была не была, кровь с молоком, чёрт с ним, хоть шаром покати*);

2) абстракция от исходного значения сочетания слов, являющегося базой фразообразования (*козёл отпущения, втирать очки, бить баклуши*);

3) абстракция от типового значения синтаксической конструкции (*играть на нервах, стоять поперек горла*).

Не вызывает сомнений вывод о том, что именно фразеологическая абстракция, не будучи полной, отличает ФЕ от лексем.

Рассматривая проблему двуязычной репрезентации пословиц и поговорок, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина анализируют существующие фразеологические словари и приходят к выводу, что такое сопоставление дает возможность «представить не только фрагменты национальных концептосфер, объективируемые данным паремиологическим материалом, но и широкий спектр сведений страноведче-

ского характера, что позволит использовать словарь как эффективное средство обучения выразительным средствам языка, расширения лингвокультурологического кругозора и социокультурной адаптации иностранцев в новой лингвокультуре (с. 147–148).

В монографии дан краткий обзор основных вех в развитии европейской словарной идеографии от Аристофана Византийского (I в. до н.э.) до западных и российских фразеографов начала XXI в. На примере концепта «Язык/речь» показано, как идеографическая классификация фразеологии может использоваться для лингвокультурологических реконструкций. По утверждению авторов, «идеографическое описание фразеологизмов и анализ их внутренней формы позволит определить наиболее значимые для народного сознания характеристики речи, выявить особенности осмысления языка как системы и диалекта как его территориального варианта, уточнить оценку народным сознанием компонентов языковой способности индивида, что найдет отражение в понятийной структуре реконструируемого концепта» (с. 170).

Принципиально новым направлением является структурирование сферы «Религиозные представления диалектоносителя» при составлении идеографической классификационной схемы для фразеологии псковских говоров с использованием разных источников и материалов картотеки Псковского областного словаря.

Бесспорной удачей следует признать третью главу «Фразеология социальных диалектов в зеркале лексикографии», в которой читатель может познакомиться с трактовкой русской жаргонологии в трудах Б.А. Ларина и с проблемами лексикографической разработки материала социальных диалектов. Авторы обосновывают концепцию сводного фразеологического словаря русских социальных диалектов, формулируют принципы лингвокультурологической расшифровки и лексикографического описания фразеологических образов субстандарта, анализируют фразеологические трансформации в современной речи и их словарные интерпретации.

Предлагаемый авторами термин «жаргонология», по всей видимости, имеет право на существование, поскольку сейчас происходят значительные изменения в городской речи, которые требуют серьезного научного осмысления.

Представители фразеологической школы В.М. Мокиенко из России, Украины и Германии создали огромную сводную картотеку с помощью компьютерной базы данных, являющуюся основой жаргон-

ных словарей (см., например, «Большой словарь русского жаргона» (2000), где описано свыше 25 тыс. слов и 7 тыс. фразеологизмов).

Авторы монографии детально рассматривают лексикографические особенности жаргонных словарей:

1) малого формата: «Босяцкий словарь» Беца (Бец 1903); «Сленг хиппи. Материалы к словарю» Ф.И. Рожанского (1992);

2) среднего формата: «Блатная музыка. (“Жаргон” тюрьмы)» В.Ф. Трахтенберга (1908); «Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslangs» Х. Вальтера (2003);

3) большого формата: словари русского блатного воровского жаргона Д.С. Балдаева (1997) и О.Б. Хоменко (1997); «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (2000); «Словарь русского молодежного сленга» Т.Г. Никитиной (2003).

Как отмечают В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, «исследования и лексикографическое описание русских социолектов показывают, что за последние полтора века они развивались весьма динамично: от тайных языков и арго замкнутых социальных групп – к молодёжному жаргону, являющемуся основным ресурсом обновления современной речи и литературного языка» (с. 206). Для описания этих языковых явлений требуется решить множество вопросов, связанных с лексикографическим описанием фразеологических единиц субстандарта (синонимические ряды, идеографические поля, историко-этимологический анализ русских жаргонизмов, семантическая типология арго и жаргонов различных социальных групп и ареалов).

Коллективом, возглавляемым В.М. Мокиенко, более 20 лет ведется работа по составлению «Сводного фразеологического словаря социальных диалектов» (рабочие названия: «Фразеологический словарь русского жаргона», «Большой словарь жаргонной фразеологии»). Составители предприняли попытку учесть недочеты существующих словарей этого направления, опираясь на следующие характеристики жаргонной идиоматики: тематическая доминантность, повышенный экспрессивный потенциал, особый тип стилистической маркированности, диффузность семантики, профессиональная ориентированность, социолектная избирательность и т.д. (с. 209).

В «Сводном фразеологическом словаре социальных диалектов» предполагается описать не менее 12 тыс. субстандартных выражений, причем не только тождественных, но и близких по семантике, стилистике и структуре.

Включение региональных сленговых фразеологизмов (например, молодежный жаргон Пскова) авторы обосновывают необходимостью «полнее отразить современное состояние русского фразеологического фонда, выявить общерусские способы нового фраземообразования, региональные фразеологические модели, уникальные, “штучные” мотивировки фразеологических единиц и их социокультурный фон» (с. 216). Приводится такой пример: ПРОСПЕКТ ЛЕННОНА. Шутл. Проспект Ленина в Великих Луках. *Луки – самый битловский город был всегда. И проспект Леннона всегда был, сколько себя помню* [7. С. 33; 8].

Вызывает интерес новое направление в молодежной масскультуре – урбания – городская уличная культура (брейкинг, граффитти, стритбол, скейтбординг, агрессивные ролики и велоэкстрим), что находит отражение во фразеологических единицах с субкультурным компонентом семантики.

При этом бóльшая часть ФЕ молодежного жаргона обозначает не новые явления культуры, а традиционные для фразеологии понятия темы «Человек»: физические качества, физиологические процессы, умственные способности, эмоциональные состояния, черты характера, физические действия, трудовые процессы (с. 226).

Согласно концепции «Сводного фразеологического словаря социальных диалектов», это “переводной” словарь – с литературного русского языка на сленг. Под темами (их более 800) в алфавитном порядке располагается материал, заданный нормативными лексемами литературного языка. Под темой-рубрикой также в алфавитном порядке группируются сленговые эквиваленты заголовка – слова и фразеологические единицы, которые описываются в отдельных микростатьях. Например, в макростатье БЕЗДЕЛЬНИЧАТЬ объединены общемолодежные сленгизмы *балдеть, болеть шлангитом, валять (катать) муму, гонять (валять, пинать) балду, гонять вальта, гонять дуру, гаситься, делать дурочку, зависать* и т.п.

Для описания жаргонной фразеологической номинации в профессиональных сферах авторы монографии предлагают следующую схему:

А. Работник, специалист, его качества, действия (*скорая помощь (морск.) – ‘буфетчица’;* у работников радио и телевидения: *сломать тему – ‘коснуться нового аспекта, изменить тему в ходе интервью’*);

Б. Место работы (у моряков: *тюлькин флот – ‘рыболовный флот’*; у шоферов: *венгерская колбаса (длинный автобус “Икарус”*);

В. Инструменты, орудия труда (у музыкантов: *самогонный аппарат (валторна)*;

Г. Продукты труда (в сфере кино, телевидения: *вазелиновое кино – ‘кадры, снятые с фильтром, размывающим изображение’*; у музыкантов: шутливые названия музыкальных произведений, например *“Кальсоны белуги” (оперная тетралогия Р. Вагнера “Кольцо Нибелунгов”)*.

Особую ценность представляет последний раздел, посвященный современным трансформациям фразеологических единиц (трансформам), оперативно отражающим социокультурные изменения (с. 259–268). Иначе такие трансформации называются «антипословицы»: *Что русскому здорово, то немцу смерть → Что рублю здорово, то доллару – смерть; Что Америке здорово, то Евросоюзу смерть; Что для «Автодора» – смерть, для Chrysler – здорово* и др. [8. С. 202–203].

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина блестяще раскрывают возможности лексикографической репрезентации современных трансформаций крылатики и социокультурного фона трансформов крылатых выражений на примере популярного выражения, связанного с псковским регионом, – *мы пскопскúе/псковскúе* (с. 262–268). Авторы приходят к заключению, что «представленная концепция словарной репрезентации афористики с учетом функционирования крылатых выражений в современной разговорной речи и медиатексте позволит показать в словарной статье структурно-семантические трансформации афоризмов, их новые семантические нюансы, динамику ситуативных и ареальных характеристик. Этимологические комментарии повысят лингвокультурологическую ценность словаря, раскроют национальный и региональный культурный-исторический фон происхождения крылатых выражений, а актуальные примеры употребления отразят их современные социокультурные условия функционирования» (с. 268).

Нисколько не умаляя достоинств рецензируемой монографии, отметим, однако, что ее структура не всегда отражает логику изложения. Так, на наш взгляд, концептуальные положения Б.А. Ларина можно было бы представить в одном разделе. Но полет талантливой мысли авторов бесценного труда неисповедим, а мы, зачарованные читатели, взлетаем вместе с ними…

Заслуживает уважения и восхищения список источников, который включает 569 наименований на английском, белорусском, болгарском, венгерском, испанском, немецком, польском, русском, словен-

ском, украинском, хорватском, чешском языках. Такая обширная библиография может оказать помощь в исследовательской работе не только начинающих фразеологов, но и маститых ученых.

Отрадно отметить, что проект «Русская народная фразеология в лексикографическом освещении (принципы и разработка “Полного фразеологического словаря русских народных говоров”), участниками которого являются В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина, реализуется в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда.

Безусловно, монография В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной станет настоящим подарком не только для филологов, но и для всех, кому небезразлична русская фразеология и лексикография.

Литература

1. *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка: ок. 4 000 единиц. М. : АСТ: Астрель : Русские словари, 2005. 623 с.

2. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь народных сравнений. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 800 с.

3. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 767 с.

4. *Мелерович А.М.* Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль : Костромской пед. ин-т, 1979. 80 с.

5. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. М. : Просвещение, 1978. 160 с.

6. *Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г.* Словарь русской фразеологической терминологии / под ред. проф. В.М. Мокиенко, herausgegeben von A. Bierich. München : Verlag Otto Sagner, 1993. 136 S.

7. *Никитина Т.Г., Рогалёва Е.И.* Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М. : ЭЛПИС, 2006. 384 с.

8. *Reznikov A.* Modern Russian Anti-Proverb. Burlington, Vermont : «Proverbium» in cooperation with the Department of German and Russian; The University of Vermont, 2009. 179 p.

Н.Л. Федотова, Б.Н. Коваленко

Book Review: Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2019) *Russkaya Dialektnaya Frazeografiya: Differentsial'nye i Polnye Slovari* [Russian Dialect Phraseography: Differential and Complete Dictionaries]. Saint Petersburg; Greifswald: Saint Petersburg State University; Universität Greifswald

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2020, 18, pp. 199–211.
DOI: 10.17223/22274200/18/11

Nina L. Fedotova, Boris N. Kovalenko, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.fedotova@spbu.ru / borisspb@mail.ru / b.kovalenko@spbu.ru

References

1. Berkov, V.P., Mokienko, V.M. & Shulezhkova, S.G. (2005). *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka: ok. 4000 yedinits* [Large dictionary of winged words of the Russian language: approx. 4,000 units]. Moscow: AST: Astrel: Russkiye slovari.

2. Mokiyenko, V.M. & Nikitina, T.G. (2008). *Bol'shoy slovar' narodnykh sravneniy* [A large dictionary of folk comparisons]. Moscow: OLMA Media Group.

3. Balakay, A.G. (2007). *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. 3rd ed. Rev. and add. Moscow: Astrel: AST: Khranitel.

4. Melerovich, A.M. (1979). *Problema semanticheskogo analiza frazeologicheskikh yedinits sovremennogo russkogo yazyka* [The problem of semantic analysis of phraseological units of the modern Russian language]. Yaroslavl: Kostroma Pedagogical Institute.

5. Zhukov, V.P. (1978). *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological units]. Moscow: Prosveshchenie.

6. Birikh, A.K., Volkov, S.S. & Nikitina, T.G. (1993). *Slovar' russkoy frazeologicheskoy terminologii* [Dictionary of Russian phraseological terminology]. München: Verlag Otto Sagner.

7. Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2006). *Regional'nyy slovar' slenga (Pskov i Pskovskaya oblast')* [Regional Slang Dictionary (Pskov and Pskov Oblast)]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo ELPIS".

8. Reznikov, A. (2009). *Modern Russian Anti-Proverb. Burlington*. Vermont: "Proverbium" in cooperation with the Department of German and Russian, The University of Vermont.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОБРОВА Мария Владимировна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: bomaripgu@yandex.ru

ВОРОНЦОВ Роман Игоревич – канд. филол. наук, науч. сотр. отдела лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: roman.vorontsov.86@gmail.com

ГРИЦЕНКО Елена Сергеевна – д-р филол. наук, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород).
E-mail: egritsenko@hse.ru / elena.s.gritsenko@gmail.com

ЗЕМИЧЕВА Светлана Сергеевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.
E-mail: optysmith@gmail.com

КОВАЛЕНКО Борис Никифорович – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: borisspb@mail.ru / b.kovalenko@spbu.ru

КОЛОСЬКО Елена Валентиновна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).
E-mail: evkolosko@mail.ru

КОРЫЧАНКОВА Симона – PhD, зав. кафедрой русского языка и литературы Масарикова Университета (г. Брно, Чехия).
E-mail: korycankova@ped.muni.cz

КРАСНОБАЕВА-ЧЁРНАЯ Жанна Владимировна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и прикладного языкознания и славянской филологии Донецкого национального университета им. Василия Стуса (г. Винница, Украина).
E-mail: zh.krasnobaieva@gmail.com

ЛАППО Марина Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: marine.lappo@yandex.ru

МАЛИНОВСКАЯ Наталья Игоревна – канд. филол. наук, доцент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.
E-mail: 2975995dcn@rambler.ru

НИКИТИН Олег Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета.
E-mail: olnikitin@yandex.ru

СЕРГЕЕВА Марина Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.
E-mail: msergeyeva@mail.ru

ТКАЧЕВА Ирина Олеговна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории компьютерной лексикографии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).
E-mail: irina-tkach@yandex.ru

ТРУГЛАРЖОВА Оксана Геннадьевна – д-р филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы Масарикова Университета (г. Брно, Чехия).
E-mail: ushakova@ped.muni.cz

ФЕДОТОВА Нина Леонидовна – д-р пед. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: fednil@mail.ru

ХИСАМИТДИНОВА Фирдаус Гильмитдиновна – д-р филол. наук, научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
E-mail: hisamitdinova@list.ru

ЯГАФАРОВА Гульназ Нурфаезовна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
E-mail: rishrinat@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит два раза в год.

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: **http://journals.tsu.ru/lex**

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: **http://journals.tsu.ru/lex**

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2020. № 18

Редактор Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Я. Якобсон, Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 29.12.2020 г. Формат 80×84 $^{1}/_{16}$.
Печ. л. 13,4; усл. печ. л. 12,4. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № .

Дата выхода в свет 14.01.2021 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru